

Экономика Северо-Запада:
проблемы и перспективы развития
№ 3(66) 2021 год

Основан в 1998 г.

Учредитель:

ФГБУН «Институт проблем региональной
экономики РАН»

Издатель:

ФГБУН «Институт проблем региональной
экономики РАН»

Главный редактор

В. В. Окрепилов,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН, научный руководитель
Института проблем региональной экономики РАН

Заместители главного редактора

Ю. А. Антохина, С. В. Кузнецов, А. Д. Шматко

Ответственный секретарь

Е. Б. Костяновская

Редакционный совет

А. Г. Аганбегян, Л. А. Аносова, Ю. А. Антохина,
А. А. Анфиногентова, А. Р. Бахтизин,
С. Д. Валентей, И. И. Елисеева, В. В. Иванов,
В. А. Ильин, В. Л. Квинт, А. Д. Некипелов,
А. А. Оводенко, Б. Н. Порфирьев,
В. А. Цветков, А. Д. Шматко

Редакционная коллегия

К. Ю. Борисов, А. С. Будагов, Б. М. Гринчель,
С. А. Иванов, Е. Б. Костяновская, С. В. Кузнецов,
Л. А. Лосин, И. А. Максимцев, Т. В. Морозова,
В. Т. Перекрест, Г. Л. Сафарова, С. В. Федосеев,
А. Д. Шматко

Редактор *С. В. Денисова*
Компьютерная верстка *В. Н. Костиной*

Подписано к печати 15.02.2022. Дата выхода в свет: 25.02.2022. Формат 60 × 84 1/8.
Уч.-изд. л. 11,6. Усл. печ. л. 12,1. Тираж 1000 экз. (1-й завод 100 экз.) Заказ № 51.

Распространяется бесплатно

Отпечатано в редакционно-издательском центре ГУАП
190000, г. Санкт-Петербург, ул. Б. Морская, д. 67, лит. А

Научный и общественно-политический журнал

Журнал издается при научно-методическом
руководстве Отделения общественных наук
Российской академии наук

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор):
ПИ № ФС77-76329 от 26 июля 2019 г.

Периодичность издания: 4 номера в год

Журнал «Экономика Северо-Запада: проблемы
и перспективы развития» входит в Перечень пе-
риодических научных изданий, рекомендуемых
ВАК для публикации основных результатов дис-
сертаций на соискание ученой степени кандида-
та наук, на соискание ученой степени доктора
наук 08.00.00 Экономические науки.

Страницы журнала открыты для дискуссион-
ных материалов; его содержание не обязательно
отражает точку зрения учредителя и редакции.

Перепечатка публикаций из журнала «Эконо-
мика Северо-Запада: проблемы и перспективы
развития» в зарубежные издания допускается
по согласованию с редакцией.

Ссылка на журнал «Экономика Северо-Запада:
проблемы и перспективы развития» обязательна.

Адрес редакции: 190013, г. Санкт-Петербург,
ул. Серпуховская, д. 38
Институт проблем региональной экономики РАН
Тел.: (812) 316-69-22
E-mail: info@iresras.ru
www: econ-spb.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора.....	2
Окрепилов В. В., Шматко А. Д. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ.....	3
Жихаревич Б. С. ВЛИЯНИЕ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ НА МУНИЦИПАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ	8
Кузнецов С. В., Якишин Ю. В. БАЗОВЫЕ НАУЧНЫЕ КАТЕГОРИИ ПОНЯТИЙНО- КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ (ЧАСТЬ 1).....	20
Котов А. И., Халитова А. К. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ КРУПНЫМ МЕГАПОЛИСОМ.....	30
Лукин Е. В., Сидоров М. А. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ СЗФО В 2020 ГОДУ: ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	37
Окрепилов В. В. СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭКОНОМИКИ КАЧЕСТВА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ.....	52
Гагулина Н. Л. МОДЕЛИРОВАНИЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	61
Дорофеева Л. В., Леонтьева А. Н. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ.....	70
Прибышин Т. К. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИМЕНЕНИЕ И СПЕЦИФИКА НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ	76
Ялунер Е. В., Гашко Д. В. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	85
Сафарова А. А., Сафарова Г. Л. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ И СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА.....	94
Сведения об авторах	103

CONTENTS

Foreword from the Editor-in-Chief	2
Okrepilov V. V., Shmatko A. D. OUTLOOK ON INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND MUNICIPALITIES	3
Zhikharevich B. S. IMPACT OF THE SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY OF RUSSIA ON MUNICIPAL STRATEGIES	8
Kuznetsov S. V., Yakishin Iu. V. BASIC SCIENTIFIC CATEGORIES OF THE CONCEPTUAL AND CATEGORICAL PLATFORM OF RESEARCH ON THE SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA AND ITS REGIONS (CHAPTER 1).....	20
Kotov A. I., Khalitova A. K. STRATEGIC PLANNING IN THE GOVERNANCE SYSTEM OF A LARGE MEGAPOLIS	30
Lukin E. V., Sidorov M. A. ECONOMY OF THE NWFD REGIONS IN 2020: PANDEMIC CHALLENGES AND PROSPECTS.....	37
Okrepilov V. V. COMPONENTS OF THE ECONOMICS OF QUALITY AS A FACTOR OF INCREASING THE QUALITY OF PLANNING FOR THE DEVELOPMENT OF A TERRITORY	52
Gagulina N. L. MODELING AN ASSESSMENT OF QUALITY OF LIFE OF SAINT PETERSBURG POPULATION	61
Dorofeeva L. V., Leont'eva A. N. IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN STRATEGIC PLANNING OF URBAN DEVELOPMENT	70
Pribyshin T. K. MUNICIPAL STRATEGIC PLANNING IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: SCOPE AND SPECIFICATIONS.....	76
Yaluner E. V., Gashko D. V. PRESENT STATE AND PROSPECTS OF BUSINESS DEVELOPMENT IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	85
Safarova A. A., Safarova G. L. AGE STRUCTURE TRANSFORMATION AND THE AGING OF THE POPULATION IN THE REGIONS OF THE NORTHWEST FEDERAL DISTRICT	94
Information about authors.....	103

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые друзья и коллеги!

Поздравляю вас с началом работы Региональной научно-практической конференции «Сбалансированность решения социальных и экономических задач в региональных стратегиях».

В нынешних условиях особенно важен поиск таких решений, которые позволят стимулировать экономический рост в интересах сохранения и развития социальных гарантий для людей. Улучшение деятельности учреждений здравоохранения, образования, жилищного сектора, транспорта, надежная защита окружающей среды – эти вопросы выходят на первый план в реализации региональных стратегий. И от того, насколько успешно они решаются сегодня, зависит не только социальная стабильность, но и экономическая конкурентоспособность регионов. Ведь не секрет, что люди эффективнее трудятся там, где в своей повседневной жизни постоянно ощущают перемены к лучшему.

Повышение качества жизни населения на основе устойчивого развития является стратегическим курсом Российской Федерации, определяя содержание важнейших законов федерального и регионального уровней. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года в качестве Генеральной цели предусматривает обеспечение стабильного улучшения качества жизни горожан и повышение глобальной конкурентоспособности Санкт-Петербурга. Принят ряд принципиально важных документов, конкретизирующих пути достижения этой цели в различных отраслях экономики на основе развития науки, техники и технологий. И об этом подробнее пойдет речь на нашей конференции.

Убежден, что представленные доклады имеют большую научную значимость как для экономической науки в целом, так и для решения насущных проблем региональной экономики.

Уверен, что конференция станет местом свободного научного общения, где будут представлены новые идеи и программы, обсуждены самые актуальные проблемы и направления региональных стратегий.

Желаю всем участникам успешной и плодотворной работы!

*Главный редактор, научный руководитель ИПРЭ РАН академик РАН
В. В. Окрепилов*

УДК 332.1(470):338.49

DOI: 10.52897/2411-4588-2021-3-3-7

Владимир Валентинович Окрепилов*

доктор экономических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель

Алексей Дмитриевич Шматко*

доктор экономических наук, профессор, профессор РАО, директор

*Институт проблем региональной экономики РАН

Санкт-Петербург, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. Определены проблемы развития инфраструктуры субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, по территориям которых проходят опорные магистрали, в контексте необходимости обеспечения синхронизации документов стратегического планирования социально-экономического развития субъектов РФ, муниципальных образований с отраслевыми стратегическими документами, подготавливаемыми Министерством транспорта РФ и другими профильными ведомствами; совершенствования методологического обеспечения оценки изменения инвестиционной привлекательности муниципальных образований, а также корректировки местных нормативов градостроительного проектирования, иной градостроительной документации в части инфраструктурной обеспеченности для муниципальных образований. Статья подготовлена на основе материалов аналитического доклада В. В. Окрепилова, А. Д. Шматко на круглом столе Совета Федерации Федерального собрания РФ «О развитии инфраструктуры субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, по территориям которых проходят опорные магистрали» 21 сентября 2021 г. Авторы выражают благодарность сотрудникам Института проблем региональной экономики Российской академии наук, которые приняли участие в подготовке материалов, использованных в докладе: Е. Б. Костяновской, С. В. Кузнецову, А. Н. Леонтьевой, Л. А. Лосину, М. В. Свириденко, В. В. Солодилову.

Ключевые слова: инфраструктура, логистика, опорные магистрали, местное самоуправление.

Vladimir V. Okrepilov*

Grand PhD in Economic Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences

Scientific Adviser of the IRES Russian Academy of Sciences

Alexey D. Shmatko*

Grand PhD in Economic Sciences, Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Director

*Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

OUTLOOK ON INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND MUNICIPALITIES

Abstract. The article was prepared on the basis of the materials of the analytical report of Okrepilov V.V., Shmatko A.D. presented at the round table of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation «On the development of infrastructure of the subjects of the Russian Federation and municipalities through which supporting highways pass» on September 21, 2021. The authors express their gratitude to the staff of the Institute of Regional Economy Studies of the Russian Academy of Sciences, who provided the materials for preparation of the report: E. B. Kostyanovskaya, S. V. Kuznetsov, A. N. Leontieva, L. A. Losin, M. V. Sviridenko, V. V. Solodilov.

Keywords: infrastructure, logistics, supporting highways, local government.

Наращивание инфраструктуры в субъектах РФ и муниципальных образованиях происходит в большинстве случаев посредством федеральной поддержки, путем реализации на их территории мероприятий и объектов в рамках национальных проектов, которые за последние годы стали мощным инструментом

развития регионов и муниципалитетов в современных условиях.

Муниципальные образования, по территории которых проходят опорные магистрали, не являются в этом смысле исключением, скорее наоборот – они в силу своего территориального положения нуждаются в обеспечении необходимой

инфраструктурой. В настоящее время участие муниципальных образований в реализации национальных проектов по их инфраструктурному развитию затрудняется отсутствием проработки данного вопроса с правовой точки зрения.

При этом Президент РФ В. В. Путин на заседании Совета по развитию местного самоуправления в 2020 г. в Красногорске отметил, что «именно на местах „фокусируется“ абсолютное большинство национальных проектов, причем роль местного самоуправления в их реализации возрастет многократно».

Поэтому отсутствие необходимой законодательной базы, регулирующей отношения между федеральными и региональными органами власти, между региональным и муниципальным уровнями, возникающие в ходе реализации национальных проектов по развитию инфраструктуры, вызывает необходимость поиска эффективных способов взаимодействия. Например, между федеральным и региональным уровнями взаимодействие осуществляется через заключение соглашений о взаимодействии по реализации национальных проектов, в которых определены обязательства сторон, цели и задачи, конечные результаты.

На уровне взаимодействия «регион-субъект РФ – муниципальное образование» процесс участия местных органов публичной власти в реализации национальных проектов также нормативно не регламентирован. При этом субъекты Российской Федерации, пользуясь своим административным положением, нередко просто рекомендуют в своих нормативных правовых документах перечень мероприятий, которые должны в рамках национальных проектов осуществить муниципальные образования, в том числе за счет собственных доходов, что, безусловно, существенно сдерживает рост инфраструктуры муниципальных образований, включая те, по территории которых проходят опорные магистрали.

Такое положение дел возможно в силу отсутствия законодательной базы участия муниципальных образований в реализации национальных проектов в сфере обеспечения необходимой инфраструктурой и ее развития, а также высокой финансовой и иной зависимости местных органов публичной власти от органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Таким образом, предлагаются к решению следующие основные вопросы по развитию инфраструктуры муниципальных образований, в том числе по территории которых проходят опорные магистрали.

1. Проработка на законодательном и практическом уровнях модели, когда, предоставляя на реализацию национальных проектов на местном уровне материальные и финансовые ресурсы, федеральные и региональные органы государственной власти приобретают право осуществлять мониторинг и контроль за целесообразностью и эффективностью действий органов местного самоуправления (подобные положения предусмотрены в рамках реализации отдельных переданных органам местного самоуправления государственных полномочий).

2. Законодательно закрепить на федеральном уровне порядок участия муниципальных образований, по территории которых проходят опорные магистрали, в реализации мероприятий, строительстве объектов инфраструктуры в рамках приоритетных национальных проектов.

Данное правовое регулирование будет, помимо прочего, и гарантией прав муниципальных образований при их участии в реализации национальных проектов в рамках процесса стратегического планирования. Участие органов местного самоуправления в национальных проектах имеет особое значение, поскольку реализация национальных проектов должна позволить почувствовать конкретному гражданину изменения к лучшему в соответствующих сферах, особенно в сфере инфраструктурного обеспечения территориального развития. Местное самоуправление, как известно, находится ближе всего к населению конкретной территории и имеет возможность обеспечить учет мнения граждан при реализации национальных проектов, выступая своеобразным медиатором между органами государственной власти и населением.

В целях определения перспектив развития инфраструктуры субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, по территориям которых проходят опорные магистрали, целесообразным представляется рассмотреть следующие вопросы:

- обеспечение синхронизации документов стратегического планирования социально-экономического развития субъектов РФ, муниципальных образований с отраслевыми стратегическими документами, подготавливаемыми Министерством транспорта РФ и другими профильными ведомствами. Важно обеспечить взаимоувязку документов по срокам и приоритетам не только на стадии разработки, но и в процессе реализации, т. е. сформировать механизмы сквозной координации инфраструктурного развития террито-

рий с учетом фактической ситуации и возникающих бюджетных ограничений. Отдельно в данном контексте следует выделить инфраструктурную составляющую национальных проектов, реализуемых на местах, и муниципальные программы, проекты по благоустройству и совершенствованию социальной инфраструктуры;

– совершенствование методологического обеспечения оценки изменения инвестиционной привлекательности муниципальных образований, а также корректировки местных нормативов градостроительного проектирования, иной градостроительной документации в части инфраструктурной обеспеченности для муниципальных образований, по территориям которых проходят опорные магистрали;

– определение параметров увеличения нагрузки на муниципальные объекты инженерной, торговой, социальной инфраструктуры в рамках трансграничных агломераций, включающих муниципальные образования, по территориям которых проходят опорные магистрали (в качестве примера: Кингисепп – Усть-Луга – Ивангород – Нарва).

Институт проблем региональной экономики РАН (ИПРЭ РАН) систематически проводит исследования, которые по тематике относятся к стратегическому, территориальному и транспортному планированию регионов и городов, в том числе к планированию развития СЗФО и Петербургской городской агломерации. Отчетливо осознаем необходимость поиска новых подходов и форм планирования развития территорий, которое должно трансформироваться под воздействием новых условий конкурентной борьбы за идеи развития, интеллектуальные, инновационные, трудовые и финансовые ресурсы. В последние годы подготовлен ряд научных публикаций, посвященных развитию транспортно-коммуникационного каркаса регионов, в том числе для создания оптимальных условий развития городских агломераций в них.

На наш взгляд, крайне актуальными направлениями по тематике, посвященной развитию транспортной инфраструктуры СЗФО, в том числе Санкт-Петербурга и Ленинградской области, являются оптимальное решение проблем дефицита современной терминально-логистической инфраструктуры и дефицита предоставления комплексных транспортно-логистических услуг, недостаточной степени упорядочения движения грузового автотранспорта в регионе. Необходимо учитывать, что доля нашего региона от общего объема перевозок, перевалки

международных грузов в России в настоящее время составляет примерно 25%.

В течение последних 10–15 лет пространственное распределение грузопотоков в Петербургском регионе принципиально не поменялось, но существенной была переориентация потоков, направленных в сторону Эстонии и Латвии, на морской порт Усть-Луга. Значительный рост грузооборота морского порта Приморск в этот период объясняется прежде всего введением в действие мощностей Балтийской трубопроводной системы (БТС). Но мощности грузопотоков в регионе в этот период существенно выросли, в некоторых случаях увеличились в разы. К 2025 г. значения величин грузопотоков в регионе, очевидно, продолжают рост, который в некоторых случаях будет весьма существенным.

В ходе выполнения научно-исследовательских работ активно сотрудничаем с различными вузами и организациями Петербурга, России, стран СНГ [1, 2]. Особое внимание уделяем развитию научного сотрудничества с Республикой Беларусь. В 2020 и 2021 гг. ИПРЭ РАН заключены соглашения о сотрудничестве с Национальной академией наук Беларуси, Белорусским национальным техническим университетом, Белорусским государственным университетом транспорта.

Считаем, что самые серьезные усилия в текущий период должны быть направлены на развитие магистральных транспортных коридоров для обеспечения быстро растущих связей Республики Беларусь с портовыми комплексами Санкт-Петербурга и Ленинградской области, с другими объектами и комплексами транспортной инфраструктуры нашего региона. В качестве приоритетных для развития объектов следует рассматривать магистральные железнодорожные и автодорожные коммуникации.

Еще в 1980–1990-х гг. в Великобритании, Германии и других странах Западной Европы появились исследования, центром внимания которых стали инфраструктурные сети, взаимодействие крупномасштабных объектов глобальных инфраструктур с тонкой тканью исторически сложившихся городов. Возник и был введен в обиход западных градопланировщиков и девелоперов термин *Glocal infrastructure* – «глокальная инфраструктура», обозначающий инфраструктурные сети, сконфигурированные так, что они «бесшовно» связывают локальные пространства с глобальными пространствами. Исследуются на Западе и идущие процессы объединения инфраструктурных систем, создания больших технических инфраструктурных систем. Для их

обозначения применяется, например, аббревиатура *LTS – Large Technical System*.

Анализ отечественной практики проектирования также позволяет увидеть проявления этих новых тенденций в развитии инфраструктуры: сращивание новых телекоммуникационных сетей с традиционными транспортными сетями, объединение инфраструктурных систем и т. д. Похожие проблемы оптимизации обеспечения связи в пределах конкретных территорий глобальных, региональных и локальных элементов инфраструктуры наблюдаются, например, в планировании строительства новых портовых сооружений и скоростных автодорог на территории Петербургского региона. В связи с этим крайне интересными представляются исследования с формулировкой соответствующих выводов и предложений для проектной практики для нашего региона по оптимальному созданию больших инфраструктурных систем, по формированию и развитию глобальной транспортной инфраструктуры.

Все это необходимо обязательно учитывать даже в условиях динамично меняющейся ситуации самого последнего времени, в том числе в условиях быстрого возрастания объемов грузовых перевозок между Республикой Беларусь и морскими терминалами Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

В феврале 2021 г. Россия и Белоруссия подписали межправительственное соглашение о перевалке белорусских нефтепродуктов на экспорт через морские порты РФ. Документ предусматривает возможность перевалки предприятиями Белоруссии 9,8 млн т нефтепродуктов в морских портах РФ на Балтике в 2021–2023 гг., в том числе 3,5 млн в 2021 г., 3,2 млн в 2022-м и 3,1 млн т в 2023 г. Соглашение предусматривает заключение контрактов по принципу *take or pay*, т. е., если грузоотправитель обеспечивает перевалку в объеме меньше согласованного, морской терминал в любом случае получает плату за весь согласованный объем. Эти минимально гарантированные объемы, в соответствии с документом, стороны согласовывают на очередной год не позднее ноября предыдущего года. Коммерческие контракты заключаются с белорусскими экспортёрами нефтепродуктов: ЗАО «Белорусская нефтяная компания», ЗАО «Новая нефтяная компания», ОАО «Мозырский нефтеперерабатывающий завод», ОАО «Нафтан». Тарифы на услуги железнодорожного транспорта установлены в соответствии с законодательством каждого из государств, а также с учетом скидок, предоставленных государственным объединением «Белорусская желез-

ная дорога» и ОАО «Российские железные дороги». При этом гарантируется отсутствие любого их повышения, кроме ежегодной индексации, предусмотренной законодательством двух стран. И это можно оценить только позитивно.

В марте 2021 г. Белоруссия уже поставила первые партии нефтепродуктов в российские порты на Балтике. Нефтепродукты будут переваливаться через терминал «Портэнерго» в порту Усть-Луга и через Петербургский нефтяной терминал в Большом порту Санкт-Петербурга. Поставки белорусских нефтепродуктов будут осуществляться пока только по железной дороге. Российские портовые терминалы на Балтике при необходимости могут принимать около 8 млн т белорусских нефтепродуктов в год. С учетом 50%-й скидки ОАО «РЖД» на перевозку нефтепродуктов из Белоруссии, а также более низких ставок фрахта в порту Усть-Луга экспорт через российские порты для белорусских экспортёров оказывается выгоднее, чем через порты Литвы, Латвии, Эстонии.

Здесь отметим, что в развитие отношений начала обсуждаться тема участия белорусской стороны в строительстве нового терминала для перевалки нефтепродуктов через морские порты РФ на Балтийском море. Такое участие необходимо обязательно обеспечить в самое ближайшее время, что и будет отчасти решением указанной проблемы.

Белоруссия и Россия также прорабатывают возможность перевалки белорусских калийных удобрений через российские морские терминалы. Объемы экспорта калийных удобрений из Белоруссии составляют около 10 млн т в год, и это очень значительные объемы. Здесь обозначается проблема как обеспечения перевозки по железным дорогам, так и перевалки удобрений в российских портах. Согласования по поводу использования существующих мощностей и создания новых должны быть осуществлены, по нашему мнению, в кратчайшие сроки. Беларусь и РФ уже в марте текущего года обсуждали создание в Усть-Луге морского терминала для транзита белорусских удобрений, что должно быть только всемерно поддержано.

Важным представляется и то, что, помимо удобрений, через российские морские порты на Балтике могут переваливаться, например, лесные грузы и продукция машиностроительного комплекса Республики Беларусь. И хотя это требует также детальной проработки с точки зрения различных аспектов, в том числе достаточности перевалочных мощностей российских портов, данную проблему необходимо также быстрее решать.

Ценно, что Российская Федерация и Республика Беларусь подписали межправительственное соглашение о взаимодействии в области обеспечения транспортной безопасности. Оно позволит сформировать унифицированный механизм взаимодействия между государствами, обеспечивающий своевременное выявление, предупреждение и пресечение актов незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса при перевозках пассажиров и грузов в международном сообщении, а также при каботажных автоперевозках грузов. Необходимо и далее в ускоренном порядке совершенствовать законодательно-правовое и нормативно-правовое обеспечение грузовых перевозок, представляющих интерес для обеих стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Междисциплинарное исследование процессов трансформации социально-экономического про-

странства и территориального развития регионов России: монография / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф., акад. РАН В. В. Окрепилова, д-ра экон. наук, проф. С. В. Кузнецова. СПб.: ГУАП, 2021. 469 с.

2. Проблемы преобразования и регулирования региональных социально-экономических систем: сб. науч. тр. Вып. 49 / под науч. ред. д. э. н., проф. С. В. Кузнецова; ИПРЭ РАН. СПб.: ГУАП, 2021. 189 с.

REFERENCES

1. Mezhdistsiplinarnoe issledovanie protsessov transformatsii sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva i territorial'nogo razvitiya regionov Rossii: monografiya / pod nauch. red. d-ra ekon. nauk, prof., akad. RAN V. V. Okrepilova, d-ra ekon. nauk, prof. S. V. Kuznetsova. SPb.: GUAP, 2021. 469 s. (In Russ.).
2. Problemy preobrazovaniya i regulirovaniya regional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: sb. nauch. tr. Vyp. 49 / pod nauch. red. d. e. n., prof. S. V. Kuznetsova; IPRE RAN. SPb.: GUAP, 2021. 189 s. (In Russ.).

Борис Савельевич Жихаревич

доктор экономических наук, профессор
Институт проблем региональной экономики РАН
МЦСЭИ «Леонтьевский центр»
Санкт-Петербург, Россия

ВЛИЯНИЕ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ НА МУНИЦИПАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ

Аннотация. Разработана и апробирована методика выявления и оценки степени учета контекста Стратегии пространственного развития России (СПР) в муниципальных стратегиях. Для этого определена группа общих параметров: наличие формальных упоминаний СПР; отражение общей идеологии СПР и особенно новых концептов (макрорегионы, центры экономического роста, геостратегические территории); фиксация перспективных экономических специализаций муниципальных образований (МО) и их соответствия специализациям субъекта Федерации, указанным в СПР. Отдельно для стратегий городских округов и стратегий муниципальных районов и поселений определены параметры оценки соответствия содержания стратегий рекомендованным в СПР направлениям развития (4 блока рекомендаций для городов и 8 для сельских территорий). Для апробации методики изучены цели и задачи нескольких десятков стратегий и проведен анализ текстов стратегий шести городов (Красноярск, Челябинск, Рязань, Тверь, Анапа и Апатиты). Выявлено, что в части, касающейся определения направлений развития городов и сельской местности, рекомендации СПР совпали с актуальными и распространенными представлениями, поэтому степень отражения этих направлений в муниципальных стратегиях высока.

Ключевые слова: стратегическое планирование, муниципальные стратегии, Стратегия пространственного развития России, муниципальные образования, перспективная специализация.

Boris S. Zhikharevich

Grand PhD in Economic Sciences, Professor
Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences
Leontief Centre
St. Petersburg, Russia

IMPACT OF THE SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY OF RUSSIA ON MUNICIPAL STRATEGIES

Abstract. A methodology for identifying and assessing the degree of taking into account the context of the Spatial Development Strategy of Russia (SDS) in municipal strategies has been developed and tested. For this purpose, a group of general parameters is defined: the presence of formal references to the SPR; reflection of the general ideology of the SDS and especially new concepts (macroregions, centers of economic growth, geostrategic territories); fixation of perspective economic specializations of municipalities and their correspondence to specializations of the subject of the Federation specified in the SDS. For the strategies of urban districts and the strategies of municipal districts and settlements, parameters for assessing the compliance of the content of strategies with the development directions recommended in the SDS have been determined. To approbate the methodology, the goals and objectives of several dozen strategies were studied and the texts of the strategies of six cities (Krasnoyarsk, Chelyabinsk, Ryazan, Tver, Anapa and Apatity) were analyzed. It was revealed that in terms of determining the directions of urban and rural development, the recommendations of the SDS coincided with relevant and widespread ideas, so the degree of reflection of these ideas in municipal strategies is high.

Keywords: strategic planning, municipal strategies, Strategy of spatial development of Russia, municipalities, perspective specialization.

В статье приводятся результаты исследования, которое продолжает серию работ по изучению российской практики стратегического планирования на муниципальном уровне. Ранее мы выясняли, как в муниципальных стратегиях социально-экономического развития представлены пространственные аспекты [1]. Теперь задача в чем-то обратная:

как документ пространственного планирования федерального уровня находит отражение в муниципальных документах социально-экономического планирования.

Цель исследования: выявить характер и степень отражения содержания Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [2] (далее –

СПР) в муниципальных документах стратегического планирования.

Задачи:

1) формализовать и зафиксировать ключевые позиции СПР на основе изучения текста СПР и реакции на ее содержание экспертного сообщества;

2) разработать методику изучения текстов муниципальных стратегий с целью выявления характера и уровня отражения в них контекста СПР;

3) сформировать базу изучаемых документов;

4) провести изучение текстов, получить и обсудить результаты;

5) предложить рекомендации по усилению влияния федеральных документов стратегического планирования на содержание муниципальных стратегий.

1. Стратегия пространственного развития России: статус и особенности разработки

Разработка СПР, по мнению В. Н. Лексина, «одно из самых парадоксальных, и в то же время характерных явлений государственно-управленческой действительности нашего времени» [3, с. 114]. Длительная и драматическая история рождения этого документа отразила ряд важных черт в отношениях науки и власти.

Как только необходимость СПР в качестве документа стратегического планирования была в 2014 г. закреплена в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (172-ФЗ), началась дискуссия о подходах к ее разработке и о содержании будущего документа. Проблематика, связанная с разработкой СПР, стала существенной частью исследовательской и публикационной повестки российских географов, регионалистов, специалистов по территориальному и стратегическому планированию. Активно участвовала в этих дискуссиях и Российская академия наук, реализовавшая три программы фундаментальных исследований [4]. При этом выявилось многообразие представлений о рациональных направлениях пространственного развития: в научной среде существуют сторонники концентрации и деконцентрации, выравнивания и неравномерности, экономической эффективности и социальной справедливости, централизации и децентрализации. Причем у каждой группы находятся вполне убедительные аргументы. И власти приходится делать выбор, ориенти-

руясь на свои приоритеты и прислушиваясь к тем ученым, которые оказываются ближе – по должности, убедительности риторики, умению понять глубинные желания руководства или другим причинам.

Разработка СПР начиналась с попытки активизировать ученых и консолидировать экспертные мнения. В 2016 г. была создана Межведомственная рабочая группа, в которую вошли больше сотни специалистов. Осенью 2016 г. на рассмотрение научного сообщества была вынесена подробная Концепция Стратегии пространственного развития России на период до 2030 года, получившая в целом одобрительные отзывы. Затем эта версия была вдвое сокращена и из нее исчезли многие важные тезисы. А 22 мая 2017 г. решением заместителя Председателя Правительства России Д. Н. Козака была утверждена Концепция Стратегии пространственного развития России на период до 2025 года. В этом документе на восьми страницах были изложены позиции, которые значительная часть профессиональных ученых сочла не вполне разумными. Но после утверждения на уровне Правительства России разработчики уже не могли отходить от властных установок, получивших в конце 2017 г. дополнительную конкретизацию в официальном документе «Структура Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» (13 с.).

В итоге «в ходе разработки стратегии произошло кардинальное изменение ее приоритетов, направленности, механизмов реализации» [5, с. 264]. Н. Н. Михеева констатировала в 2018 г.: «Научной общественностью высказан целый ряд предложений, содержащих конструктивные идеи разработки СПР, был подготовлен проект концепции СПР, учитывающий различные позиции экспертов, участвовавших в его обсуждении. Однако утвержденная Концепция стратегии пространственного развития показывает, что все эти предложения пока не услышаны властью» [6, с. 175].

В подготовке финального варианта СПР участвовала узкая группа экспертов, вынужденная действовать в жестких рамках. Об этом рассказывает Н. В. Зубаревич: «Самая спорная часть СПР – прописанная для каждого региона „эффективная экономическая специализация“. Разработка эффективных экономических специализаций была навязана экспертам сверху, кураторами СПР очень высокого уровня» [7, с. 143]. «В предложенных обстоятельствах эксперты СПР сделали свою работу хорошо и смягчили негативные послед-

ствия навязанных административных решений» [7, с. 144].

Агрегировано можно выделить следующие этапы создания СПР:

– 2015–2016 гг. – формирование Концепции СПР с привлечением к обсуждению широких экспертных кругов (в этот период в Минэкономразвития России разработкой руководила Е. С. Чугуевская). Содержательно данный этап отражен в монографии И. В. Гришиной с соавт. [8];

– 2017 г. – вмешательство «кураторов СПР высокого уровня» и появление жестких установок по структуре и содержанию СПР, в частности требования определить «эффективные специализации» для каждого региона, выделить макрорегионы, акцентировать развитие агломераций;

– 2018 г. – публичные обсуждения «Справочных материалов о подготовке проекта Стратегии пространственного развития Российской Федерации»; работа над итоговым текстом небольшой группы экспертов, выполнявших властные установки (по возможности смягчая последствия наиболее одиозных указаний власти).

При этом на содержание документов, помимо властных установок, влияли взгляды привлеченных экспертов, состав которых за эти годы менялся. Как справедливо отмечает Л. Н. Мельникова, «...из логики разных научных школ могут быть выведены противоположные рекомендации в области региональной политики» [9, с. 76]. СПР на начальном и конечном этапах разработки – разные тексты, что надо учитывать, анализируя влияние СПР на другие документы.

В этом сложность нашего исследования. Если мы пытаемся рассмотреть отражение контекста СПР в содержании каких-то документов, то первым делом встает вопрос: а что мы будем считать «контекстом СПР»? Это может быть весь контекст научных и общественных дискуссий, связанных с разработкой СПР в период с 2015 по 2019 г. Или только официальный текст СПР, утвержденный 13 февраля 2019 г.

Если выбрать первый вариант, то априори можно утверждать, что этот контекст повлиял на все стратегии муниципальных образований – разработчикам стратегий невозможно было не заметить и не попасть под влияние тех или иных взглядов, высказывавшихся во время бурных дискуссий вокруг проекта СПР. Тем более, что в отсутствие актуальной стратегии социально-экономического развития России СПР оказалась единственным обобщающим документом федерального уровня, входящим в набор документов, предусмотрен-

ных федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – 172-ФЗ).

Поэтому мы реализовали второй вариант, а именно попытались обнаружить следы влияния на муниципальные стратегии *официального текста СПР*. Тем более, что такие следы должны были бы быть, ведь в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р, утвердившем текст СПР, прямо указано: «4. Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления руководствоваться положениями Стратегии при разработке и реализации стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований...» [1].

2. Методика исследования: смысловое ядро текста СПР и оценка его отражения в муниципальных стратегиях

Для того чтобы выяснить, какие собственно принципиальные позиции фиксирует официальный текст СПР, использован оригинальный прием: изучался как текст СПР, так и реакция на него со стороны экспертного сообщества. В результате изучения текста СПР и 160 посвященных ей научных публикаций был составлен список основных сюжетов СПР, вызвавших реакцию экспертного сообщества. Каждая статья была охарактеризована по представленности в ней сюжетов, входящих в смысловое ядро СПР и встречающихся в научных публикациях. Таких сюжетов выявлено 22.

Чаще всего рассматривались следующие сюжеты: необходимость СПР как документа государственного планирования, требования к его разработке по форме, содержанию и периоду действия (90 статей); цели, сроки выполнения, ресурсы для реализации (45); макрорегионы и принципы их выделения (44); агломерации и адекватность их выделения (43); перспективная эффективная специализация регионов (43); инструменты и механизмы реализации стратегии (35). По всем сюжетам число критических высказываний существенно выше нейтральных или позитивных упоминаний. Наибольшее неприятие встретила трактовка таких тем: принципы определения приоритетов; количественные индикаторы реализации; институциональные условия реализации; геостратегические территории; периферийные и деградирующие территории; региональные диспропорции [10].

С учетом выявленных элементов содержания СПР сформирована группа параметров (признаков), по которым можно судить о влиянии СПР на содержание муниципальных стратегий. Группа признаков А включает три признака:

А1 – формальное упоминание СПР в тексте муниципальной стратегии;

А2 – упоминание ключевых содержательных новых и дискуссионных концептов СПР – макрорегионы, агломерации, центры роста и др.;

А3 – соответствие отраслевых приоритетов муниципальной стратегии перечню перспективных экономических специализаций, зафиксированном в СПР для субъекта Федерации.

Таблица 1

Рекомендации СПР по направлениям социально-экономического развития городов

Группа рекомендаций	Рекомендации
Г1. Качество городской среды	Повышение качества и комфортности городской среды за счет капитального ремонта жилого фонда, расселения ветхого и аварийного жилья, модернизации объектов коммунальной инфраструктуры, развития и благоустройства общественных (публичных) пространств, реставрации и приспособления объектов культурного наследия для современного использования
Г2. Внутригородской транспорт	Развитие транспорта общего пользования, в том числе линий скоростных внеуличных видов транспорта, пригородного сообщения, и оптимизация маршрутной сети
Г3. Сбалансированность использования территорий	Освоение заброшенных и неэффективно используемых территорий, согласованное и комплексное развитие застроенных и планируемых к застройке территорий
Г4. Экология	Улучшение состояния окружающей среды, сохранение и развитие зеленого фонда городов и пригородных территорий, стимулирование внедрения инновационных и экологически чистых технологий, направленных на снижение негативного воздействия на окружающую среду, расширение использования экологически безопасного транспорта, защита от шумового загрязнения, эффективное обращение с отходами производства и потребления, включая развитие индустрии обработки и утилизации отходов

Таблица 2

Рекомендации СПР по направлениям социально-экономического развития сельских территорий

Группа рекомендаций	Рекомендации
С1. Улучшение условий жизни	Сокращение доли непригодного для проживания жилищного фонда, повышение уровня благоустройства сельских населенных пунктов, обеспечение коммунальной инфраструктурой, в том числе центральным водоснабжением и водоотведением, газо-, энергоснабжением
С2. Развитие межмуниципальных обслуживающих центров	Развитие малых и средних городов и крупных сельских населенных пунктов как межмуниципальных обслуживающих центров для сельских территорий, обеспечивающих население и предпринимателей различными видами услуг
С3. Повышение транспортной доступности	Развитие и приведение в нормативное состояние сети региональных и местных дорог, стимулирование развития общественного транспорта
С4. Развитие экономики сельских территорий	Продвижение уникальных локальных брендов, содействие развитию кооперации, фермерства, повышение доступности рынков сбыта сельскохозяйственной продукции, поддержка развития специализированной инфраструктуры хранения сельскохозяйственной продукции, внедрение технологий и оборудования для глубокой переработки сельскохозяйственного сырья, содействие развитию объектов мелиорации, вовлечение в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых угодий и пашен
С5. Диверсификация занятости	Поддержка инициатив населения в сфере предпринимательства, не связанного в том числе с сельским хозяйством
С6. Экология	Сохранение и повышение плодородия сельскохозяйственных земель, восстановление лесов и водных биологических ресурсов
С7. Использование природного и культурного наследия	Сохранение природного и культурного наследия, содействие сохранению, возрождению и развитию народных художественных промыслов
С8. Туризм	Развитие туристской и обеспечивающей инфраструктуры (транспортной, энергетической, коммунальной, объектов инженерной защиты территории) на сельских территориях и продвижение их туристских ресурсов на внутреннем и международном туристских рынках

Помимо дискуссионных положений, в тексте СПР содержатся и общепринятые списки рекомендуемых направлений развития для отдельных групп поселений. Для предмета нашего исследования – муниципальных стратегий – наиболее значимы именно эти фрагменты СПР, в которых прямо указывается на перспективные направления развития городов и районов. Незначительно перефразируя и упрощая, можно зафиксировать набор рекомендаций СПР для учета в муниципальных стратегиях социально-экономического развития (табл. 1, 2).

Отдельные рекомендации выданы для городов с особым статусом:

- исторические города – сохранение и воссоздание в исторических поселениях памятников истории и культуры и исторически ценных градоформирующих объектов;

- наукограды – развитие научно-производственного комплекса и формирование благоприятной среды, в том числе для привлечения высококвалифицированных кадров;

- моногорода – диверсификация экономики моногородов, обладающих потенциалом социально-экономического развития, или оптимизация жилищно-коммунального хозяйства, системы оказания услуг отраслей социальной сферы, обеспечение трудовой мобильности населения.

Опираясь на представленные списки, можно изучать стратегии муниципальных образований на предмет отражения в них рекомендаций СПР.

Таким образом, экспертная оценка степени отражения учета содержания СПР в муниципальных документах стратегического планирования может проводиться путем оценивания (допустим, по пятибалльной шкале) наличия и выраженности в тексте муниципальной стратегии групп признаков А и Г для городских округов и А и С – для муниципальных районов и поселений.

3. Информационная база

Помимо собственно текста СПР, для исследования необходимо сформировать базу данных из документов стратегического планирования муниципального уровня. С учетом даты официального утверждения СПР (12 февраля 2019 г.) можно ожидать, что следы ее влияния будут встречаться в документах, принятых после 1 марта 2019 г.

В государственной автоматизированной информационной системе (ГАС) «Управление» [11] таких документов (по состоянию на 1 октября 2021 г.) оказалось 374 (городские округа – 93, городские поселения – 10, муниципальные районы и муниципальные округа – 224, сельские поселения – 46), что свидетельствует о высокой интенсивности процессов стратегического планирования на муниципальном уровне, несмотря на пандемию, начавшуюся в 2020 г. За 31 месяц разработано 374 документа, т. е. около 12 в среднем за месяц.

В базе ГАС «Управление» содержится информация о целях и задачах документов стратегического планирования, а также полные тексты стратегий, что позволяет получить все необходимые данные для изучения.

4. Результаты и обсуждение

Если оценивать учет контекста СПР по наличию в текстах муниципальных стратегий блоков, соответствующих выявленным рекомендуемым направлениям развития Г1–Г4 и С1–С8, то уже только по набору целей и задач нескольких типичных стратегий, можно убедиться, что указанные в СПР направления развития в этих стратегиях, как правило, предусмотрены (табл. 3). Формулировки целей и задач взяты из ГАС «Управление», курсивом в скобках отмечено соответствие группам рекомендаций СПР.

Первый предварительный вывод: на уровне общей идеологии предусмотренные в СПР

Таблица 3

Цели и задачи нескольких муниципальных стратегий

Стратегия социально-экономического развития города Челябинска на период до 2035 года
<p>Цель: Челябинск – город технологических, экологических и социокультурных инноваций, удобный для жизни, работы, отдыха и привлекательный для инвесторов и гостей.</p> <p>Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> – сформировать Челябинск как гибкий, адаптивный город-миллионник, развивающийся на основе базовых экономических специализаций, потенциально перспективных отраслей, направлений и технологий; – создать условия для роста численности населения города Челябинска с сохранением и развитием социально-образовательного, культурного уровня и качества человеческого капитала; – добиться лидерства международного уровня по конкурентоспособности человеческого капитала; – улучшить инвестиционную, деловую, предпринимательскую, общественную и гражданскую активность в городе;

<p>– обеспечить экологическую безопасность, сервисность и широкое внедрение «умных» технологий; проводить ясную градостроительную политику; создать комфортную городскую среду и удобный общественный транспорт (Г1–Г4);</p> <p>– сохранить Челябинск как значимый экономический, конкурентный и политический центр России в контексте реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года, направленной на создание макрорегионов</p>
<p>Стратегия социально-экономического развития города Рязани до 2030 года</p>
<p>Цели:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) развитие человеческого капитала; 2) эффективное пространственное развитие; 3) устойчивое развитие экономики; 4) формирование комфортной городской среды; 5) цифровизация городской среды. <p>Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> – демографическое развитие; – обеспечение эффективной занятости и создание условий достойного труда; – сохранение здоровья и продление активного долголетия населения, комплексное освоение районов нового жилищного строительства (Г3); – расширение масштабов промышленного производства; – обеспечение роста производительности труда и занятости; – развитие инфраструктуры поддержки бизнеса и инновационной инфраструктуры; – повышение предпринимательской активности; – развитие потребительского рынка; – формирование портфеля инвестиционных предложений; – благоустройство общественных пространств и территорий проживания (Г1); – улучшение экологического состояния города, сохранение и расширение зеленых зон, реабилитация водных объектов (Г4); – развитие функциональных, управленческих и инженерно-технических подсистем «умного города» (во всех сферах жизнедеятельности города) (Г2)
<p>Стратегия социально-экономического развития городского округа – город Волжский Волгоградской области до 2030 года</p>
<p>Цели:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) создание нового качества жизни населения в комфортной среде проживания, развитие человеческого потенциала; 2) устойчивое развитие конкурентоспособной экономики и развитие инноваций. <p>Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> – формирование комфортной городской среды: благоустройство городского пространства, улучшение экологии города, развитие транспортно-дорожного комплекса, жилищно-коммунального хозяйства, градостроительной сферы, обеспечение безопасности территории проживания (Г1–Г4); – развитие человеческого капитала и социальной сферы: развитие образования, физической культуры и спорта, создание условий для организации досуга и развития туризма, молодежная политика, формирование активного гражданского общества, развитие цифровой экономики и информационного общества; – развитие промышленного сектора; – развитие и поддержка предпринимательства; – привлечение инвестиций и создание благоприятного инвестиционного климата, развитие внешнеэкономических связей
<p>Стратегия социально-экономического развития Змеиногорского района Алтайского края до 2035 года</p>
<p>Цели:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) конкурентоспособная экономика; 2) высокое качество жизни населения (С1); 3) развитая инфраструктура; 4) эффективное управление. <p>Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> – развитие сельского хозяйства (С4); – формирование благоприятного инвестиционного климата; – развитие промышленности (С5); – развитие малого предпринимательства (С5); – создание благоприятных условий для развития сферы туризма (С8); – обеспечение высокого качества и доступности образования; – сохранение и укрепление здоровья населения; – создание условий для развития физической культуры и спорта; – развитие сферы культуры; – содействие улучшению жилищных условий и повышению доступности жилья (С1); – обеспечение сбалансированного эффективного рынка труда; – совершенствование системы управления муниципальными финансами и муниципальным имуществом; – сохранение и развитие транспортной инфраструктуры (С3); – модернизация и развитие коммунальной и энергетической инфраструктуры (С6); – развитие потребительского рынка; – развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры; – повышение эффективности и открытости деятельности органов местного самоуправления; – совершенствование системы оказания муниципальных услуг, в том числе в электронном виде

направления развития для городов и сельской местности находят полное отражение в муниципальных стратегиях. Это может быть объяснено двояко:

– СПР вобрала весь набор современных и уже широко распространенных рекомендаций по направлениям развития городов и сельских территорий,

– разработчики муниципальных стратегий внимательно читали СПР.

Мы склоняемся к первому варианту, поскольку и до публикации СПР направления развития Г1–Г4 и С1–С8 часто встречались в муниципальных стратегиях.

Для более глубокого анализа и тестирования методики оценки выбраны стратегии 6 городов: 4 региональные столицы (в том числе два миллионника – Красноярск и Челябинск, а также Рязань и Тверь) и 2 районных центра (северный – Апатиты и южный – Анапа) [12–17].

По дате вступления в действие стратегий города распределены так: Красноярск – июнь 2019 г., Анапа и Тверь – декабрь 2019, Апатиты – январь 2021, Челябинск и Рязань – июнь 2021 г.

В текстах отобранных стратегий выявлялось наличие следующих признаков:

а) формальное упоминание СПР (при этом подсчитывалось количество упоминаний);

б) упоминание ключевых содержательных новых концептов СПР – макрорегионы, агломерации, центры роста и др.;

в) наличие упоминаний перспективной экономической специализации и степень ее соответствия зафиксированной в СПР для соответствующего субъекта Федерации;

г) наличие сюжетов/разделов, соответствующих рекомендованным в СПР для городов направлениям развития Г1–Г4.

С первым признаком – наличие формальных ссылок на СПР – дело обстоит так. В стратегиях нестоличных городов таких упоминаний нет. В стратегии Рязани нет прямого упоминания, но есть Приложение «Перспективная экономическая специализация города Рязани», т. е. явно разработчики знали про СПР и использовали термин из нее. В стратегии Красноярска название СПР не упоминается, но в числе учитываемых документов указано распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. № 207-р, которым она была утверждена. Дважды встречается упоминание СПР в стратегии Твери. Чаще всего и содержательно обращаются к СПР в стратегии Челябинска (3 раза, характерная цитата: «...сохранить Челябинск как значимый экономический, конкурентный и политический

центр России в контексте реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года, направленной на создание макрорегионов»). С учетом этих обстоятельств определены оценки по параметру А1.

Насколько отражена в муниципальной стратегии общая идеология СПР, мы предлагаем судить по упоминанию новых ключевых концептов, на которые сделаны акценты в СПР: новая сетка макрорегионов, перечень перспективных центров экономического роста – агломераций, перечень геостратегических территорий. Лидерами по этому параметру в нашей выборке стали крупнейшие города-миллионники Красноярск и Челябинск. В стратегиях этих городов в качестве важных факторов развития упоминаются роль в макрорегионах, вхождение в число центров роста и т. п. В Рязани и Твери говорится только о формировании агломераций, что можно считать признаком соответствия духу СПР. В меньших городах – Апатитах и Анапе указанные концепты не упоминаются.

Для выставления оценки по параметру А3 (перспективная специализация) необходимо, чтобы: а) в городской стратегии перспективная специализация была заявлена с той или иной мерой четкости, б) она соответствовала перспективной экономической специализации, предложенной в СПР субъекту Федерации, в котором находится город. Выяснилось, что работает, как правило, только условие «а», поскольку списки экономических специализаций для регионов длинные и покрывают любые городские инициативы (табл. 4).

Условие «а» лучше всего выполнено в стратегии Рязани, где, как уже сказано, есть отдельная таблица-приложение, в которой прямо названы перспективные специализации, приведены аргументы в пользу их перспективности и перечислены организации, развивающие эти специализации. Однако нет отсылки к СПР. В стратегиях Челябинска и Твери есть прямые упоминания перспективной специализации, определенной в СПР. В стратегии Твери упомянуто, что перспективная экономическая специализация городской экономики определена с учетом СПР, однако глубокой аргументации выбора не приводится. В стратегии Челябинска названы и существующие базовые экономические специализации и перспективные. В стратегиях Красноярска и Анапы как приоритетные выделены не отдельные отрасли, а кластеры или комплексы. В стратегии города Апатиты отраслевые приоритеты на перспективу в явном виде не названы.

Таблица 4

Соответствие перспективной экономической специализации региона, указанной в СПР, и приоритетных отраслей в муниципальных стратегиях (примеры)

Специализация региона по СПР	Специализация в стратегии МО
Рязань	
<p>производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования;</p> <p>производство кожи и изделий из кожи;</p> <p>производство компьютеров, электронных и оптических изделий;</p> <p>производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях;</p> <p>производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки;</p> <p>производство мебели;</p> <p>производство металлургическое;</p> <p>производство напитков;</p> <p>производство пищевых продуктов;</p> <p>производство прочей неметаллической минеральной продукции;</p> <p>производство прочих готовых изделий;</p> <p>производство прочих транспортных средств и оборудования;</p> <p>производство резиновых и пластмассовых изделий;</p> <p>производство электрического оборудования;</p> <p>растениеводство и животноводство, предоставление соответствующих услуг в этих областях;</p> <p>деятельность в области информации и связи;</p> <p>деятельность профессиональная, научная и техническая;</p> <p>туризм</p>	<p>производство высокотехнологичной продукции, интеллектуальных систем и их компонентов;</p> <p>нефтепереработка;</p> <p>энергетика;</p> <p>производство пищевых продуктов и напитков;</p> <p>производство строительных материалов;</p> <p>жилищное строительство;</p> <p>транспорт и логистика;</p> <p>образование;</p> <p>деятельность в области здравоохранения и социальных услуг;</p> <p>туризм</p>
Тверь	
<p>производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (кроме производства автотранспортных средств);</p> <p>производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования;</p> <p>производство кокса и нефтепродуктов;</p> <p>производство компьютеров, электронных и оптических изделий;</p> <p>производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях;</p> <p>производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки;</p> <p>производство мебели;</p> <p>производство металлургическое;</p> <p>производство напитков;</p> <p>производство одежды;</p> <p>производство пищевых продуктов;</p> <p>производство прочей неметаллической минеральной продукции;</p> <p>производство прочих готовых изделий;</p> <p>производство прочих транспортных средств и оборудования;</p> <p>производство резиновых и пластмассовых изделий;</p> <p>производство текстильных изделий;</p> <p>производство химических веществ и химических продуктов;</p> <p>производство электрического оборудования;</p> <p>растениеводство и животноводство, предоставление соответствующих услуг в этих областях;</p> <p>деятельность полиграфическая и копирование носителей информации;</p> <p>деятельность в области информации и связи;</p> <p>туризм</p>	<p>производство резиновых и пластмассовых изделий;</p> <p>производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования;</p> <p>производство компьютеров, электронных и оптических изделий;</p> <p>производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях;</p> <p>производство электрического оборудования;</p> <p>производство прочих транспортных средств и оборудования;</p> <p>производство химических веществ и химических продуктов;</p> <p>производство пищевых продуктов;</p> <p>целесообразно направить усилия на развитие следующих направлений: информационные технологии, туризм, деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (стимулирование развития частных геронтологических центров), машиностроительный кластер</p>
Челябинск	
<p>добыча полезных ископаемых;</p> <p>производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов;</p> <p>производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования;</p> <p>производство кожи и изделий из кожи;</p> <p>производство компьютеров, электронных и оптических изделий;</p>	<p>базовые экономические специализации:</p> <p>производство металлургическое;</p> <p>производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования;</p> <p>производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки;</p>

Окончание табл. 4

производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; производство металлургическое; производство напитков; производство одежды; производство пищевых продуктов; производство прочей неметаллической минеральной продукции; производство прочих готовых изделий; производство прочих транспортных средств и оборудования; производство резиновых и пластмассовых изделий; производство текстильных изделий; производство химических веществ и химических продуктов; производство электрического оборудования; растениеводство и животноводство, предоставление соответствующих услуг в этих областях; деятельность в области информации и связи; деятельность профессиональная, научная и техническая; транспортировка и хранение; туризм	производство неметаллической минеральной продукции; производство пищевых продуктов; обеспечение электрической энергией, газом и паром; перспективные специализации: сенсорика и автоматика, межмашинное взаимодействие, Интернет вещей, электротехника, нефтемаш, спецтехника, технологии утилизации, переработка пищевых продуктов; системная интеграция и автоматизация, медицинский туризм, консалтинг; инновационно-емкие и высокоэкологичные отрасли промышленного производства, такие как «белая металлургия», приборостроение, радиоэлектроника, крупное и среднее машиностроение, производство инновационных строительных материалов, пищевая промышленность, ИТ, экологическое предпринимательство; туризм
---	---

Таблица 5

Сравнительные оценки отражения в стратегиях городских округов контекста СПР (по пятибалльной шкале)

Параметр	Город					
	Красноярск	Рязань	Тверь	Челябинск	Анапа	Апатиты
А1. Формальные ссылки на СПР	3	1	4	5	0	0
А2. Общая идеология СПР, новые концепты	5	3	3	5	0	0
А3. Перспективная специализация	5	5	5	5	4	3
Г1. Качество городской среды	5	5	5	5	5	5
Г2. Внутригородской транспорт	5	5	5	5	5	5
Г3. Сбалансированность использования территорий	5	5	5	5	5	5
Г4. Экология	5	5	5	5	5	5

Проще всего (если не вдаваться в качество и глубину проработки) оказалось выявить наличие учета рекомендуемых в СПР направлений развития по группам Г1–Г4. Во всех стратегиях уделено внимание качеству городской среды, решению транспортных проблем, пространственному развитию на городской территории, вопросам экологии города. Поэтому дифференциации оценок по признакам Г1–Г4 не оказалось (табл. 5).

Как видим на примере шести изученных городских стратегий, влияние СПР на их содержание можно оценить как высокое. Причем чем выше статус города и больше его численность, тем это влияние выше.

5. Выводы и рекомендации

В ходе исследования была разработана и апробирована методика выявления и оценки степени отражения контекста СПР в муниципальных стратегиях. Для этого определено несколько блоков характеристик. Блок общих параметров включает 3 характеристики: наличие формальных ссылок/упоминаний СПР; отражение общей идеологии СПР и особенно новых концептов (макрорегионы, центры экономического роста, геостратегические территории); фиксация перспективных экономических специализаций МО и их соответствие специализациям субъекта Федерации, указанным

в СПР. Кроме того, отдельно для стратегий городских округов и стратегий муниципальных районов и поселений определены параметры оценки соответствия содержания стратегий рекомендованным в СПР направлениям развития (4 блока рекомендаций для городов и 8 – для сельских территорий).

Показано, что имеется информационная база для массового исследования вопроса отражения контекста СПР в муниципальных стратегиях: на 01.10.2021 г. в ГАС «Управление» содержатся 374 муниципальных стратегии, принятые после утверждения СПР в феврале 2019 г. Для апробации методики и предварительных оценок изучены цели и задачи нескольких десятков стратегий и проведен углубленный анализ полных текстов стратегий шести городов (Красноярск, Челябинск, Рязань, Тверь, Анапа и Апатиты).

Наблюдения и выводы

1. Разработка СПР заняла длительный период и сопровождалась широкими дискуссиями, что способствовало распространению базовых знаний и современных идей в сфере пространственного развития среди разработчиков стратегий социально-экономического развития городов и регионов. СПР сыграла просветительскую роль, заменила отсутствующую актуальную стратегию социально-экономического развития России.

2. В части, касающейся определения направлений развития городов и сельской местности, рекомендации СПР совпали с актуальными и распространенными представлениями. Поэтому степень отражения этих направлений в муниципальных стратегиях высока, о чем можно судить даже только по оглавлениям документов и перечням целей и задач.

Практически во всех городских стратегиях в том или ином объеме проработаны рекомендованные блоки: качество городской среды, развитие транспорта, сбалансированность использования территории, экологические проблемы. Также широко воспринята идея важности агломерационных процессов.

В стратегиях муниципальных районов и малых поселений также повсеместно встречаются сюжеты, навеянные рекомендациями СПР: улучшение условий жизни; развитие межмуниципальных обслуживающих центров; повышение транспортной доступности; развитие сельской экономики; диверсификация занятости; экология, использование культурного и природного наследия, туризм.

3. Наиболее дискуссионные положения СПР – новая сетка макрорегионов, перечень центров роста, списки перспективной экономической специализации, транспортные проекты – касаются проблематики федерального масштаба. Их отражение можно искать в региональных стратегиях и стратегиях крупнейших городов – региональных столиц, что и подтверждают стратегии Челябинска и Красноярска, попавшие в нашу выборку. Региональные столицы, особенно миллионники, хорошо понимают свою роль в развитии России и поэтому более внимательно относятся к федеральным документам, отражая их в своих стратегиях. Меньшие города реже напрямую упоминают СПР, но ориентируются на тот же набор направлений развития, что зафиксирован в СПР.

4. Влияние СПР может быть значимо для тех муниципальных образований, которые оказываются в зоне реализации обозначенных в СПР федеральных инфраструктурных (прежде всего транспортных) проектов. Но эти проекты становятся более реальными, когда попадают в отраслевые федеральные стратегии и программы. Поэтому муниципалитеты более внимательно относятся к этим документам и чаще упоминают их в списках документов, учитываемых при разработке стратегии.

5. Влияние закрепленных в СПР списков перспективных экономических специализаций для субъектов Федерации на муниципальные стратегии можно оценить в тех случаях, когда в муниципальной стратегии выражены отраслевые приоритеты. Наверняка при этом обнаружится соответствие, поскольку списки обширны (что хорошо) и не сдерживают инициативы муниципальных властей. Более того, по нашей выборке видно, что как минимум в половине случаев разработчики муниципальных стратегий эти списки знали и принимали во внимание.

6. С точки зрения формальных упоминаний в списке документов, учитываемых при разработке муниципальных стратегий, СПР не смогла конкурировать с указами президента о национальных целях. Фактически их статус оказался гораздо выше СПР.

7. Наше пилотное исследование позволяет утверждать, что нет принципиальных расхождений ни по букве, ни по духу между СПР и муниципальными стратегиями. То есть прямо или косвенно СПР оказала большое влияние на содержание муниципальных стратегий.

8. Учитывая позитивные итоги апробации предложенной методики, можно было бы про-

вести массовое и более глубокое исследование влияния СПР на содержание муниципальных стратегий. Помимо научного интереса, его результаты могли бы быть полезны Правительству России, поскольку показали бы как выполняется п. 4 Распоряжения № 207-р от 13.02.2019 г.

9. Для усиления влияния документов стратегического планирования федерального уровня на содержание муниципальных стратегий рекомендуется использовать два метода: широкая и интенсивная дискуссия (применительно к СПР) и административное давление (применительно к указам о национальных целях).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Жихаревич Б. С.** Пространственные аспекты в стратегиях муниципальных районов // Региональная экономика. Юг России. 2021. Т. 9, № 1. С. 80–92.
2. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).
3. **Лексин В. Н.** Как это делается. К разработке Стратегии пространственного развития // Свободная мысль. 2018. № 4. С. 13–30.
4. **Швецов А. Н.** Становление новой организации экономического пространства России. Опыт государственного регулирования и научных исследований пространственных преобразований. М.: URSS, 2020. 306 с.
5. **Коломак Е. А., Крюков В. А., Мельникова Л. В., Селиверстов В. Е., Суслов В. И.** Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. 2018. № 2. С. 264–287.
6. **Михеева Н. Н.** Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2018. № 5. С. 158–178.
7. **Зубаревич Н. В.** Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145.
8. **Гришина И. В., Полынев А. О., Шкурпат А. В., Котов А. В.** Стратегия пространственного развития России: методические подходы к разработке экономического блока. М.: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 2018. 281 с.

9. **Мельникова Л. В.** Теоретические аргументы и эмпирическое знание в стратегическом планировании // Регион: экономика и социология. 2018. № 2. С. 52–80.
10. **Жихаревич Б. С., Прибышин Т. К.** Стратегия пространственного развития России как результат взаимодействия науки и власти // Регион: экономика и социология. 2021. Вып. 4. С. 3–26.
11. Государственная автоматизированная информационная система «Управление». Документы стратегического планирования. URL: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (дата обращения: 15.11.2021).
12. Стратегия социально-экономического развития города Челябинска на период до 2035 года. URL: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (дата обращения: 15.11.2021).
13. Стратегия социально-экономического развития города Рязани до 2030 года. URL: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (дата обращения: 15.11.2021).
14. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования город-курорт Анапа до 2030 года. URL: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (дата обращения: 15.11.2021).
15. Стратегия социально-экономического развития города Апатиты на 2021–2025 годы. URL: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (дата обращения: 15.11.2021).
16. Стратегия социально-экономического развития города Красноярска до 2030 года. URL: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (дата обращения: 15.11.2021).
17. Стратегия социально-экономического развития города Твери до 2035 года. URL: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (дата обращения: 15.11.2021).

REFERENCES

1. **Zhikharevich B. S.** Prostranstvennye aspekty v strategiyakh munitsipal'nykh raionov. Regional'naya ekonomika. Yug Rossii. 2021;(9(1)):80–92. (In Russ.).
2. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 13.02.2019 № 207-r. Available at: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (accessed: 15.11.2021).
3. **Leksin V. N.** Kak eto delaetsya. K razrabotke Strategii prostranstvennogo razvitiya. Svobodnaya mysl'. 2018;(4):13–30. (In Russ.).
4. **Shvetsov A. N.** Stanovlenie novoi organizatsii ekonomicheskogo prostranstva Rossii. Opyt gosudarstvennogo regulirovaniya i nauchnykh issledovaniy

- prostranstvennykh preobrazovaniy. M.: URSS, 2020. 306 s. (In Russ.).
5. **Kolomak E. A., Kryukov V. A., Mel'nikova L. V., Seliverstov V. E., Suslov V. I.** Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii: ozhidaniya i realii. Region: ekonomika i sotsiologiya. 2018;(2):264–287. (In Russ.).
 6. **Mikheeva N. N.** Strategiya prostranstvennogo razvitiya: novyi etap ili povtorenie starykh oshibok? Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal EKO. 2018;(5):158–178. (In Russ.).
 7. **Zubarevich N. V.** Strategiya prostranstvennogo razvitiya: priority i instrument. Voprosy ekonomiki. 2019;(1):135–145. (In Russ.).
 8. **Grishina I. V., Polynev A. O., Shkuropat A. V., Kotov A. V.** Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii: metodicheskie podkhody k razrabotke ekonomicheskogo bloka. M.: Vserossiiskaya akademiya vneshnei torgovli Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii, 2018. 281 s. (In Russ.).
 9. **Mel'nikova L. V.** Teoreticheskie argumenty i empiricheskoe znanie v strategicheskom planirovanii. Region: ekonomika i sotsiologiya. 2018;(2):52–80. (In Russ.).
 10. **Zhikharevich B. S., Pribyshin T. K.** Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii kak rezul'tat vzaimodeistviya nauki i vlasti. Region: ekonomika i sotsiologiya. 2021;(4):3–26. (In Russ.).
 11. Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya informatsionnaya sistema «Upravlenie». Dokumenty strategicheskogo planirovaniya. Available at: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (accessed: 15.11.2021).
 12. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya goroda Chelyabinska na period do 2035 goda. Available at: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (accessed: 15.11.2021).
 13. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya goroda Ryazani do 2030 goda. Available at: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (accessed: 15.11.2021).
 14. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya gorod-kurort Anapa do 2030 goda. Available at: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (accessed: 15.11.2021).
 15. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya goroda Apatity na 2021–2025 gody. Available at: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (accessed: 15.11.2021).
 16. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya goroda Krasnoyarska do 2030 goda. Available at: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (accessed: 15.11.2021).
 17. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya goroda Tveri do 2035 goda. Available at: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (accessed: 15.11.2021).

УДК 332.1(470)

DOI: 10.52897/2411-4588-2021-3-20-29

Сергей Валентинович Кузнецов*

доктор экономических наук, профессор

Юрий Владимирович Якишин*

доктор экономических наук

*Институт проблем региональной экономики РАН

Санкт-Петербург, Россия

БАЗОВЫЕ НАУЧНЫЕ КАТЕГОРИИ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ (ЧАСТЬ 1)

Аннотация. Представлены результаты обоснований наиболее важных, по мнению авторов, базовых научных категорий понятийно-категориальной платформы исследований пространственного развития больших социально-экономических систем. Среди них выделены такие научные категории, как глобальная иерархия социально-экономических систем, триединство структурных элементов, внутренняя среда систем и экономическое пространство. Обоснованы роль и место данных категорий в современных исследованиях пространственных трансформаций. Особое внимание уделено такой сравнительно новой категории, как внутренняя среда социально-экономических систем. Показано, что внутренняя среда является по существу единственным инструментом воздействия органов управления на социум с целью инициации пространственного развития России и ее регионов.

Обосновано, что экономическое пространство имеет двойственное проявление. С одной стороны, это свойство материальных систем, а с другой – нематериальной объект. Рассматривать его как объект управления некорректно.

Предложенные базовые положения аксиологического и методологического характера могут стать стартовым комплектом будущей понятийно-категориальной платформы.

Ключевые слова: пространственное развитие регионов, понятийно-категориальная платформа, глобальная иерархия социально-экономических систем, триединство структурных элементов, внутренняя среда, экономическое пространство.

Sergei V. Kuznetsov*

Grand PhD in Economic Sciences, Professor

Iurii V. Yakishin*

Grand PhD in of Economic Sciences

*Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

BASIC SCIENTIFIC CATEGORIES OF THE CONCEPTUAL AND CATEGORICAL PLATFORM OF RESEARCH ON THE SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA AND ITS REGIONS (CHAPTER 1)

Abstract. The article presents the results of justification of the most important, in the authors' opinion, basic scientific categories of the conceptual and categorical platform for research on the spatial development of large socio-economic systems. Among them, scientific categories such as the global hierarchy of socio-economic systems, the trinity of structural elements, the internal environment of systems and the economic space are highlighted. The role and place of these categories in modern studies of spatial transformations are substantiated. Particular attention is paid to such a relatively new category as the internal environment of socio-economic systems. It is shown that the internal environment is essentially the only tool for governing bodies to influence socium in order to initiate the spatial development of Russia and its regions.

It has been argued that economic space has a dual manifestation. It is a property of material systems on the one hand and an immaterial object on the other. It is not correct to treat it as a management object.

The proposed axiological and methodological framework can be a starting set for a future conceptual and categorical platform.

Keywords: regional spatial development, conceptual and categorical platform, the global hierarchy of socio-economic systems, trinity of structural elements, internal environment, economic space.

Тема пространственного развития России и ее регионов привлекает повышенный инте-

рес исследователей в области экономической географии [1–4], экономики [5–10], социоло-

гии [11–13], градостроительства [14, 15], философии [16] и других сфер научных компетенций. Анализ публикаций показал, что в них применяется широкий спектр методологических взглядов, основанных на философской онтологии, релятивистских концепциях, системном подходе, структурализме. В различных областях знаний уже сложились свои методологические подходы, не во всех случаях стыкующиеся друг с другом, что может стать тормозом в развитии междисциплинарных исследований. Множится число публикаций, в которых приводятся все новые определения экономического, социально-экономического и других пространств, порой противоречащих друг другу. Пространства отождествляются с территориями, им приписываются несуществующие свойства. Произвольно трактуется понимание государства, регионов, их экономик как систем. Предлагаются классификации социально-экономических систем, противоречащие известным научным положениям. Дело доходит до того, что в сознании авторов исчезает различие между экономическим пространством и экономической системой. За нагромождением звонких терминов, придуманных фраз и словосочетаний исчезает смысл обсуждаемых тем.

Плюрализм научных взглядов не должен превратиться в методологическую анархию, препятствующую эффективному профессиональному общению в рамках научного сообщества. Назрела необходимость формирования общих взглядов на аксиологические и методологические аспекты системного подхода к изучению пространственного развития России и ее регионов как системы систем. Первым шагом здесь может стать разработка методологической понятийно-категориальной платформы исследований больших социально-экономических систем. Назначение платформы – формирование понятийного аппарата для обеспечения возможности стыковки научных результатов, накопленных в смежных областях, для получения новых знаний и практических рекомендаций при междисциплинарных исследованиях.

Цель данной статьи – предложить базовые положения аксиологического и методологического характера, которые могут рассматриваться как научные категории в исследованиях пространственного развития России и ее регионов. В современной литературе по философии науки научная категория трактуется как абстрактный образ того или иного предмета или процесса, отражающий наиболее общие, фун-

даментальные понятия отраслей науки [17]. Абстрактное, обобщенное отражение бытия имеет важное значение в научных исследованиях, поскольку оно способствует переносу знаний в междисциплинарных разработках.

В статье представлены научные категории, которые, по нашему мнению, отражают наиболее важные аспекты методологии исследований развития пространственной экономики России и ее регионов. Они сформированы на основе обобщения закономерностей общего характера, признаваемых научным сообществом и не вызывающих возражений, а также развития наших разработок, изложенных в монографиях [18–20]. В случае использования недоминирующих представлений предложения снабжаются пояснениями или краткими обоснованиями. Представленный состав научных категорий не является категориальной системой и может расширяться.

Наличие понятийно-категориальной платформы исследования социально-экономических систем не влечет ограничений на применение методологий, освоенных разными научными школами. Речь идет о том, чтобы научные результаты, стоящие на границе смежных областей знаний, имели бы общие точки сопряжения, основанные на понимании социально-экономических формирований как систем со всеми присущими им закономерностями.

Ниже изложено краткое содержание следующих научных категорий: глобальная иерархия социально-экономических систем, триединство структурных элементов, внутренняя среда систем и экономическое пространство.

1. Глобальный мир и российские иерархии – целое и часть

Представление о единстве, системности и иерархичности окружающего нас мира сформировалось в теории систем давно. Затем оно получило подтверждение в физике, философии и других науках, а ныне превратилось в постулат. В теории систем известно правило: чтобы вынести суждение об изучаемой системе, надо выйти из нее и встать выше на один-два иерархических уровня, т. е. посмотреть на систему со стороны. Ныне же в связи с глобализацией экономических связей влияние внешнего окружения может охватывать три-четыре, а в некоторых странах и пять уровней. Закономерности иерархичности проявляются на всех ступенях от мега- до наноуровня. Не следует думать, что, изучая такие социально-экономические системы нижнего уровня, как

семья или самозанятый индивидуум, можно пренебречь влиянием иерархий.

Изучение проблем пространственного развития России начинается со стратегического анализа ее роли и места в окружающем глобальном мире и должно охватывать социально-экономические системы следующих уровней:

- глобальный уровень: система государств мирового сообщества. Несмотря на противоречия, разделяющие страны, порой антагонистические, они образуют систему, так как имеют общую зафиксированную документально цель – сохранение устойчивого развития. Она превращает сообщество государств в суперсистему, а Россию в часть данной суперсистемы;

- верхний уровень: союзы государств (экономические, военно-политические и др.) и отдельные государства, в том числе Российская Федерация. Этот уровень содержит наиболее опасные угрозы пространственному развитию: открытое противостояние в борьбе за мировое лидерство, приближение военных группировок НАТО к границам страны, торговые войны, претензии государств к границам исключительных экономических зон, территориальных вод, шельфа и т. п.;

- средний уровень: регионы, муниципальные районы (городские округа), поселения;

- микроуровень: производственные предприятия (концерны, кластеры, холдинги, средние и малые предприятия, микропредприятия);

- наноуровень: семьи, домохозяйства, самозанятые.

Необходимость изучения иерархической стратификации при стратегическом анализе проблем пространственного развития России подчеркивается нами не случайно. В теории систем доказано, что устойчивость системы, ее способность достигать поставленной цели зависят от оптимальности распределения функций, в первую очередь функций управления, а также ресурсов между уровнями иерархии. Известно, что чем сложнее система, тем шире состав выполняемых ею функций. Строгих методов декомпозиции функций нет. Обычно в основу кладут предварительно установленный перечень всех частных задач (функций), формулируемых в виде «дерева целей». Удачные варианты распределения функций в экономике встречаются редко. Реализованное в российской практике распределение функций и ресурсов между федеральным центром, регионами, муниципальными образованиями специалистами подвергается критике. Сказанное в полной мере относится и к функциям про-

странственного развития России. Анализ [21, 22] показал, что вариант распределения функций, закрепленный в действующей Стратегии пространственного развития РФ, нуждается в корректировке как в части задач повышения качества жизни населения, так и в части обеспечения национальной безопасности.

Осознание факта глобальной иерархии социально-экономических систем требует отказа от изучения пространственной экономики России и ее регионов как изолированных явлений местного характера. Они должны рассматриваться как целое, т. е. как система систем, но в то же время как часть другого целого.

Во всех представленных далее материалах предполагается иерархическое строение рассматриваемых систем, но подчеркивается закономерность для сокращения изложения только в отдельных случаях. В остальных же надеемся, что читатель помнит о всеобщности проявления принципа иерархичности.

2. Трехединая сущность социально-экономических систем

Все перечисленные в п. 1 организационные системы относятся к классу социально-экономических систем.

Если формально следовать названию, то декомпозиция социально-экономических систем дает дихотомию – социум и экономика. Однако такой формальный подход неприменим по следующим причинам. Если мысленно выделить из социально-экономической системы социум, то оставшаяся часть не может быть признана экономикой. В ней будут находиться фабрики без рабочих, транспортные средства без водителей, офисы без служащих, школы без учеников и т. д. То есть останутся элементы, необходимые для ведения экономической деятельности. Однако без людей они не могут функционировать. Орудия труда и трудящиеся должны быть объединены. Но и такой дуэт остается недееспособным, подвешенным в воздухе. Для создания целостной системы социуму и средствам ведения экономической деятельности нужна твердая опора, т. е. территория, пригодная для ведения производственной деятельности и жизни. Таким образом социально-экономическая система – это неразделимое единство трех элементов: социума, средств ведения экономической деятельности и территории. В отсутствие хотя бы одного из них система прекращает существовать.

Члены социума – индивидуумы, социальные группы, социальные организации – одно-

временно или последовательно могут быть элементами нескольких социально-экономических систем различных уровней иерархии, а также образовывать социальные системы всевозможного назначения. Все члены социума – дети, учащиеся, трудящиеся, инвалиды или пенсионеры – без исключения являются элементами социально-экономических систем и имеют прямую связь с экономическим производством и/или распределением его результатов.

Социум – главное звено системы. Его роль многообразна. Он выступает в качестве инициатора и организатора создания системы, основной движущей силы ее развития, а при определенных условиях может проявиться как мятежник и разрушитель.

Второй компонент – средства ведения экономической деятельности – здесь можно трактовать как рабочие места, точнее условные («приведенные») рабочие места с реальными макроэкономическими показателями, по которым «разнесена» стоимость инженерно-технологического оборудования, зданий, сооружений и другого имущества предприятий.

В условиях перехода к цифровой экономике и освоения новых производственных технологий средства ведения экономической деятельности существенно расширяют свою значимость. Дело не только в лавинообразном появлении новых направлений экономической деятельности, ранее не существовавших профессий или повышении производительности труда. Есть и более глубокие последствия. Цифровое окружение на работе и в быту, в досуге, искусстве и других жизненных сферах оказывает глубокое воздействие как на отдельных индивидов, так и на общество в целом. Изменяются образ мысли, поведение, привычки людей, взгляды на общественное устройство. Происходит глубинная трансформация социальной среды, которая в свою очередь порождает новые потребности в сверхтехнологиях информатизации и одновременно не существовавшие ранее в таком масштабе проблемы кибербезопасности и угрозы саморазрушения.

Третий компонент – территория – также оказывает значимое воздействие на функционирование социально-экономических систем и имеет широкий спектр особенностей, в первую очередь географической и климатической природы. Термин «территория» применен здесь условно. В действительности следует вести речь об окружающей природной среде. Природная среда на севере Красноярского края или Якутии и южных районов Краснодарского края имеет существенно разные свойства. То

же относится к степным и горным территориям, полупустынным и лесным областям. Но это только один аспект. За ним следуют экономические проблемы как результат возрастающих потребностей экономики в природных ресурсах: воздухе, воде, промышленных и сельскохозяйственных территориях и других запасах, в том числе минерально-сырьевых. Это означает необходимость пространственного развития экономики и освоения различных зон земного пространства – подземного и подводного, приповерхностного, воздушного, пространства ближнего космоса и т. д.

Резюмируя, можно констатировать: социум, а также рабочие места и природная среда, необходимые для обеспечения жизнедеятельности социума и организации производства, – это и есть триединая сущность любой социально-экономической системы. На наноуровне перечисленные части являются единичными элементами и образуют единичные триады. Это предельные элементы, которые изучаются пространственной экономикой. Дальнейшая декомпозиция нецелесообразна, так как исследование полученных при этом элементов переходит в компетенцию медицинских, технических и экологических наук. На более высоких иерархиях единичные триады объединяются и формируют более крупные образования: предприятия, поселения, регионы и т. д.

Встречаются и другие подходы к структуризации социально-экономических систем. Профессор Г. Б. Клейнер [23] предлагает в структуре социально-экономического пространства на макросубъектном уровне следующие элементы: государство, социум, экономика и бизнес. По его мнению, в доперестроечный период бизнес не был выделен из экономики как самостоятельное явление. Поэтому экономику и бизнес этого времени целесообразно рассматривать как единый макросубъект общества: *«С конца 1980-х до середины 2000-х годов бизнес сформировался как самостоятельный макросубъект, диктовавший зачастую свои условия остальным макросубъектам общества. Установка государства – устойчивое неограниченное социально-экономическое развитие общества. Задача экономики – соединение производственных ресурсов в целях удовлетворения экономических потребностей социальных и экономических объектов. Цель бизнеса – получение финансового результата (прибыли) здесь и сейчас»* [23].

Представленная декомпозиция социально-экономического пространства вызывает, по крайней мере, недоумение.

Во-первых, выделен такой элемент, как государство. Что имеет в виду автор, не ясно. Если под государством подразумеваются органы власти, то это люди, т. е. социум. Если государственные предприятия и недвижимость, то это бизнес.

Во-вторых, среди составных элементов отсутствует окружающая природная среда. Говорить о реконструкции социально-экономических систем без рассмотрения природной среды некорректно. Ведь природа – это источник ресурсов для жизни человека и функционирования экономики.

В-третьих, разделять экономику и бизнес неправомерно. Бизнес (частный, государственный или муниципальный) – это и есть экономика. Он производит ВВП, платит налоги, создает новые рабочие места. У бизнеса есть собственные интересы и собственные потребности. Они должны учитываться при управлении пространственным развитием с тем, чтобы созидательные возможности бизнеса направлялись бы не только на получение прибыли и экономический рост, но и на пользу социума.

И, наконец, последнее. В данной декомпозиции нарушен основной принцип системных исследований: любое разделение системы на части при их сложении должно воссоздавать целостную систему. Здесь это правило не соблюдено, так как все выделенные элементы – пересекающиеся множества. Если их сложить, получится нечто большее, чем исходная система.

Исследователи пространственной экономики имеют дело с системами двух типов: организационно-административными (Россия, регион, город и т. д.) и экономическими (экономика России, региона, города и т. д.). Укрупненный объектовый состав этих систем практически идентичен. Различия незначительны. Категория триединства распространяется на оба типа систем в равной мере.

Выделенные элементы социально-экономических систем могут изучаться в отдельности (социум, средства экономической деятельности, природная среда); в комбинациях (сокращенной – социум и средства экономической деятельности и полной – социум, средства экономической деятельности, природная среда). В зависимости от рассматриваемого уровня иерархии экономических систем объекты исследования будут разными, но в обобщенном виде их можно обозначить в следующем виде. При изучении социума объектами изучения могут быть социальные сообщества, организации, группы, индивидуумы, внутренняя среда социума. При исследовании средств экономической деятельности – инженерно-техноло-

гический и инновационный потенциалы, производительность труда, научно-технический прогресс. Для комбинации «социум – средства экономической деятельности» – экономика (упрощенная оценка). При исследовании триады – пространственная экономика в окружающей среде (полная оценка).

3. Внутренняя среда социально-экономических систем

Социально-экономическим системам свойственна особенность, порождаемая наличием в них такого элемента, как социум. Она выражается в появлении у систем целеустремленности и способности к целеполаганию. Возникновение данных свойств обеспечивается за счет способности социума по собственной инициативе и под воздействием системы управления формировать внутреннюю среду, поддерживающую движение системы к избранной цели. Данная среда формируется в результате социальной рефлексии, когда система реагирует на внешние и внутренние изменения рефлексивно, в соответствии с собственными законами поддержания гомеостаза или эволюционного развития. Но рефлексия не единственный источник формирования внутренней среды. Существенное влияние на нее оказывают органы управления системой. В результате их деятельности на нее всегда влияет хотя бы одна функциональная подсистема, назначение которой – воздействовать на поведение социума при взаимодействии людей в социальной и экономической деятельности, а также в повседневной жизни.

Кроме сил внутреннего самоуправления, на социум оказывает воздействие и внешнее управление, исходящее одновременно со стороны всех надсистем, частью которых является Российская Федерация, регион, город, предприятие – все эти надсистемы крайне заинтересованы в возможности воздействовать на общество в своих целях, поскольку социум – их крупный, а порой единственный ресурс.

Надсистемам недостаточно, чтобы социум ориентировался только на институты, регламентирующие поведение на бытовом уровне. Для поддержания созидательных и нейтрализации разрушительных возможностей индивидов необходима внутренняя среда социума с более широким спектром институтов, способная содействовать поддержанию определенного порядка, сохранению целостности надсистемы и ее успешному движению к общей цели.

Фундаментом внутренней среды социума служат нематериальные духовные системы: философские и религиозные, системы наук и искусств. Внутренняя среда иерархична. На нижней ступени локализуются нравственные категории, нормы, предписания, регулирующие взаимодействие людей в быту и на производстве, различные регламенты, технологические инструкции и т. п. Над ней располагается правовая среда нормативных правовых актов государственной власти федерального и регионального уровня и органов местного самоуправления. Они отражают потребности органов власти в упорядочении взаимодействия людей и охватывают широкий спектр вопросов экономической деятельности – от канонических аспектов экономических институтов до новейших тенденций: институтов социально-экономического развития, поддержки инновационной деятельности, цифровизации, развития технологий и наукоемких производств, привлечения инвестиций, взаимодействия с лицами и социальными группами, придерживающимися иных, чем общепринятые, взглядов на способы экономического развития. Следующий уровень занимает среда идей, концепций, установок и правил, отражающая стратегические цели надсистемы, ее задачи в сфере развития экономики, включая научно-технологическое обновление, структурные и пространственные изменения.

Органы управления рассматриваемых надсистем не могут прямо воздействовать на внутреннюю среду социума. Это выходит за рамки их полномочий. Влияние на среду сказывается косвенно через функциональные подсистемы региона (города, предприятия) соответствующего назначения. Формирование внутренней среды и выстраивание отношений с социумом – важный элемент регулярной деятельности органов власти.

Ранее мы подробно описали [24], как формируется внутренняя среда, как ее установки проникают в сознание людей и превращаются в субъективную реальность. Эта нематериальная субъективная субстанция, существующая в сознании людей, становится внутренней социально-экономической средой, которая регулирует общественные отношения в повседневной жизни, при ведении экономической деятельности (производственной, инвестиционной, инновационной, бытовой, деятельности по освоению новых территорий и тому подобной) и взаимодействии с природой. Таким образом, внутренняя среда социума есть продукт двух процессов – неуправляемой социальной

рефлексии и управляемого воздействия на социум со стороны органов управления и надсистем. Без внутренней среды, соответствующей стратегическим целям системы, ее движение к миссии, предмету сознательного или бессознательного стремления невозможно.

4. Экономическое пространство социально-экономической системы

Термин «экономическое пространство» вошел в отечественный научный оборот сравнительно недавно. До его возникновения экономисты связывали пространственное развитие с освоением новых территорий и строительством промышленных предприятий. С появлением нового понятия ситуация резко изменилась. Многие экономисты стали считать совершенствование экономического пространства главным направлением пространственного развития и возлагать на него большие надежды. Однако эта идея поддерживалась не всеми. В те годы академик РАН П. А. Минакир писал [5]: *«Единообразия и непротиворечивого представления о том, каковы теоретико-методологические основания исследования пространственных факторов в экономике пока не выработано»* и продолжал [25]: *«Не только канонических, но и сколь-нибудь логически адекватных определений самого понятия „экономическое пространство“ в научной литературе найти настолько трудно, что появляется искушение предположить, что их просто нет»*. Тем не менее тема экономического пространства активно обсуждалась. В итоге, согласно О. А. Биякову [26], сложились три подхода – территориальный, ресурсный и информационный. Наибольшее распространение получил территориальный подход (во многом благодаря работам академика РАН А. Г. Гранберга [8 и др.]), а также предложенное им определение: «экономическое пространство – это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т. д.». В ресурсном информационном подходе предложены свои дефиниции. Внешне они резко отличаются друг от друга и не похожи на определение А. Г. Гранберга. Вместе с тем анализ показал, что при всей кажущейся разнонаправленности определений в них просматривается общее – в качестве отличительных особенностей обсуждаемого объекта предложены классификационные признаки не эко-

номического пространства, а другого объекта, а именно социально-экономической системы. Известный ученый П. Кругман, считающийся столпом пространственной экономики, характеризуя экономическое пространство, ограничивался его описанием как «места экономического действия», фактически отождествляя понятия «экономическое пространство» и «регион» или «территория» [27].

В фундаментальных науках пространство рассматривается не как самостоятельный объект, а как отражение существования материальных систем, их форм бытия. Пространство показывает способность материальных объектов занимать объем, т. е. является свойством этих объектов.

Идея о рассмотрении экономического пространства как свойства материальных систем постепенно находит признание среди отечественных экономистов. Академик РАН П. Я. Бакланов прямо пишет [4]: «Пространство относится к одному из самых фундаментальных свойств любого материального образования как естественного, так и антропогенного происхождения».

Экономические пространства отличаются от физических тем, что их размеры могут в разы превосходить физические размеры экономических объектов, так как для экономической деятельности могут требоваться дополнительные (технологические) пространства, в том числе для выполнения санитарно-эпидемиологических требований, обеспечения террористической, радиационной и электромагнитной безопасности, безопасности полетов и т. п.

В силу особой пространственно-временной природы проявление способности материальных объектов иметь определенный объем, протяженность, форму и структуру неразрывно связано с возникновением нематериальной сущности – пространства, которое оказывается условием возникновения и существования этих объектов. Здесь наблюдается феномен, когда проявление одного из свойств материального объекта порождает новый нематериальный объект.

Экономическое пространство невозможно воспринять органами чувств человека, но можно его вообразить, используя знания об объектах экономики. В этом случае мысленному взору исследователя предстанет некоторый воображаемый конструкт, который можно интерпретировать как нематериальный объект. Таким образом, экономическое пространство имеет двойственное проявление. С одной стороны, это свойство материальных систем, а с другой – нематериальный объект.

Резюмируя, можно сделать следующий вывод. Поскольку экономическое пространство является нематериальным конструктом, рассматривать его как объект управления некорректно. Как научная категория оно может быть использовано в первую очередь для изучения топологических характеристик пространственного развития экономики, таких как однородность, наполненность природными ресурсами, градиент распределения ресурсов, климатические условия, обеспеченность видами производственной инфраструктуры, наполненность производственными объектами, наличие агломераций или крупных городов, удаленность от ранее освоенных территорий и др.

Заключение

Мы рассмотрели четыре научные категории, наиболее важные, по нашему мнению. Общее же их число определить пока невозможно. К выделенным категориям отнесены глобальная иерархия, триединство структурных элементов, внутренняя среда социально-экономических систем и экономическое пространство. Они демонстрируют в обобщенной форме универсальные и специфические признаки, априорные представления, выражающие важнейшие свойства и связи явлений, присущих пространственной экономике. Мы рассматривали выделенные научные категории как когнитивные единицы, обеспечивающие перенос знаний в междисциплинарных исследованиях.

Как мы уже отмечали, ранее в теории систем считалось, что для исследования систем в окружающем мире достаточно подняться на один–два уровня. Сейчас же в связи с глобализацией экономических связей влияние внешнего окружения может охватывать три–четыре, а в некоторых случаях и пять уровней. Признание этого факта требует отказа от изучения пространственной экономики социально-экономических систем как изолированных явлений местного характера. Они должны рассматриваться как целое, т. е. как система систем, но в то же время как часть другого целого.

Показано, что любая социально-экономическая система есть не что иное, как неразделимое триединство следующих элементов: социума, а также рабочих мест и природной среды, необходимых для обеспечения жизнедеятельности социума и организации производства. В отсутствие хотя бы одного из них система прекращает существование. На на-

ноуровне перечисленные части являются единичными элементами и образуют единичные триады. На более высоких уровнях иерархии эти триады объединяются и формируют более крупные образования: предприятия, поселения, регионы и т. д.

Внутренняя среда социально-экономических систем есть продукт двух процессов – управляемой социальной рефлексии и управляемого воздействия на социум со стороны органов управления и надсистем. Она является важнейшим, а по существу, и единственным, инструментом воздействия органов управления на социум с целью инициации пространственного развития экономики. Эта научная категория еще недостаточно изучена и требует пристального внимания ученых.

Экономическое пространство – категория, переживающая переоценку ее роли в развитии пространственной экономики. Идея о совершенствовании экономического пространства как главного направления экономического развития постепенно изживает себя. Становится ясно, что рассматривать экономическое пространство как объект управления некорректно. Как научная категория оно может быть использовано в первую очередь для изучения топологических характеристик пространственного развития экономики.

В данной статье представлены результаты обоснований базовых положений аксиологического и методологического характера, которые могут стать стартовым комплектом будущей понятийно-категориальной платформы исследований пространственного развития России и ее регионов. Предлагая данные базовые положения, мы обозначили первый шаг в создании понятийно-категориальной платформы. Вне рассмотрения осталось еще много крупных тем. К их числу мы относим уточнение таких научных категорий, как социальное и социально-экономическое пространство, пространственная структура экономики и др. Однако при их исследовании мы можем столкнуться с множеством понятий, применяемых в смежных науках, онтологический статус которых не ясен и не соответствует системному мировосприятию. Наибольшие трудности мы видим в сопряжении понятийного аппарата экономики и социологии. По мнению проф. О. И. Иванова [20], *«сегодня без четкой характеристики онтологических оснований социального познания трудно добиться выработки единых исходных представлений об объекте изучения, а стало быть, создания приемлемой платформы для научного поиска, в том чис-*

ле междисциплинарного». Мы отдаем должное научному авторитету проф. О. И. Иванова и считаем, что сближение методологических подходов экономических и смежных исследований пространственной экономики – разрешимая задача для научного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Артоболевский С. С., Бакланов П. Я., Трейвиш А. И.** Пространство и развитие России: полномасштабный анализ // Вестник РАН. 2009. № 2. С. 101–112.
2. **Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез.** М.: Медиа-Пресс, 2013. 664 с.
3. **Бакланов П. Я.** Структуризация территориальных социально-экономических систем // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 2013. № 6. С. 3–8.
4. **Бакланов П. Я.** Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам // Вестник АРГО. 2017. № 6. С. 4–11.
5. **Минакир П. А., Демьяненко А. Н.** Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.
6. **Коломак Е. А., Суспицин С. А.** Развитие методологии теоретических и прикладных исследований пространственных систем // Регион: экономика и социология. 2018. № 3 (99). С. 252–276.
7. **Коломак Е. А.** Пространственное развитие России в XXI веке // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 4. С. 85–106.
8. **Гранберг А. Г.** Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.
9. **Татаркин А. И.** Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территории // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 1. С. 9–27.
10. **Молчанов И. Н., Молчанова Н. П.** Развитие региональной экономики и концепция пространственного развития: ретроспективный анализ // Вопросы управления. 2019. № 2 (38). С. 92–105.
11. **Филиппов А. Ф.** Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
12. **Иванов О. И.** Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 2. С. 49–64.
13. **Иванов О. И.** Экономическое пространство как объект управляемой трансформации (взгляд социолога) // Экономика и бизнес: теория и практика. 2015. № 8. С. 32–38.

14. **Зубаревич Н. В.** Российские города как центры роста // Российское экспертное обозрение. 2006. № 2 (16). С. 19–23.
15. **Русановский В. А., Марков В. А.** Факторы урбанизации в пространственных моделях экономического роста: оценка и особенности Российской Федерации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 7 (147). С. 113–124.
16. **Гутов Л. А.** Философия и методология экономики: предметная идентификация // Экономика и управление: проблемы, решения. 2013. № 11. С. 4–20.
17. **Философия науки: общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: хрестоматия / отв. ред.-сост. В. А. Микешина.** М.: Прогресс-Традиция. 2005. 992 с.
18. **Якишин Ю. В.** Структурная перестройка экономики социально-экономической системы «регион»: теория и практика / под науч. ред. д. э. н., проф. С. В. Кузнецова; Институт проблем региональной экономики РАН. СПб., 2018. 608 с.
19. **Якишин Ю. В.** Стратегическое управление реструктуризацией экономики: регион, город, предприятие / под науч. ред. д. э. н., проф. С. В. Кузнецова; Институт проблем региональной экономики РАН. СПб.: Любавич, 2016. 416 с.
20. **Кузнецов С. В., Межевич Н. М.** Экономическое пространство. Теория и практика. СПб.: ИПРЭ РАН, 2012. 150 с.
21. **Кузнецов С. В., Якишин Ю. В.** Пространственные факторы структурной перестройки экономики регионов России // Проблемы преобразования и регулирования социально-экономических систем: сб. науч. ст. СПб.: ГУАП, 2020. № 47. С. 90–100.
22. **Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Лачининский С. С.** Пространственное развитие: роль внешнеэкономических вызовов в модернизации на северо-западе России: препринт науч. докл. СПб.: ИПРЭ РАН, 2016. 71 с.
23. **Клейнер Г. Б.** Системная реконструкция российского социально-экономического пространства // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 59–69.
24. **Кузнецов С. В., Якишин Ю. В.** Влияние внутренней среды социально-экономических систем на реструктуризацию и пространственное развитие экономики // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 1. С. 1–11.
25. **Минакир П. А.** Экономический анализ и изменения в пространстве // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 12–39.
26. **Бияков О. А.** Экономическое пространство: сущность, функции, свойства // Вестник КузГТУ. 2004. № 2. С. 101–108.
27. **Кругман П.** Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика. 2005. № 3. С. 121–136.

REFERENCES

1. **Artobolevskii S. S., Baklanov P. Ya., Treivish A. I.** Prostranstvo i razvitie Rossii: polnomasshtabnyi analiz. Vestnik RAN. 2009;(2):101–112. (In Russ.).
2. **Fundamental'nye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: mezhdistsiplinarnyi sintez.** M.: Media-Press, 2013. 664 s. (In Russ.).
3. **Baklanov P. Ya.** Strukturizatsiya territorial'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem. Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya. 2013;(6):3–8. (In Russ.).
4. **Baklanov P. Ya.** Prostranstvennoe razvitie regiona: osnovnye printsipy i podkhody k analizu i otsenkam. Vestnik ARGO. 2017;(6):4–11. (In Russ.).
5. **Minakir P. A., Dem'yanenko A. N.** Prostranstvennaya ekonomika: evolyutsiya podkhodov i metodologiya. Prostranstvennaya ekonomika. 2010;(2):6–32. (In Russ.).
6. **Kolomak E. A., Suspitsin S. A.** Razvitie metodologii teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy prostranstvennykh system. Region: ekonomika i sotsiologiya. 2018;(3(99)):252–276. (In Russ.).
7. **Kolomak E. A.** Prostranstvennoe razvitie Rossii v XXI veke. Prostranstvennaya ekonomika. 2019;(15(4)):85–106. (In Russ.).
8. **Granberg A. G.** Osnovy regional'noi ekonomiki. M.: GU VShE, 2000. 495 s. (In Russ.).
9. **Tatarkin A. I.** Regional'naya napravlenost' ekonomicheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii kak instituta prostranstvennogo obustroistva territorii. Ekonomika regiona. 2016;(12(1)):9–27. (In Russ.).
10. **Molchanov I. N., Molchanova N. P.** Razvitie regional'noi ekonomiki i kontseptsiya prostranstvennogo razvitiya: retrospektivnyi analiz. Voprosy upravleniya. 2019;(2(38)):92–105. (In Russ.).
11. **Filippov A. F.** Sotsiologiya prostranstva. SPb.: Vladimir Dal', 2008. 285 s. (In Russ.).
12. **Ivanov O. I.** Sotsial'noe prostranstvo kak ob'ekt nauchnogo izucheniya i upravlyaemoi transformatsii. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2013;(2):49–64. (In Russ.).
13. **Ivanov O. I.** Ekonomicheskoe prostranstvo kak ob'ekt upravlyaemoi transformatsii (vzglyad sotsiologa). Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2015;(8):32–38. (In Russ.).
14. **Zubarevich N. V.** Rossiiskie goroda kak tsentry rosta. Rossiiskoe ekspertnoe obozrenie. 2006;(2(16)):19–23. (In Russ.).
15. **Rusanovskii V. A., Markov V. A.** Faktory urbanizatsii v prostranstvennykh modelyakh ekonomicheskogo rosta: otsenka i osobennosti Rossiiskoi Federatsii. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2015;(7(147)):113–124. (In Russ.).
16. **Gutov L. A.** Filosofiya i metodologiya ekonomiki: predmetnaya identifikatsiya. Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2013;(11):4–20. (In Russ.).

17. *Filosofiya nauki: obshchie problemy poznaniya. Metodologiya estestvennykh i gumanitarnykh nauk: khrestomatiya / otv. red.-sost. V. A. Mikeshina. M.: Progress-Traditsiya. 2005. 992 s. (In Russ.)*.
18. **Yakishin Yu. V.** *Strukturnaya perestroika ekonomiki sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy «region»: teoriya i praktika / pod nauch. red. d. e. n., prof. S. V. Kuznetsova; Institut problem regional'noi ekonomiki RAN. SPb., 2018. 608 s. (In Russ.)*.
19. **Yakishin Yu. V.** *Strategicheskoe upravlenie restrukturizatsiei ekonomiki: region, gorod, predpriyatie / pod nauch. red. d. e. n., prof. S. V. Kuznetsova; Institut problem regional'noi ekonomiki RAN. SPb.: Lyubavich, 2016. 416 s. (In Russ.)*.
20. **Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M.** *Ekonomicheskoe prostranstvo. Teoriya i praktika. SPb.: IPRE RAN, 2012. 150 s. (In Russ.)*.
21. **Kuznetsov S. V., Yakishin Yu. V.** *Prostranstvennye faktory strukturnoi perestroiki ekonomiki regionov Rossii. Problemy preobrazovaniya i regulirovaniya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: sb. nauch. st. SPb.: GUAP, 2020;(47):90–100. (In Russ.)*.
22. **Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M., Lachininskii S. S.** *Prostranstvennoe razvitie: rol' vneshneekonomicheskikh vyzovov v modernizatsii na severo-zapade Rossii: preprint nauch. dokl. SPb.: IPRE RAN, 2016. 71 s. (In Russ.)*.
23. **Kleiner G. B.** *Sistemnaya rekonstruktsiya rossiskogo sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva. Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2020;(2(64)):59–69. (In Russ.)*.
24. **Kuznetsov S. V., Yakishin Yu. V.** *Vliyanie vnutrennei sredy sotsial'no-ekonomicheskikh sistem na restrukturizatsiyu i prostranstvennoe razvitie ekonomiki. Ekonomika i upravlenie. 2021;(27(1)):1–11. (In Russ.)*.
25. **Minakir P. A.** *Ekonomicheskii analiz i izmereniya v prostranstve. Prostranstvennaya ekonomika. 2014;(1):12–39. (In Russ.)*.
26. **Biyakov O. A.** *Ekonomicheskoe prostranstvo: sushchnost', funktsii, svoistva. Vestnik KuzGTU. 2004;(2):101–108. (In Russ.)*.
27. **Krugman P.** *Prostranstvo: poslednii rubezh. Prostranstvennaya ekonomika. 2005;(3):121–136. (In Russ.)*.

УДК 332.142:338.26

DOI: 10.52897/2411-4588-2021-3-30-36

Анатолий Иванович Котов*

кандидат экономических наук,
специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга
по вопросам экономического развития

Амина Камилевна Халитова*

специалист 1-й категории Аппарата вице-губернатора Санкт-Петербурга

*Администрация Губернатора Санкт-Петербурга
Санкт-Петербург, Россия

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ КРУПНЫМ МЕГАПОЛИСОМ

Аннотация. Обеспечение устойчивого социально-экономического развития территории, в том числе крупного мегаполиса, возможно лишь при применении важнейшего инструмента управления стратегическим развитием – стратегического планирования. Стратегическое планирование – сложный процесс, который в значительной степени определяется эффективностью управления. Главными составляющими управленческих процессов являются определение приоритетов развития, постановка целей и выбор конкретных задач, позволяющих сконцентрировать имеющиеся средства на наиболее значимых направлениях социально-экономического развития. В статье дается общая характеристика существующей системы стратегического планирования и описывается подход, позволяющий наиболее объективно определить основные приоритеты развития территории, повысить эффективность стратегического планирования в регионе и соответственно решений, принимаемых уполномоченными органами государственной власти. Указанный подход успешно апробирован исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга на территории г. Кронштадта, результатом чего стало принятое губернатором Санкт-Петербурга решение о его распространении на Красногвардейский район Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: стратегическое планирование, долгосрочное планирование, среднесрочное планирование, социально-экономическое развитие, комплексное развитие, программа развития, стратегия, территории, Кронштадт.

Anatolii I. Kotov*

PhD in Economics Sciences

Special Representative of the Governor of St. Petersburg on Economic Development Issues

Amina K. Khalitova*

Specialist of the 1st category of the Office of the Vice-Governor of St. Petersburg

*Administration of the Governor of St. Petersburg
St. Petersburg, Russia

STRATEGIC PLANNING IN THE GOVERNANCE SYSTEM OF A LARGE MEGAPOLIS

Abstract. Ensuring sustainable socio-economic development of the territory, including a large metropolis, is possible only with the use of the most important tool for managing strategic development – strategic planning. Strategic planning is a complex process that is largely determined by management effectiveness. The most important components of management processes are the definition of development priorities, the setting of goals and the selection of specific tasks that allow concentrating the available funds on the most significant areas of socio-economic development. The article provides a general description of the existing system of strategic planning and describes an approach that makes it possible to most objectively determine the main priorities for the development of the territory, increase the effectiveness of strategic planning in the region and, accordingly, decisions made by authorized government bodies. This approach has been successfully tested by the executive authorities of St. Petersburg on the territory of the city of Kronstadt, which resulted in the adoption by the governor Petersburg, the decision to extend it to the Krasnogvardeisky district St. Petersburg.

Keywords: strategic planning, long-term planning, medium-term planning, socio-economic development, integrated development, development program, strategy, territories, Kronstadt.

Стратегическое планирование, согласно действующему законодательству [1], служит важнейшим инструментом управления стра-

тегическим развитием РФ, регионов и муниципальных образований. Очевидно, что сфера его применения распространяется также

и на любые территории, составляющие часть РФ, субъектов РФ и муниципальных образований. Это обстоятельство особенно актуально для городов федерального значения и крупных городов в силу их территориального деления на районы, размеры которых часто превосходят целые города и населенные пункты, а иногда – и государства.

Сложившаяся к настоящему времени практика стратегического планирования [2], по существу, не распространяется на территории административных районов субъектов РФ и, таким образом, заметно снижает его эффективность. Следствием этого является отсутствие на уровне территорий районов полной и объективной информации об их текущем социально-экономическом развитии (состоянии), а следовательно, и соответствующих мер, составляющих программы развития, направленные на последовательное достижение установленных целей, обеспечивающих повышение качества жизни населения. В результате отсутствия информации, касающейся состояния района, из процесса обоснования и подготовки управленческих решений исключается значительное число управленцев районных администраций, что негативно отражается на качестве стратегического планирования. С учетом изложенного далее по тексту мы будем апеллировать к понятию «территория», которое непосредственно будем относить к любому административному городскому району.

В рамках стратегического планирования деятельность его участников направлена на обеспечение устойчивого социально-экономического развития РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, а также территорий, их составляющих. При этом эффективность стратегического планирования при достижении заданных социально-экономических показателей гарантируется прежде всего соблюдением установленных принципов и наличием необходимого методического обеспечения. Несоблюдение такого подхода неизбежно ведет к снижению результативности стратегического планирования и неисполнению в этой связи обязательств органов государственной власти перед населением.

Один из важных принципов стратегического планирования – программно-целевой, означающий, согласно действующему в сфере стратегического планирования законодательству, определение приоритетов и целей социально-экономического развития, разработку взаимоувязанных по целям и срокам реали-

зации государственных программ и определение объемов, а также источников их финансирования. Следование данному принципу предполагает необходимость разработки государственных программ в соответствии с приоритетами социально-экономического развития, определенными стратегиями социально-экономического развития страны или региона. При этом указанная программа должна обеспечивать достижение целей и решение задач социально-экономического развития, что обуславливает необходимость четкого увязывания целей и задач, устанавливаемых стратегиями социально-экономического развития, с мерами (мероприятиями), взаимоувязанными по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам. При этом набор мер, составляющих в этом случае государственную программу, должен быть исчерпывающим и формироваться таким образом, чтобы обеспечивать возможность устойчивого (непрерывного) движения по направлению к цели, устанавливаемой стратегией социально-экономического развития.

Необходимость определения исчерпывающей совокупности мер, которые должны быть реализованы и профинансированы, обусловлена особенностями стратегий социально-экономического развития, устанавливающих приоритеты и цели, обеспечивающие устойчивое и сбалансированное социально-экономическое развитие определенной территории. Достижение этих целей не может быть обеспечено посредством реализации только части мер, пусть и достаточно важных и необходимых. Разумеется, такой подход позволяет двигаться вперед определенным образом, но не дает возможности в полном объеме решать задачи, необходимые для достижения цели, и получить необходимый результат. Игнорирование необходимости определения исчерпывающего перечня мер неизбежно увеличивает риски реализации соответствующих стратегических целей и ставит под сомнение достижение заданных социально-экономических показателей и развития конкретных территорий. В этой связи определение исчерпывающего перечня мер, которые должны быть реализованы для достижения целей стратегии социально-экономического развития, становится одной из важнейших задач стратегического управления социально-экономическим развитием регионов.

Практическое решение задачи определения исчерпывающего перечня мер сводится к разработке комплексной программы соци-

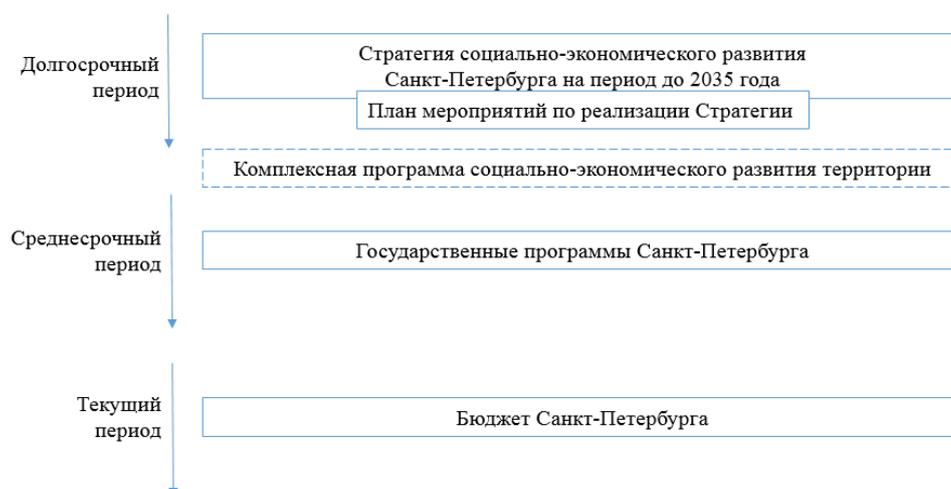
ально-экономического развития территорий, занимающей промежуточное положение между стратегией социально-экономического развития субъекта РФ, являющейся документом долгосрочного планирования, и государственными программами как документами среднесрочного планирования. Возможное положение такой программы в структуре стратегического планирования региона представлено на рисунке. Указанная комплексная программа позволяет обеспечить преобразование достаточно общего (стратегического, долгосрочного) видения будущего, описанного, как правило, в абстрактной форме, в набор конкретных мер (процедур), последовательная реализация которых, безусловно, обеспечит движение к установленной цели заданными (запланированными) темпами в среднесрочном периоде.

Объективная потребность формирования комплексной программы среднесрочного развития территории обусловлена, таким образом, необходимостью иметь исчерпывающий перечень мер, обеспечивающих достижение целей и решение задач, установленных соответствующей стратегией социально-экономического развития. Действующий в настоящее время порядок формирования государственных программ региона [3] не позволяет включать в указанную программу всю совокупность мер, которые необходимы для реализации и достижения соответствующих целей. По существу, содержатся только те меры, для которых определен источник финансирования и для которых устанавливаются расходные обязательства, необходимые при формировании бюджета. В случае же отсутствия финансирования иные меры, часто объективно необ-

ходимые, в расчет не принимаются и остаются за рамками рассмотрения. Возникает разрыв между установленными стратегией социально-экономического развития региона целями и возможностями по их достижению, закладываемыми в государственные программы.

В значительной мере указанное обстоятельство обусловлено ограниченностью бюджетных и иных расходов, включаемых в государственные программы, и возможностью финансирования только части мер, не обеспечивающих в этой связи достижения установленных стратегией социально-экономического развития целей и показателей. Именно поэтому становится крайне важной разработка комплексной (исчерпывающей) программы социально-экономического развития территории на среднесрочный период, дополняющей систему документов стратегического планирования в соответствии со структурой, представленной на рисунке, и являющейся информационной платформой для формирования всех необходимых государственных программ.

Комплексная программа предоставляет возможность не только выбора мер для включения их в соответствующую государственную программу и обеспечения их первоочередного финансирования, но и ведения учета (реестра) мер, которые в настоящий момент не могут быть профинансированы по каким-то причинам, являясь объективно необходимыми для реализации стратегии социально-экономического развития региона. При этом меры, не включенные в государственную программу и не обеспеченные финансированием, могут и должны быть предложены потенциальным инвесторам на предмет их привлечения к реа-

Структура стратегического планирования Санкт-Петербурга

лизации данных мер на договорных условиях. Безусловно, в этом случае содержание и полнота комплексной программы социально-экономического развития территории на среднесрочный период в значительной степени определяются наличием данных о ее состоянии, характеризуемом совокупностью показателей, разрабатываемых и оцениваемых в установленном порядке. Деятельность по проведению оценки соответствующих показателей организуется в рамках анализа социально-экономического развития территории, выводы (результаты) которого используются непосредственно для разработки указанной комплексной программы. При этом без глубокого и всестороннего анализа сформировать комплексную программу социально-экономического развития территории на среднесрочный период не представляется возможным.

Примером комплексной программы социально-экономического развития территории на среднесрочный период служит приоритетная программа социально-экономического развития Кронштадтского района Санкт-Петербурга на период до 2025 года. Она разработана и выполнена в 2018 г. на основании поручения губернатора Санкт-Петербурга. Информационной основой для ее подготовки стали результаты анализа социально-экономического развития Кронштадтского района Санкт-Петербурга [4, 5], уровень которого характеризуется совокупностью показателей состояния 18 отраслей и сфер деятельности. Система таких показателей включает: 1) целевые показатели достижения стратегических целей; 2) общие (функциональные) показатели развития отрасли экономики (сферы деятельности); 3) показатели обеспеченности населения объектами инфраструктуры отрасли экономики (сферы деятельности). В настоящее время указанная система показателей уточняется путем добавления дополнительных блоков: показатели региональных проектов Санкт-Петербурга, реализуемых в рамках национальных проектов (программ); показатели финансовой обеспеченности (достаточности) отраслей экономики (сфер деятельности). Для большей наглядности конкретный перечень показателей, применительно к сфере образования, приведен в прил. 1.

Результаты анализа в значительной степени определяются полнотой и достоверностью данных о значениях показателей, характеризующих текущее социально-экономическое состояние Кронштадтского района Санкт-Петербурга. Их установление и сбор являются

в этой связи важнейшей функцией (задачей) государственного управления. Вместе с тем из-за отсутствия в настоящее время в Санкт-Петербурге эффективной системы сбора таких данных их получение в полном объеме для административных районов города представляется затруднительным. Принимая во внимание возможность рассмотрения только части данных о значениях показателей социально-экономического развития Кронштадтского района Санкт-Петербурга, при проведении анализа были использованы также экспертные оценки специалистов, обладающих необходимыми компетенциями в соответствующих отраслях экономики и сферах деятельности.

Отличительная особенность анализа – его увязка с положениями Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга [6]. С учетом ее направлений, приоритетов и целей результаты анализа позволяют оценить достигнутый уровень социально-экономического развития Кронштадтского района Санкт-Петербурга и определить совокупность необходимых мер, обеспечивающих решение конкретных задач и достижение установленных целей. При этом очевидно, что реализовываться необходимые меры должны не только исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга, но также федеральными органами государственной власти в соответствии с полномочиями и заинтересованными субъектами предпринимательской деятельности. В этой связи в приоритетной программе социально-экономического развития Кронштадтского района Санкт-Петербурга на период до 2025 года, наряду с традиционной для подобных документов информацией (меры, сроки, ответственные), отражается информация обо всех источниках финансирования, необходимых для воплощения в рамках среднесрочного периода соответствующих мер и достижения значений целевых показателей, запланированных на конец этого временного периода.

Одни из важных составляющих системы стратегического планирования – мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования. Проведение указанных процедур [7–10] обеспечивает повышение эффективности функционирования действующей системы стратегического планирования посредством решения ряда задач, связанных с получением объективных данных о значениях комплекса показателей, характеризующих достигнутый уровень социально-экономического развития территории, оценкой степени достижения запланированных целей и раз-

работкой предложений по совершенствованию системы стратегического планирования и повышению эффективности ее функционирования. С этой целью в рамках приоритетной программы социально-экономического развития Кронштадтского района Санкт-Петербурга особое внимание уделено именно вопросам мониторинга показателей социально-экономического развития. При этом первоочередное значение уделяется мониторингу показателей, значения которых существенно хуже аналогичных значений показателей по Санкт-Петербургу. Результаты мониторинга показателей состояния социально-эконо-

мического развития Кронштадтского района Санкт-Петербурга, отличающихся существенным дисбалансом, приведены в прил. 2.

В целом приоритетная программа социально-экономического развития Кронштадтского района Санкт-Петербурга на период до 2025 года включает следующие разделы. 1. Описание приоритетной программы. 2. Перечень мер по социально-экономическому развитию Кронштадтского района Санкт-Петербурга на период до 2025 года. 3. Механизм реализации приоритетной программы. 4. Мониторинг и контроль реализации приоритетной программы. 5.

Приложение 1

Перечень показателей социально-экономического развития территории (в части образования)

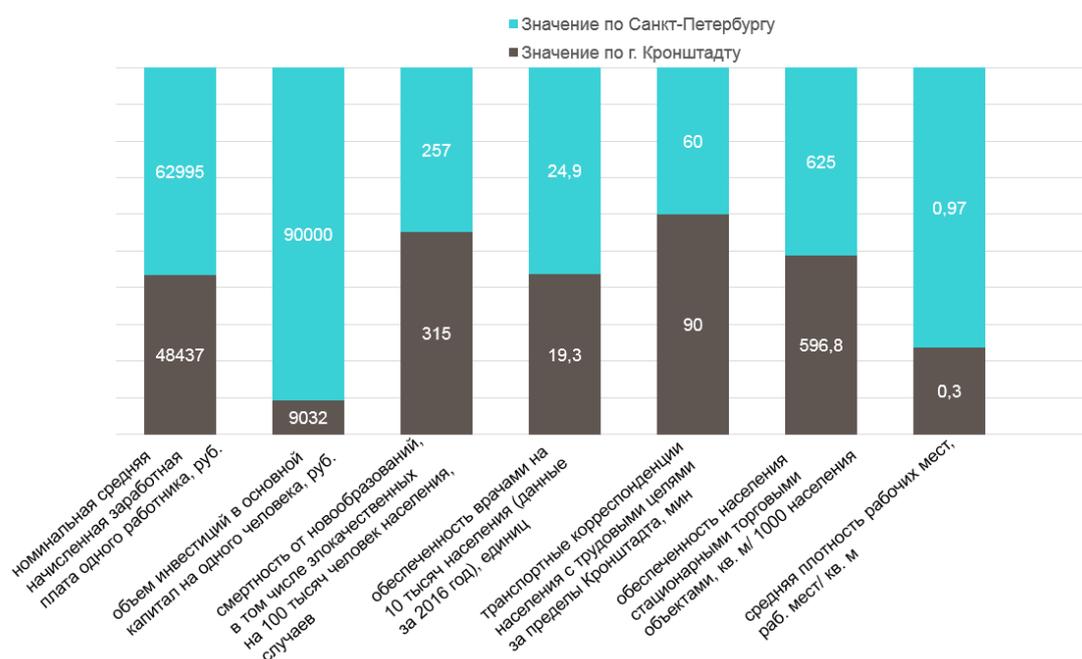
№ п/п	Цели и целевые показатели социально-экономического развития	Значение показателей	
		Фактическое по стоянию на 01.01.2018	Плановое на 01.01.2025
ПОВЫШЕНИЕ ОБРАЗОВАННОСТИ, КАЧЕСТВА И ДОСТУПНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ВСЕХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ			
1. Целевые показатели достижения стратегической цели			
1.1	Отношение обеспеченности населения местами в ДОУ к потребности, %		
1.2	Отношение обеспеченности местами в ООУ к потребности, %		
1.3	Удельный вес численности выпускников УПО очной формы обучения, трудоустроившихся в течение первого года после окончания обучения, в общей численности выпускников УПО очной формы обучения, %		
2. Функциональные показатели развития здравоохранения			
2.1	Количество детей, посещающих ДОУ, чел.		
...			
3. Показатели региональных проектов Санкт-Петербурга, реализуемых в рамках национальных проектов (программ) Российской Федерации			
3.1. Содействие занятости (содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет) (национальный проект «Демография»)			
3.1.1	Численность воспитанников в возрасте до трех лет, посещающих государственные и муниципальные организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход, чел.		
...			
3.2. Молодые профессионалы (повышение конкурентоспособности профессионального образования) (национальный проект «Образование»)			
3.2.1	Число центров опережающей профессиональной подготовки, ед.		
...			
3.3. Современная школа (национальный проект «Образование»)			
3.3.1	Доля субъектов Российской Федерации, в которых обновлены содержание и методы обучения предметной области «Технология» и других предметных областей, %		
...			
3.4. Социальная активность (национальный проект «Образование»)			
3.4.1	Численность обучающихся, вовлеченных в деятельность общественных объединений на базе образовательных организаций общего образования, среднего и высшего профессионального образования, млн чел. накопительным итогом, млн чел.		
...			
3.4.5. Успех каждого ребенка (национальный проект «Образование»)			

Окончание прил. 1

3.5.1	Доля детей в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных дополнительным образованием, %		
...			
3.6. Цифровая образовательная среда (национальный проект «Образование»)			
3.6.1	Количество субъектов Российской Федерации, в которых внедрена целевая модель цифровой образовательной среды в образовательных организациях, реализующих образовательные программы общего образования и среднего профессионального образования, ед.		
...			
4. Показатели обеспеченности населения объектами образования			
4.1. Дошкольные образовательные учреждения (ДОУ)			
4.1.1	Количество детей, посещающих ДОУ, чел.		
4.1.2	Количество ДОУ, ед.		
4.1.3	Суммарная проектная мощность ДОУ, места		
4.1.4	Общая площадь ДОУ, тыс. кв. м		
4.1.5	Загруженность ДОУ, %		
4.1.6	Обеспеченности населения ДОУ, чел. на 1000 населения		
4.2. Общеобразовательные учреждения (ООУ)			
...			
4.3. Учреждения дополнительного образования (УДО)			
...			
4.4. Учреждения профессионального образования (УПО)			
...			
4.4. Показатели финансовой обеспеченности сферы образования			
...			

Приложение 2

Некоторые результаты мониторинга показателей состояния социально-экономического развития Кронштадтского района Санкт-Петербурга, отличающихся существенным дисбалансом

ЛИТЕРАТУРА

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федер. закон от 28.06.2014 № 172. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 01.10.2021).
2. О стратегическом планировании в Санкт-Петербурге: Закон Санкт-Петербурга от 01.07.2015 № 396–75. URL: <https://docs.cntd.ru/document/537976451> (дата обращения: 01.10.2021).
3. О порядке принятия решений о разработке государственных программ Санкт-Петербурга, формирования, реализации и проведения оценки эффективности их реализации: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 25.12.2013 № 1039. URL: <https://docs.cntd.ru/document/822402754> (дата обращения: 01.10.2021).
4. **Сидоров А. А.** Методы интегральной оценки, анализа и мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2009. 23 с.
5. Методика оценки муниципальных программ социально-экономического развития / Г. Ю. Ветров, Д. В. Визгалов, А. А. Шанин, Н. И. Шевырова. М.: Фонд «Институт экономики города». 2002. 65 с.
6. О стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года: Закон Санкт-Петербурга от 19.12.2018 № 771–664. URL: <https://docs.cntd.ru/document/551979680> (дата обращения: 01.10.2021).
7. **Чеклаукова Е. Л.** Разработка комплексной методики оценки уровня социально-экономического развития муниципального образования // Проблемы современной экономики. 2009. № 1 (29). С. 569–572.
8. **Андрианов Д. Л.** Разработка автоматизированного модуля федерального мониторинга социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в рамках создания единой автоматизированной системы мониторинга ключевых показателей социально-экономического развития и контроля результативности деятельности органов государственной власти по их достижению. М., 2007. 23 с.
9. **Леманова П. В.** Особенности мониторинга развития социально-экономических процессов региона // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 4. С. 97–102.
10. **Скотаренко О. В.** Методика оценки уровня социально-экономического развития регионов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. Т. 3 (34). С. 53–59.

REFERENCES

1. O strategicheskome planirovanii v Rossiiskoi Federatsii: Feder. zakon ot 28.06.2014 № 172. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (accessed: 01.10.2021).
2. O strategicheskome planirovanii v Sankt-Peterburge: Zakon Sankt-Peterburga ot 01.07.2015 № 396–75. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/537976451> (accessed: 01.10.2021).
3. O poryadke prinyatiya reshenii o razrabotke gosudarstvennykh programm Sankt-Peterburga, formirovaniya, realizatsii i provedeniya otsenki effektivnosti ikh realizatsii: Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 25.12.2013 № 1039. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/822402754> (accessed: 01.10.2021).
4. **Sidorov A. A.** Metody integral'noi otsenki, analiza i monitoringa sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Novosibirsk, 2009. 23 s. (In Russ.).
5. Metodika otsenki munitsipal'nykh programm sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya / G. Yu. Vetrov, D. V. Vizgalov, A. A. Shanin, N. I. Shevyrova. M.: Fond «Institut ekonomiki goroda». 2002. 65 s. (In Russ.).
6. O strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sankt-Peterburga na period do 2035 goda: Zakon Sankt-Peterburga ot 19.12.2018 № 771–664. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/551979680> (accessed: 01.10.2021).
7. **Cheklaukova E. L.** Razrabotka kompleksnoi metodiki otsenki urovnya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya. Problemy sovremennoi ekonomiki. 2009;(1(29)):569–572. (In Russ.).
8. **Andrianov D. L.** Razrabotka avtomatizirovannogo modulya federal'nogo monitoringa sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya sub'ektov Rossiiskoi Federatsii v ramkakh sozdaniya edinoi avtomatizirovannoi sistemy monitoringa klyuchevykh pokazatelei sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i kontrolya rezul'tativnosti deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti po ikh dostizheniyu. M., 2007. 23 s. (In Russ.).
9. **Lemanova P. V.** Osobennosti monitoringa razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov regiona. Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2013;(4):97–102. (In Russ.).
10. **Skotarenko O. V.** Metodika otsenki urovnya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov. Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka. 2013;(3(34)):53–59. (In Russ.).

УДК 338.26(470.2)

DOI: 10.52897/2411-4588-2021-3-37-51

Евгений Владимирович Лукин*

кандидат экономических наук

Максим Андреевич Сидоров*

младший научный сотрудник

*Вологодский научный центр РАН

Вологда, Россия

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ СЗФО В 2020 ГОДУ: ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Аннотация. Систематизированы закономерности развития экономики Северо-Западного федерального округа (СЗФО) в 2020 г. на фоне политической нестабильности, экономического кризиса и пандемии коронавируса. С опорой на систему национального счетоводства приводятся статистические данные и аналитические выводы о динамике экономических показателей на ключевых стадиях экономического процесса (производства, образования доходов и их использования) с учетом доступности оперативной статистики. Оцениваются развитие промышленного производства, сельского хозяйства, транспорта, рынка труда, формирование доходов населения, бизнеса и бюджета, а также параметры потребительского, инвестиционного и внешнеторгового спроса в 2020 г. Даются рекомендации по направлениям преодоления кризисных явлений в экономике округа.

Ключевые слова: экономика, регион, СЗФО, мониторинг, производство валового продукта, образование доходов, конечное использование доходов.

Evgenii V. Lukin*

PhD in Economic Sciences

Maxim A. Sidorov*

Junior Researcher

*Vologda Research Center Russian Academy of Sciences

Vologda, Russia

ECONOMY OF THE NWFD REGIONS IN 2020: PANDEMIC CHALLENGES AND PROSPECTS

Abstract. The article systematizes the patterns of economic development of the North-Western Federal District (NWFD) in 2020 against the background of political instability, economic crisis and the coronavirus pandemic. Conceptually based on the system of national accounting, statistical data and analytical conclusions are presented on the dynamics of economic indicators at key stages of the economic process (production, income generation and their use), taking into account the availability of operational statistics. The development of industrial production, agriculture, transport, the labor market, the formation of incomes of the population, business and budget, as well as the parameters of consumer, investment and foreign trade demand in 2020 are estimated. Recommendations are given on ways to overcome the crisis phenomena in the economy of the district.

Keywords: economy, region, NWFD, monitoring, gross product production, income generation, final use of income.

1. Введение и актуальность

Современный мир переживает период трансформации, характеризуемый глубокой рецессией глобальной экономики, усилением рыночной волатильности, неустойчивостью международной финансовой системы, замедлением процессов формирования новых транснациональных производственных цепочек, снижением потоков инвестиций. Меняется технологический фундамент хозяйственной деятельности, в ней появляются новые сектора, формируются новые центры экономического и политического влияния.

Закрепление за Россией статуса такого центра требует обеспечения устойчивого развития ее экономики на новой технологической основе. Согласно утвержденной 2 июля 2021 г. Страте-

гии развития России на период до 2030 года, одним из приоритетных направлений является развитие экономики на новой технологической основе. Согласно утвержденной 2 июля 2021 г. Страте-

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00709.

гии национальной безопасности, достижению этой цели будут способствовать институциональная и структурная перестройка экономики, повышение ее диверсифицированности, конкурентоспособности и устойчивости, а также сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации.

При этом Стратегия пространственного развития значимую роль в решении данных задач отводит макрорегиональному уровню. В рамках макрорегионов¹ предполагаются усиление межрегионального сотрудничества и координации социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, развитие транспортной, энергетической, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей усиление экономической связанности территорий, достраивание цепочек создания стоимости, в том числе за счет реализации крупных межрегиональных инвестиционных проектов. Это в свою очередь потребует разработки стратегий социально-экономического развития макрорегионов, а также синхронизированных во времени и пространстве планов их реализации.

Для оценки изменения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии территорий макрорегиона, учета происходящих в их экономике структурных трансформаций, определения потенциала усиления межрегионального сотрудничества и выделения перспективных экономических специализаций важно обеспечить органы государственного управления своевременной информацией о направлениях развития ситуации в регионах, что повышает актуальность реализации системы мониторинга и оперативной оценки функционирования экономики субъектов Российской Федерации, входящих в макрорегион.

2. Краткий обзор существующих исследований

Экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, обусловил необходимость опе-

¹На территории СФЗО Стратегия пространственного развития выделяет два макрорегиона – Северо-Западный, включающий Республику Карелия, Калининградскую, Вологодскую, Ленинградскую, Мурманскую, Новгородскую, Псковскую области, г. Санкт-Петербург, и Северный, включающий Республику Коми, Архангельскую область, Ненецкий автономный округ.

ративного выявления, анализа и оценки реакций на него региональных хозяйственных систем, активизировав тем самым научный интерес к исследованию пространственного аспекта социально-экономического развития России. К числу наиболее заметных работ, появившихся в последние годы, следует отнести: мониторинг социально-экономического развития России, в том числе в разрезе федеральных округов и субъектов Российской Федерации (Минэкономразвития России); расчет сводного индекса региональной экономической активности (Центр развития НИУ ВШЭ); мониторинг социально-экономического положения регионов России [1] (Центр пространственной экономики ИПЭИ РАНХиГС); рейтинг социально-экономического положения регионов (РИА Рейтинг); рейтинги регионального развития (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ) и некоторые другие.

К сожалению, значительная часть выполненных работ не получила продолжения, а на регулярной основе мониторинг выполняется в основном только федеральными министерствами и региональными департаментами (например, макроиндикаторы социально-экономической ситуации в Вологодской области Департамента стратегического планирования Правительства области) [2]. Ведущие российские аналитические центры (ЦМАКП, ИНП РАН, Центр ситуационного анализа и прогнозирования ЦЭМИ РАН и др.) в массе своей не ведут систематический оперативный мониторинг региональной (макрорегиональной) экономики.

Проблематика развития экономики регионов глубокого исследуется региональными институтами РАН (ИЭОПП СО РАН, ИЭ УрО РАН, ИПРЭ РАН, ИЭП КНЦ РАН, ИЭ КарНЦ РАН, ИЭИ ДВО РАН и др.). Однако публикуемые ими материалы либо не акцентированы на оперативном мониторинге объекта статьи, т. е. экономики СЗФО, либо направлены на анализ экономики других территорий (среди них отметим запуск публикации в 2020 г. регулярных аналитических бюллетеней по экономике Уральского федерального округа Институтом экономики УрО РАН [3, 4]).

Вологодский научный центр РАН пытается заполнить эту лауну. Мы в составе коллектива ведем регулярный оперативный мониторинг функционирования экономики регионов Северо-Запада (основные его результаты каждые два месяца публикуются в журнале «Проблемы развития территории» [5]), с текущего года начат выпуск ежегодного аналитического бюллетеня по экономике СЗФО, где отража-

ются основные результаты оценки особенностей и тенденций развития экономики макро-региона в прошедшем году.

3. Методика исследования

Концептуальной основой анализа региональной экономики в нашем исследовании выступает теория национального счетоводства [6]. Согласно ей, основой формирования ресурсов экономики является производство (I стадия; рис. 1). В процессе производства, с одной стороны, выпускаются товары и услуги в их натуральном виде, с другой – создаются их стоимость и добавленная стоимость, которой соответствуют образовавшиеся в производстве первичные доходы (II стадия). Первичные доходы после их распределения и перераспределения образуют располагаемые доходы субъектов хозяйствований и расходуются на конечный спрос – конечное потребление и валовое накопление (III стадия). Разница между производством и конечным спросом балансируется за счет вывоза и ввоза. Соотношения между этими показателями находятся в процессе постоянных изменений, вытекающих из сложных воспроизводственных процессов. Они отражают результаты экономического развития, складывающиеся на основе экономических закономерностей, проводимой экономической политики и экономической конъюнктуры как внутри страны, так и за ее пределами.

В соответствии с представленным подходом анализ экономики осуществляется на ключевых стадиях экономического процесса (производства, образования доходов и их использования) с учетом доступности оперативной ста-

стистики. На стадии производства анализируется состояние промышленного комплекса (в том числе в разрезе видов обрабатывающих производств), сельского хозяйства, транспорта. На стадии образования доходов рассматривается состояние доходов населения (денежные доходы, заработная плата и занятости населения, пенсии), государства (поступления в консолидированные бюджеты, госдолг) и компаний (сальдированный финансовый результат). На стадии использования доходов оценивается состояние конечного потребительского спроса (розничная торговля, платные услуги населению, жилищное строительство, ипотечное кредитование, инфляция), валового накопления (инвестиции в основной капитал, строительство) и внешней торговли (экспорт и импорт, цены на нефть, газ, металлоизделия и минеральные удобрения).

Информационную базу исследования составляют статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), Федеральной таможенной службы, Федерального казначейства, Всемирного банка, а также материалы специализированных сайтов и периодической печати.

Объектом исследования выступает экономическое развитие Северо-Западного федерального округа и субъектов Российской Федерации, входящих в его состав: Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Вологодской области, Архангельской области (включая Ненецкий автономный округ), Калининградской области, Республики Коми, Мурманской области, Псковской области, Республики Карелия, Новгородской области. Отметим, что

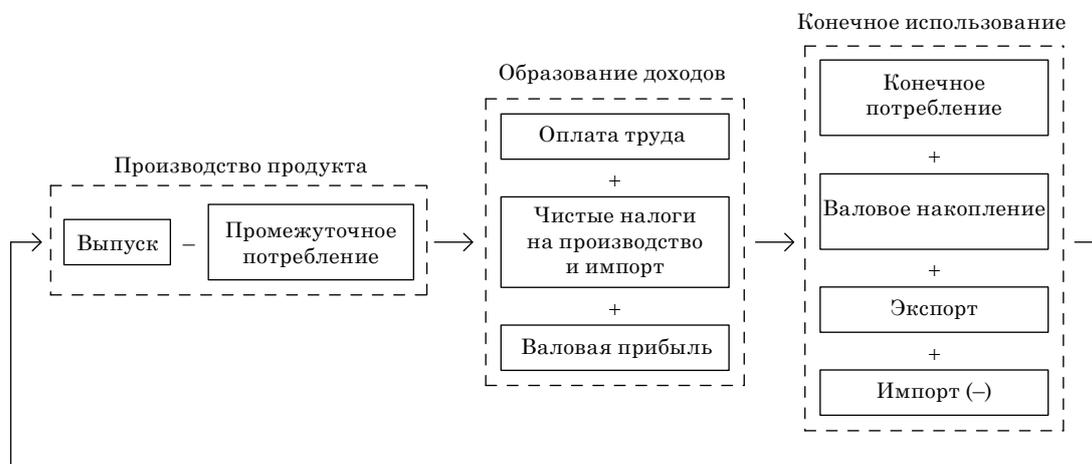

Рис. 1. Схема формирования и использования валовой добавленной стоимости в экономике

Ненецкий автономный округ рассматривается в составе Архангельской области.

4. Общая характеристика экономики СЗФО

СЗФО обладает достаточно высоким уровнем экономического развития. Его регионы производят порядка 10% валового регионального продукта (ВРП) страны. Объем ВРП на душу населения составляет 753 тыс. руб., что на 17% превышает среднероссийский уровень, уступая лишь показателям Уральского и Центрального федеральных округов.

Экономико-географическое положение Северо-Запада сформировало главную функцию его регионов – обеспечение внешнеэкономических связей России с Европейским Союзом и рядом других регионов мира. Это обусловило ориентацию значительной части бизнеса (химической промышленности, металлургии, лесопромышленного комплекса) на обслуживание внешнеэкономических связей, развитие транспортной инфраструктуры (объектов трубопроводного транспорта, портового хозяйства, терминалов и таможенной инфраструктуры; рис. 2).

В последние годы растет значение Северо-Запада как крупной перспективной природно-ресурсной базы, форпоста освоения российских арктических территорий. Помимо этого,

объектами внутристрановой специализации округа выступают автомобилестроение, деревообработка, рыбное хозяйство, энергетика, туризм, научно-проектная сфера и инжиниринг, консалтинг и менеджмент-обслуживание, предоставление организационных и финансовых услуг¹. Прочие отрасли экономики регионов СЗФО, среди которых сельское хозяйство и пищевая промышленность, местная производственная инфраструктура (внутренний транспорт, энергосети, объекты водоснабжения и водоотведения и др.), финансовая инфраструктура, отрасли социальной сферы, ориентированы в основном на локальные рынки.

Функционально-отраслевая структура экономики Северо-Запада определила ее пространственную конфигурацию. Почти половина ВРП округа создается в Санкт-Петербурге, еще 12% – в Ленинградской области. На остальные регионы приходится около 39% производства валового продукта. СЗФО – промышленно развитый макрорегион. Округ занимает ведущие места в России по строительству морских и речных судов, производству ав-

¹Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2011 г. № 2074-р. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporyazhenie-pravitelstva-rf-ot-18112011-n-2074-r/> (дата обращения: 01.10.2021).

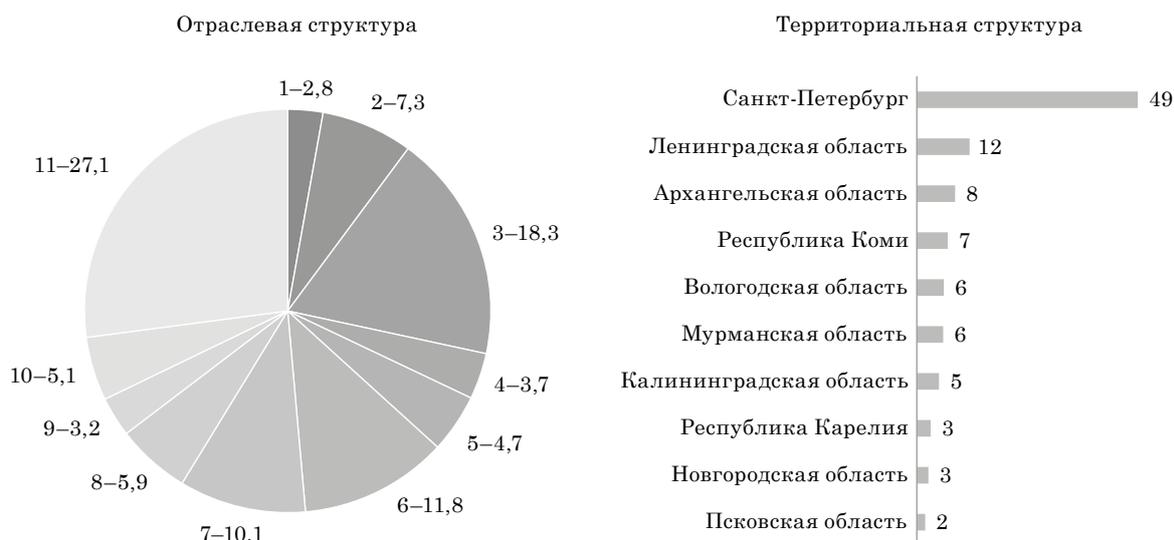

Рис. 2. Структура производства ВРП СЗФО в 2019 г. (составлено на основе данных Росстата), % к итогу: 1) сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; 2) добыча полезных ископаемых; 3) обрабатывающие производства; 4) производство и распределение электроэнергии, газа и воды; 5) строительство; 6) торговля оптовая и розничная; 7) транспортировка и хранение; 8) государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; 9) образование; 10) здравоохранение; 11) прочие услуги

томобилей, а также в целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей индустрии. По производству промышленной продукции на душу населения в СЗФО лидирует Мурманская область, чей уровень почти втрое превышает среднестрановой. При этом почти половина от общего объема промышленного производства округа выпускается в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В структуре промышленного производства СЗФО преобладает обрабатывающая индустрия, доля производимой добавленной стоимости в которой составляет 62,5%. Еще 24,9% приходится на добычу полезных ископаемых, значительная часть которых добывается в северных регионах округа.

5. Результаты экономического развития СЗФО в 2020 г.

5.1. Производство валового продукта в экономике СЗФО

2020 год прошел под знаком борьбы с пандемией COVID-19 и вызванных ею социального дистанцирования, изоляции и ограничений на поездки, которые изменили образ жизни людей и способы производства, затронули экономическое и социальное развитие.

Производственный сектор экономики СЗФО в 2020 г. (как промышленное производство, сельское и лесное хозяйство, так и производство различных услуг) испытал на себе негативные последствия пандемических ограничений и спада экономической активности в мире. Индекс промышленного производства в целом по

округу в 2020 г., в сравнении с данными 2019 г.¹, составил 97%, что незначительно ниже, чем в среднем по стране (табл. 1). Спад был отмечен во всех регионах округа за исключением Вологодской области и Республики Карелия, вес которых в общем объеме суммарно составляет лишь 12,6%. Существенное падение промышленного производства отмечено в специализирующихся на добыче полезных ископаемых Республике Коми и Архангельской области.

В наибольшей степени пострадал ряд отраслей машиностроения и добычи полезных ископаемых (за исключением металлических руд и угля; рис. 3). Вследствие изменения потребительского поведения пострадали также отрасли, производящие конечную продукцию, такие как производство одежды и мебели (их выпуск сократился на 12,0 и 8,5% соответственно). Негативной стала и динамика производства готовых металлических изделий (на 6,8%), что во многом связано со спадом в строительстве. Позитивные изменения отмечены в первую очередь в отраслях, продукция которых активно использовалась при борьбе с пандемией, в первую очередь это производство химических веществ и лекарственных средств (рост составил 7,8 и 13,1% соответственно). Также существенный рост отмечен в производстве прочих транспортных средств и оборудования (на 7,6%), табачных изделий (7,6) и полиграфической деятельности (на 7,2%).

¹Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) сопоставляются данные 2020 г. с данными 2019 г.

Таблица 1

Динамика объема промышленного производства (составлено на основе данных Росстата), % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	Ранг*в 2020 г.
РФ	103,4	102,6	97,9	97,0	97,4	–
СЗФО	103,4	101,6	96,3	96,3	97,0	5
Вологодская область	103,9	103,1	101,7	101,6	102,3	23
Республика Карелия	100,4	102,9	102,2	103,3	102,2	25
Псковская область	106,9	109,7	102,7	99,7	98,9	42
Ленинградская область	105,1	101,2	95,5	99,3	98,6	43
Новгородская область	103,0	96,6	97,6	98,3	98,4	44
Мурманская область	108,0	100,5	95,7	97,1	98,2	46
Санкт-Петербург	104,5	102,8	94,4	96,3	98,2	46
Калининградская область	100,4	92,0	87,0	90,8	93,5	71
Республика Коми	102,2	102,0	98,3	94,0	93,0	73
Архангельская область	100,2	103,1	96,9	91,3	92,2	75

*Здесь и далее показан ранг соответствующего региона и федерального округа по динамике показателя в 2020 г. среди всех 82 субъектов федерации (автономные округа в составе Архангельской и Тюменской областей не выделяются) и 8 федеральных округов.

Рис. 3. Прирост (убыль) объемов промышленного производства СЗФО в 2020 г. (составлено на основе данных Росстата), % к предыдущему году

Таблица 2

Динамика сельскохозяйственного производства (составлено на основе данных Росстата), % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	Ранг в 2020 г.
РФ	104,3	103,0	103,0	103,2	101,5	—
СЗФО	105,7	104,9	104,2	102,6	103,0	3
Республика Коми	96,5	112,4	113,5	115,1	114,8	4
Калининградская область	114,4	113,9	115,1	109,4	109,4	11
Псковская область	117,9	113,0	109,3	105,4	108,9	13
Мурманская область	94,4	98,9	97,0	105,5	104,0	33
Архангельская область	96,2	102,8	102,4	100,6	101,3	49
Республика Карелия	93,7	99,6	99,3	100,3	100,4	53
Вологодская область	109,4	106,9	106,1	100,6	100,2	54
Ленинградская область	101,0	98,7	99,8	99,3	100,1	55
Новгородская область	99,6	97,1	95,0	98,1	94,8	72

Сельское и лесное хозяйство, а также рыболовство и рыбоводство стали одними из немногих отраслей, которые почти не затронули пандемические ограничения. По итогам 2020 г. объем производства сельхозпродукции в СЗФО

увеличивался вдвое быстрее, чем в стране (3,0 и 1,5% соответственно; табл. 2). Аграрии показали устойчивость производства: рост отмечается во всех регионах округа, за исключением Новгородской области. СЗФО удалось увеличить по-

Таблица 3

Динамика производства продукции рыболовства и рыбоводства (составлено на основе данных Росстата), % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.
<i>Рыболовство</i>					
РФ	96,3	119,2	100,4	91,5	95,2
СЗФО	50,2	50,9	53,5	106,8	114,0
<i>Рыбоводство</i>					
РФ	97,7	148,3	143,4	140,2	145,4
СЗФО	101,2	262,2	260,3	214,0	230,3

Таблица 4

Динамика производства продукции лесного хозяйства (составлено на основе данных Росстата), % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.
РФ	97,2	105,7	98,3	97,0	99,2
СЗФО	107,3	105,4	101,2	98,7	101,4

голове крупного рогатого скота (на 1,0%), свиной (на 9,0), производство скота и птицы (на 7,0), молока (на 4,6%). В то время как в динамике рыболовства и рыбоводства страны в 2020 г. наблюдались разнонаправленные тенденции (спад на 4,8 и рост на 45,4% соответственно; табл. 3), в СЗФО зафиксировано активное развитие обеих отраслей (выпуск в рыбоводстве увеличился более чем вдвое, в рыболовстве – на 14,0%). В выпуске лесного хозяйства округа в 2020 г. также наблюдались позитивные изменения. Необработанных лесоматериалов было произведено на 1,4% больше, чем годом ранее (табл. 4).

Промышленная специализация СЗФО позволила сохранить транспортную активность.

В сфере грузового железнодорожного и автомобильного транспорта округа отмечены позитивные изменения при разнонаправленных тенденциях на уровне страны. Уровень погрузки грузов на железнодорожном транспорте в СЗФО увеличился на 1,3%, грузооборот автомобильного транспорта вырос на 3,6%.

5.2. Образование доходов в экономике СЗФО

Пандемия негативно отразилась на уровне доходов населения страны и ее регионов. В 2020 г. в целом по России он снизился на 2,6% (табл. 5). В СЗФО спад показателя оказался не столь значительным (-1%), в результате че-

Таблица 5

Динамика реальных денежных доходов населения (составлено на основе данных Росстата), % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	2019 г.	I кв. 2020 г.	II кв. 2020 г.	III кв. 2020 г.	IV кв. 2020 г.	2020 г.	Ранг в 2020 г.
РФ	101,7	102,2	92,4	95,9	99,3	97,4	–
СЗФО	100,6	102,7	96,9	97,2	99,3	99,0	1
Ленинградская область	100,8	103,3	97,0	98,4	103,3	100,4	8
Мурманская область	100,8	102,6	98,0	98,2	99,9	99,7	15
Санкт-Петербург	101,1	104,1	96,9	96,6	100,1	99,4	18
Республика Карелия	100,8	102,7	95,3	100,7	99,2	99,4	18
Вологодская область	100,3	101,7	99,0	97,7	98,3	99,1	22
Псковская область	101,4	103,1	97,7	98,3	96,7	98,8	26
Архангельская область	100,1	102,4	96,9	95,2	98,2	98,0	39
Калининградская область	101,3	97,0	94,3	96,7	99,0	96,9	58
Республика Коми	97,1	100,3	95,3	98,9	93,8	96,9	58
Новгородская область	97,7	97,6	98,3	96,9	90,2	95,4	70

го по итогам года округ вышел на первое место среди федеральных округов. При этом сокращение уровня доходов населения отмечено во всех субъектах округа, за исключением Ленинградской области, которая по итогам 2020 г. вошла в число лучших 8 регионов страны по динамике этого показателя. Рост социальных трансфертов, связанный главным образом с «коронавирусными» выплатами населению, стал, в отличие от всех предшествующих лет, важнейшим фактором поддержания благосостояния населения [7].

По приросту уровня оплаты труда СЗФО в 2020 г. занял предпоследнее место в стране, составив 1%, при этом в Ленинградской и Новгородской областях зафиксировано его снижение. В отличие от предыдущих лет в 2020 г. на территориальное распределение прироста заработных плат повлиял объем потока стимулирующих выплат для работников здравоохранения, а также местонахождение организаций сферы ИКТ. К положительным моментам можно отнести успехи Псковской области, занимающей последние места в СЗФО по размеру зарплат и объему подушевого производства валового продукта. Самый высокий рост заработных плат среди остальных субъектов округа отмечен в Вологодской области, что позволило ей войти в 10 лучших регионов страны. Столь позитивную динамику можно объяснить беспрецедентным объемом финансовой поддержки из федерального бюджета¹, полу-

ченной Вологодской областью в 2020 г., позволившей направить средства на оплату труда работникам социальной сферы, а также ростом заработных плат за этот период в металлургии, являющейся весьма значимой для региона.

Доходы консолидированных бюджетов регионов СЗФО в 2020 г. не претерпели сильных изменений ввиду негативных последствий пандемических ограничений и спада экономической активности в мире лишь благодаря межбюджетным трансфертам из федерального бюджета, которые стали одним из ведущих факторов повышения шокоустойчивости региональных бюджетов. В целом по СЗФО доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ возросли на 2,2%, что ниже среднего темпа роста по стране (табл. 6). Примечательно, что снижение доходной части бюджета наблюдалось лишь в Архангельской области и Республике Коми. Наиболее заметными приростами доходов отметились Республика Карелия, Псковская, Новгородская и Ленинградская области.

Падение производства и сокращение мировых цен на экспортируемые товары имели негативные последствия для валовой прибыли экономики СЗФО. По динамике реального объема сальдированного финансового результата деятельности организаций СЗФО был одним из лидеров среди округов, достигнув увеличения показателя почти на четверть, в то время как в целом по стране отмечен спад в размере 22,1% (табл. 7). Однако весь прирост был обеспечен лишь тремя регионами (Мурманской и Калининградской областями, Санкт-Петербургом), при этом в Республике Коми, Архангельской и Новгородской областях финансовый результат организаций был близок к отрицательному.

¹Бюджетная система региона выдержала негативные последствия пандемии: об этом свидетельствуют итоги исполнения бюджета за 2020 год. URL: <https://vologda-oblast.ru/> (дата обращения: 01.10.2021).

Таблица 6

Динамика доходов консолидированных бюджетов (составлено на основе данных Росстата), % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	Ранг в 2020 г.
РФ	106,6	108,7	100,5	102,5	104,4	–
СЗФО	107,0	104,9	97,7	100,1	102,2	7
Псковская область	109,8	112,2	118,3	115,1	111,3	18
Республика Карелия	104,1	102,1	105,5	107,1	108,2	39
Новгородская область	109,9	110,6	97,8	105,7	107,8	41
Ленинградская область	101,9	105,5	108,1	105,9	105,2	54
Вологодская область	113,4	101,8	98,4	103,9	103,3	63
Мурманская область	116,5	119,2	98,8	101,7	102,2	66
Калининградская область	101,7	102,2	92,4	94,6	101,6	69
Санкт-Петербург	107,8	106,5	96,7	98,6	100,9	71
Архангельская область	108,8	89,4	91,6	96,7	99,7	73
Республика Коми	100,6	104,6	88,5	93,3	97,4	79

Таблица 7

**Динамика сальдированного финансового результата деятельности организаций
(составлено на основе данных Росстата), % к соответствующему периоду предыдущего года**

Территория	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	Ранг в 2020 г.
РФ	117,5	41,5	53,3	56,5	77,9	–
СЗФО	129,5	30,8	61,5	72,1	123,8	2
Мурманская область	111,0	326,6	181,4	165,6	292,6	3
Калининградская область	125,8	–	34,6	179,6	275,3	5
Санкт-Петербург	153,0	40,1	64,7	70,1	135,6	16
Вологодская область	97,2	7,4	70,0	79,9	96,1	33
Ленинградская область	111,2	20,5	68,2	70,9	90,2	38
Республика Карелия	158,9	37,4	48,9	54,9	85,0	42
Псковская область	88,5	28,3	72,7	67,4	80,8	47
Новгородская область	148,8	–	22,3	17,6	62,7	54
Архангельская область	133,9	–	–	–	14,7	68
Республика Коми	94,7	–	–	7,1	14,3	69

В целом в сфере образования доходов в экономике СЗФО негативные тенденции преобладают над позитивными. Сохранившийся рост доходов государства – это с большой вероятностью явление временное, поскольку спад в доходах населения и бизнеса предполагает сокращение налоговой базы, и в дальнейшем следует ожидать возрастания объемов безвозмездных перечислений в бюджеты регионов.

5.3. Конечное использование доходов в экономике СЗФО

Кризисные явления в экономике затронули все основные компоненты конечного спроса (потребление домохозяйств, валовое накопление, внешнюю торговлю). В целом по стране в 2020 г. оборот розничной торговли уменьшился на 4,1% (табл. 8). Однако в СЗФО за указанный период спад индикатора стал не столь заметным, что позволило ему обеспечить лидерство среди остальных федеральных округов страны. Такая ситуация объясняется позитивной динамикой показателя в Ленинградской области, рост в которой за рассматриваемый период составил 6,5%, что можно объяснить снятием большинства коронавирусных ограничений в этом субъекте РФ к середине мая 2020 г., а также активизацией спроса жителей Санкт-Петербурга, которые выезжали в Ленинградскую область за покупками¹. Кроме того, увеличение показателя отмечено в Псковской области и Республике Карелия (на 0,6

и 0,2% соответственно). Как видится, положительным образом повлияли противоэпидемические ограничения: поскольку в 2020 г. выездной туризм был практически остановлен, прослойка обеспеченных граждан осталась в России и отчасти компенсировала заграничный отдых местным потреблением.

Ввод жилья в СЗФО за 2020 г., по сравнению с показателями предыдущего года, снизился на 5,9% (табл. 9). Падение показателя в округе оказалось существеннее, чем по стране в целом. Невысокие значения индикатора в климатически суровых регионах федерального округа – Мурманской области и Республике Коми – объясняются низкими темпами ввода жилья, демонстрируемыми этими субъектами на протяжении последних лет. Лидерство в округе по этому показателю Калининградской области, ввод жилья в которой за указанный период вырос на 20%, объясняется популярностью среди населения программы льготной ипотеки под 6,5% годовых, а также введением льготных кредитов для застройщиков и их временное освобождение от штрафных санкций и неустоек.

Сжатие объема доходов населения и необходимость мер по противодействию пандемии потребовали наращивания бюджетных расходов, прежде всего социальных и медицинских. Как следствие, расходы консолидированных бюджетов регионов СЗФО в 2020 г. характеризовались существенным ростом, направленным на поддержание деловой активности в экономике, при этом едва ли не впервые федеральный бюджет практически полностью профинансировал за счет трансфертов расширившиеся социальные расходы в регионах, предотвратив разрастание кризиса региональных финансов. Рост по отно-

¹Оборот розничной торговли в Ленобласти за 2020 год превысил 106% // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4662409> (дата обращения: 01.10.2021).

Таблица 8

**Динамика оборота розничной торговли (составлено на основе данных Росстата),
% к соответствующему периоду предыдущего года**

Территория	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	Ранг в 2020 г.
РФ	101,9	104,4	93,9	95,5	95,9	–
СЗФО	102,0	106,0	96,7	98,9	99,5	1
Ленинградская область	104,5	111,1	103,1	105,1	106,5	1
Псковская область	103,5	104,0	98,6	100,4	100,6	7
Республика Карелия	101,5	105,7	99,9	101,2	100,2	9
Архангельская область	99,5	102,6	97,9	99,1	99,3	13
Вологодская область	102,7	106,7	99,9	99,2	99,3	13
Республика Коми	100,1	100,2	97,5	98,9	98,5	20
Калининградская область	101,8	103,7	94,9	97,2	98,2	23
Санкт-Петербург	102,1	107,2	93,4	96,9	98,0	26
Новгородская область	100,2	101,0	99,5	99,0	97,1	36
Мурманская область	100,0	99,8	97,3	96,8	96,0	46

Таблица 9

**Динамика ввода в действие жилых домов (составлено на основе данных Росстата),
% к соответствующему периоду предыдущего года**

Территория	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	Ранг в 2020 г.
РФ	106,2	98,7	88,6	97,7	98,2	–
СЗФО	98,7	76,1	80,2	102,3	94,1	8
Калининградская область	102,1	65,6	98,4	120,0	120,6	7
Архангельская область	105,7	70,0	82,4	93,1	112,5	11
Республика Карелия	102,1	65,2	71,4	93,4	104,7	24
Новгородская область	107,8	113,4	78,6	102,1	98,5	46
Псковская область	114,9	68,5	68,0	82,2	94,1	56
Вологодская область	109,0	50,0	57,6	77,5	85,4	70
Республика Коми	81,3	55,1	66,4	93,1	85,3	71
Ленинградская область	110,0	79,3	65,1	98,2	81,1	72
Мурманская область	91,5	23,1	32,0	65,8	72,2	79

Таблица 10

**Динамика расходов консолидированных бюджетов регионов (составлено на основе данных Росстата),
% к соответствующему периоду предыдущего года**

Территория	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	Ранг в 2020 г.
РФ	110,4	113,6	114,7	113,0	108,6	–
СЗФО	110,5	107,6	107,8	108,7	107,8	6
Республика Карелия	109,4	115,6	119,6	122,8	119,2	11
Псковская область	112,3	97,6	119,2	121,6	116,0	16
Архангельская область	109,8	121,9	113,5	118,5	112,8	28
Новгородская область	112,1	111,3	109,0	114,5	112,7	29
Вологодская область	121,7	118,7	119,4	120,3	112,6	31
Ленинградская область	109,4	114,5	116,4	117,4	112,3	33
Республика Коми	108,0	107,8	107,4	113,6	110,3	43
Санкт-Петербург	111,0	105,3	104,7	103,0	104,2	74
Мурманская область	112,8	92,8	101,0	102,7	103,9	75
Калининградская область	102,8	99,4	94,6	96,6	102,1	79

шению к декабрю прошлого года составил 8,6% в среднем по стране и 7,8% – по СЗФО (табл. 10).

Значительно возросли расходы Республики Карелия (+19,2%), направленные на реализацию

проектов повышения качества первичной медицинской помощи в сельской местности и установления социальных доплат к пенсиям, теперь частично финансируемых за счет регионального бюджета, и Псковской области (+16%), бюджетные средства которой были направлены на поддержку малого и среднего предпринимательства, сельского хозяйства, а также на стимулирующие выплаты медицинским и социальным специалистам, борющимся с распространением коронавирусной инфекции. Наименьшее увеличение расходной части бюджетов наблюдалось в Калининградской, Мурманской областях и Санкт-Петербурге.

Рассматривая основные статьи расходов бюджета, стоит отметить разнонаправленную динамику различных категорий. По итогам 2020 г. наиболее значительным разделом консоли-

дированных бюджетов субъектов СЗФО стали расходы на здравоохранение, социальную политику и физическую культуру. По сравнению с итогами прошлого года эти категории расходов увеличились на 23, 16,5 и 12% соответственно (табл. 11), рост объемов финансирования которых был обусловлен необходимостью борьбы с пандемией и активной поддержкой населения в ходе экономического кризиса.

Неопределенность в новых условиях функционирования мировой экономики привела к негативным последствиям в сфере инвестиционной активности. В условиях пандемии предприятия по всей стране значительно сократили инвестиционную активность. По итогам 2020 г. объем инвестиций по РФ уменьшился на 1,4%, в СЗФО сокращение было менее значительным, составив 0,3% (табл. 12).

Таблица 11

Динамика расходов консолидированных бюджетов регионов и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов (составлено на основе данных Федерального казначейства), % к соответствующему периоду предыдущего года

Статья	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.
Здравоохранение	110,5	116,3	123,8	126,0	122,9
Социальная политика	110,4	105,3	111,2	117,4	116,5
Физическая культура и спорт	111,0	131,0	112,6	111,7	112,2
Общегосударственные вопросы	110,3	108,3	97,5	101,6	107,8
Национальная экономика	110,7	103,2	102,9	103,6	103,8
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	106,4	114,9	108,3	106,9	101,4
Образование	110,8	109,2	102,9	100,6	98,0
Культура, кинематография	106,6	107,7	96,5	94,8	96,8
Прочие расходы	127,1	115,1	108,1	93,4	95,4
Обслуживание государственного (муниципального) долга	80,6	80,2	74,3	80,8	95,1
Жилищно-коммунальное хозяйство	113,6	88,3	92,8	88,9	92,3

Таблица 12

Динамика объема инвестиций в основной капитал (составлено на основе данных Росстата), % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	Ранг в 2020 г.
РФ	102,1	103,5	98,2	96,9	98,6	—
СЗФО	84,1	88,8	95,6	96,7	99,7	4
Республика Коми	83,8	91,9	101,3	103,7	111,5	11
Республика Карелия	93,8	124,2	101,6	97,5	109,0	13
Псковская область	101,1	83,6	88,1	98,1	107,9	15
Ленинградская область	76,4	52,6	73,4	76,4	105,2	18
Мурманская область	101,1	166,9	108,4	112,1	104,8	19
Санкт-Петербург	81,5	98,5	105,0	105,5	97,4	38
Архангельская область	90,5	114,8	102,7	105,4	95,2	46
Вологодская область	119,4	78,4	98,9	96,5	94,3	49
Калининградская область	61,6	75,9	93,3	92,7	91,8	53
Новгородская область	76,3	81,1	79,1	76,7	81,8	77

Это объясняется рядом причин, в частности сокращением объемов потребительского спроса из-за жестких противоэпидемиологических ограничений и, как следствие, падением прибыли предприятий, которая является основным источником капиталовложений. По данным опроса, проводимого ИНП РАН [8], 37% предприятий в 2020 г. прекратили финансирование инвестиционных расходов, а еще 31% – частично сократили его объемы.

В 2020 г. зафиксировано серьезное изменение объемов импорта и экспорта в регионах СЗФО: у большинства субъектов эти показате-

ли оказались ниже прошлогодних. Основным фактором, ставшим причиной подобного падения, была пандемия коронавируса, так как макрорегион является экспортером энергоресурсов, то снижение цен на нефть, ограниченное ее добычи и волатильность мировых цен оказали косвенное влияние на функционирование внешней торговли в СЗФО (табл. 13).

Мировые цены на основные экспортные товары СЗФО по итогам 2020 г. показали отрицательную динамику (табл. 14). Нефть подешевела на 32,8%, газ – на 32,5, черные металлы – на 5,9, фосфатные удобрения – на 0,1%.

Таблица 13

Динамика объема внешней торговли (составлено на основе данных Росстата и Федеральной таможенной службы), % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.	Ранг в 2020 г.
<i>Экспорт</i>						
РФ	94,4	86,6	78,5	77,8	79,3	–
СЗФО	99,8	87,3	86,1	83,0	82,9	5
Мурманская область	111,7	164,8	108,0	104,4	116,0	17
Калининградская область	75,4	114,1	112,5	107,8	113,6	19
Вологодская область	91,4	96,0	99,3	98,3	98,0	32
Новгородская область	119,2	73,4	81,0	84,2	84,2	54
Республика Коми	98,1	87,9	83,3	81,9	82,1	55
Архангельская область	85,9	98,1	81,5	89,1	82,1	56
Ленинградская область	95,5	93,3	76,8	81,4	79,2	60
Санкт-Петербург	104,2	78,9	85,1	76,9	75,5	66
Псковская область	95,5	100,0	71,1	63,6	72,7	72
Республика Карелия	81,0	40,6	51,4	66,7	70,3	74
<i>Импорт</i>						
РФ	102,5	100,2	93,6	93,2	94,7	–
СЗФО	100,5	100,4	87,6	87,9	91,2	8
Республика Карелия	95,5	90,5	101,5	108,6	107,7	17
Мурманская область	101,5	202,9	151,0	107,3	97,4	32
Вологодская область	116,5	142,3	128,9	111,8	96,9	33
Новгородская область	133,6	92,7	99,7	93,8	96,1	34
Псковская область	103,8	92,9	81,7	84,6	94,9	37
Санкт-Петербург	101,6	103,3	90,2	89,2	93,1	45
Ленинградская область	95,4	102,9	90,1	90,1	90,5	54
Республика Коми	74,0	90,5	101,3	89,5	87,0	60
Калининградская область	96,9	86,6	74,4	80,4	84,5	66
Архангельская область	121,3	187,0	64,2	67,7	82,2	69

Таблица 14

Динамика цен на мировых рынках (составлено на основе данных www.metaltorg.ru, metalinform.ru, www.indexmundi.com), % к соответствующему периоду предыдущего года

Продукт	2019 г.	3 мес. 2020 г.	6 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	2020 г.
Нефть	89,8	81,1	63,2	65,5	67,2
Газ	62,5	50,2	47,0	54,5	67,5
Металл	88,7	87,8	89,0	88,4	94,1
Фосфатные удобрения	79,5	76,4	79,3	88,5	99,9

В целом на стадии конечного использования доходов в экономике СЗФО зафиксировано существенное ухудшение показателей, как в сфере конечного потребления, так и в инвестиционной и во внешнеторговой. Наибольший ущерб при этом понесли регионы, специализирующиеся на экспорте энергоресурсов, а также те, в валовом продукте которых значительную долю занимают услуги. Главным стабилизирующим фактором выступило государственное потребление. Отметим также ускорение инфляции. Больше всего подорожали первичное жилье и промышленные товары. К позитивным изменениям следует отнести относительно небольшой на фоне среднестранового рост цен на сельскохозяйственную продукцию СЗФО, а также снижение тарифов на грузоперевозки (впрочем, коснувшееся далеко не всех регионов).

6. Заключение и выводы

В 2020 г. российская экономика пережила серьезный спад под влиянием неблагоприятной внешнеполитической и эпидемиологической обстановки, напряженности в мировой торговле и связанного с ней снижения цен на ключевые экспортные товары страны, сокращения экспорта, доходов и потребления населения и бизнеса, резкого ускорения инфляции. Кризис обнажил системные ограничения ее развития и вместе с тем показал сильные стороны, к которым можно причислить относительную управляемость и устойчивость народно-хозяйственной системы, приобретенную в ходе многолетней политики импортозамещения; снижение зависимости от сырьевого сектора, стремление к сохранению уровня занятости. Все это, а также активная роль государства в регулировании кризисных пертурбаций помогли российской экономике пережить эпидемиологические ограничения существенно лучше, чем большинству крупных стран и миру в среднем. К важнейшим направлениям действий, ставящих целью сохранение экономики, следует отнести комплекс мер по поддержке населения и регионов. Помимо этого, Правительство РФ предпринимало шаги для снижения административной нагрузки и непроизводительных издержек бизнеса, в особенности это касалось наиболее пострадавших отраслей народного хозяйства. Вместе с тем как в стране в целом, так и на отдельных ее территориях наблюдалось снижение широкого круга важнейших экономических индикаторов, что может оказать существенное влияние на их дальнейшее развитие.

Анализ развития экономики СЗФО в 2020 г. позволяет сделать следующие выводы.

1. Ключевыми тенденциями на стадии производства валового продукта в СЗФО стали резкий спад в добыче полезных ископаемых и инвестиционном машиностроении, переориентация бизнеса на производство товаров менее глубокой переработки, а также возрастание дисбаланса на рынке труда. Промышленность в целом понесла незначительный ущерб, но при этом изменился характер ее отраслевого выпуска. Спад потребления энергоресурсов в стране и мире привел к снижению цен на них, и под влиянием этого фактора крупнейшие добывающие регионы округа существенно сократили добычу нефти и газа. Помимо инвестиционных и энергосырьевых пострадали отрасли, производящие конечную продукцию, в частности одежду и мебель. Аграрный сектор СЗФО продемонстрировал положительную динамику в отраслях своей специализации – животноводстве, рыболовстве и рыбоводстве. В производстве лесоматериалов также зафиксированы позитивные изменения.

2. На стадии образования доходов в экономике зафиксированы негативные изменения. Так как снижение доходов населения влечет за собой изменение структуры потребления, спад в доходах бизнеса в первую очередь сказывается на объеме инвестиций (поскольку из-за чрезмерно высокой цены кредита основным их источником являются собственные средства организаций). На этом фоне умеренный рост доходов государства выглядит временным явлением, еще не испытавшим последствий снижения налоговой базы. Несмотря на рост заработных плат и пенсий, среднедушевые доходы населения в СЗФО в 2020 г. снизились, что свидетельствует о спаде в других источниках доходов – предпринимательских, доходов от собственности и пр. Оказало влияние на этот показатель и нарастание напряженности на рынке труда. Возросшая непредсказуемость рыночной конъюнктуры в совокупности со снижением доходов населения привела к уменьшению доли прибыльных предприятий. Суммарный сальдированный финансовый результат предприятий СЗФО увеличился, однако этот рост не коснулся большинства регионов округа. Важнейшим фактором стабилизации бюджета регионов СЗФО стали безвозмездные поступления из вышестоящих бюджетов. Вероятно, в ближайшее время ситуация не изменится, поскольку в структуре расходов приоритет был смещен

на поддержку отраслей, эффект от которой будет ощутим уже в краткосрочной перспективе.

3. Следствием снижения доходов экономических агентов СЗФО стало существенное ухудшение показателей на стадии конечного использования доходов. Снизились объемы конечного потребления, инвестированных средств, экспорта и импорта. После резкого скачка спроса на ряд видов потребительской продукции во II квартале широкий круг домохозяйств СЗФО перешел в режим усиленной экономии. Самый серьезный ущерб пандемия нанесла сектору услуг. Больше всего на спад в этой сфере повлиял режим карантинных ограничений. Замедлился также ввод жилых домов. При этом по итогам 2020 г. СЗФО испытал наименьшее снижение оборота розничной торговли среди остальных регионов. Одним из важнейших негативных последствий 2020 г. для СЗФО стало сжатие инвестиционного спроса. При этом объем инвестиций в основной капитал снизился незначительно, во многом благодаря активному развертыванию производств, продукция которых направлена на борьбу с пандемией. Среди барьеров развития в этой сфере ключевым по-прежнему остается узость внутреннего рынка, в 2020 г. усиленная снижением доходов населения. Ощутимым для потенциальных инвесторов стало и падение прибыли, которая является основным источником капиталовложений. Замедление в этой сфере не могло не сказаться на строительстве, объемы которого резко сократились, что отчасти связано с введенными во II квартале ограничениями и оттоком трудовых мигрантов. Важным фактором негативной динамики развития экономики СЗФО в 2020 г. стало существенное сокращение экспорта, причиной которого послужило снижение цен на энергоресурсы в мире. Объемы импорта также сократились, поскольку для СЗФО экспорт является важным источником ресурсов для закупок импортного оборудования.

4. Для преодоления сложившейся кризисной ситуации органы власти как на федеральном, так и на региональном уровне реализуют комплекс мероприятий, направленных на устранение негативных факторов развития экономики, однако их влияние по-прежнему недостаточное. Прежде всего не хватает мероприятий, направленных на устранение острого дефицита финансовых ресурсов в промышленном секторе экономики. Во многом такое положение обусловлено высокими ценами на средства производства, недостатком собственных и низкой доступностью заемных денеж-

ных ресурсов. Результатом сложившейся ситуации в экономике регионов СЗФО оказывается медленное протекание процессов модернизации. Впоследствии в среднесрочной перспективе это может привести как к снижению и без того низкой конкурентоспособности многих (особенно малых) промышленных предприятий округа, так и к деградации некоторых отраслей промышленности. В целях ускорения восстановительного роста и преодоления кризисных явлений важными видятся поддержка доходов населения и активизация усилий по вопросу разрешения кадрового дисбаланса, освоение и поддержка производств продукции глубокой переработки в ключевых отраслях экономики, а также конечной продукции потребительского назначения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина И. В., Полынев А. О., Шкуропат А. В. Социально-экономическое положение регионов России в 2020 г.: методология и результаты ежемесячного мониторинга // ЭКО. 2021. № 51 (7). С. 111–128.
2. Гришина И. В., Полынев А. О. Социально-экономическое положение российских регионов: методические подходы и результаты комплексной оценки // Современные производительные силы. 2012. № 10. С. 34–48.
3. Уральский федеральный округ: полгода в условиях пандемии / под общ. ред. д-ра экон. наук Ю. Г. Лавриковой; Институт экономики УрО РАН. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2020. 86 с.
4. Уральский федеральный округ: кризис и устойчивость в 2020 году / под общ. ред. д-ра экон. наук Ю. Г. Лавриковой; Институт экономики УрО РАН. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2021. 115 с.
5. Сидоров М. А. Мониторинг экономики: итоги 2020 года // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25, № 2. С. 128–139.
6. Методологические положения по статистике. Вып. 2 / Госкомстат России. М., 1998. 244 с.
7. Тетрадь 6. Доходы и благосостояние населения в условиях кризиса / ЦМАКП // Тринадцать тезисов об экономике: 2020 год. Итоги. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2021/6_132021.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
8. Кувалин Д. Б., Зинченко Ю. В., Лавриненко П. А. Российские предприятия осенью 2020 года: деятельность в условиях пандемии COVID-19 и взгляды на переход к наилучшим доступным технологиям (НДТ) // Проблемы прогнозирования. 2021. № 3. С. 145–158.

REFERENCES

1. **Grishina I. V., Polynev A. O., Shkuropat A. V.** Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie regionov Rossii v 2020 g.: metodologiya i rezul'taty ezhemesyachnogo monitoring. EKO. 2021;(51(7)):111–128. (In Russ.).
2. **Grishina I. V., Polynev A. O.** Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie rossiiskikh regionov: metodicheskie podkhody i rezul'taty kompleksnoi otsenki. Sovremennye proizvoditel'nye sily. 2012;(10):34–48. (In Russ.).
3. Ural'skii federal'nyi okrug: polgoda v usloviyakh pandemii / pod obshch. red. d-ra ekon. nauk Yu. G. Lavrikovoi; Institut ekonomiki UrO RAN. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2020. 86 s. (In Russ.).
4. Ural'skii federal'nyi okrug: krizis i ustoychivost' v 2020 godu / pod obshch. red. d-ra ekon. nauk Yu. G. Lavrikovoi; Institut ekonomiki UrO RAN. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2021. 115 s. (In Russ.).
5. **Sidorov M. A.** Monitoring ekonomiki: itogi 2020 goda. Problemy razvitiya territorii. 2021;(25(2)):128–139. (In Russ.).
6. Metodologicheskie polozheniya po statistike. Vyp. 2 / Goskomstat Rossii. M., 1998. 244 s. (In Russ.).
7. Tetrad' 6. Dokhody i blagosostoyanie naseleniya v usloviyakh krizisa / TsMAKP. Trinadtsat' tezisov ob ekonomike: 2020 god. Itogi. Available at: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2021/6_132021.pdf (accessed: 01.10.2021).
8. **Kuvalin D. B., Zinchenko Yu. V., Lavrinenko P. A.** Rossiiskie predpriyatiya osen'yu 2020 goda: deyatel'nost' v usloviyakh pandemii COVID-19 i vzglyady na perekhod k nailuchshim dostupnym tekhnologiyam (NDT). Problemy prognozirovaniya. 2021;(3):145–158. (In Russ.).

Владимир Валентинович Окрепилов

доктор экономических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель
Институт проблем региональной экономики РАН
Санкт-Петербург, Россия

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭКОНОМИКИ КАЧЕСТВА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация. Рассматриваются вопросы применения основных элементов экономики качества для улучшения планирования развития территорий. Обосновывается необходимость этого шага, раскрывается значение стандартизации, метрологии и управления качеством в системе стратегического и текущего планирования.

Ключевые слова: качество планирования, устойчивое развитие, экономика качества, стандартизация, метрология, управление качеством.

Vladimir V. Okrepilov

Grand PhD in Economic Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences
Scientific Adviser of the IRES Russian Academy of Sciences
Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

COMPONENTS OF THE ECONOMICS OF QUALITY AS A FACTOR OF INCREASING THE QUALITY OF PLANNING FOR THE DEVELOPMENT OF A TERRITORY

Abstract. The article overviews the issues of application of the main elements of the economics of quality to improve planning of the development of territories. The necessity of this step is substantiated, the importance of standardization, metrology and quality management in the system of strategic and current planning is revealed.

Keywords: quality of planning, sustainable development, quality of economics, standardization, metrology, quality management.

Переход человечества к устойчивому развитию – объективный и неизбежный процесс, связанный с осознанием того, что именно на этом пути возможно успешное решение ключевой проблемы нашего времени – постоянное и системное повышение качества жизни людей.

Страны и территории с устойчивым развитием инвестиционно привлекательны, так как инвестор получает твердую гарантию окупаемости вложенных средств. В России в рейтинге инвестиционной привлекательности регионов по итогам 2020 г., подготовленном Агентством стратегических инициатив совместно с Торгово-промышленной палатой РФ, Российским союзом промышленников и предпринимателей и другими деловыми объединениями, в числе лидеров находятся Москва, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край, Белгородская область [1].

Примечательно, что эти же регионы возглавляют рейтинг регионов России по качеству жизни, представленный в начале 2021 г. РИА «Новости» [2]. Очевидно, что эти территории имеют больше возможностей для повышения качества жизни населения, привлекая не только инвестиции, но и необходимых специалистов для обеспечения устойчивого развития.

Кроме инвестиционной привлекательности региона, в числе факторов, способствующих устойчивому развитию, находится и повышение качества управления, в том числе повышение качества планирования. Для этого любой программный документ должен быть не только хорошо подготовлен и обоснован, он должен включать программы развития по всем составляющим устойчивого развития. Иными словами, программа развития того или иного региона должна предусматривать одновременное разви-

тие как промышленности (обеспечивающей экономический рост), так и социальной сферы. Разумеется, все это должно сопровождаться снижением нагрузки на окружающую среду, т. е. заботой об экологической составляющей. Для иллюстрации можно привести опыт Германии, где развитие промышленного производства сопровождается как высоким уровнем социальной защиты, так и одним из самых строгих в Европе экологических законодательств.

Примером сбалансированного решения экономических, социальных и экологических задач является Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года. Система целей Стратегии 2035 представлена на рис. 1. Генеральная ее цель – повышение качества жизни людей. Для ее достижения в документе определены четыре стратегических направления:

- развитие человеческого капитала (осуществляемое в том числе через развитие социальной составляющей);
- повышение качества городской среды (в том числе экологии);
- обеспечение устойчивого экономического роста;
- обеспечение эффективности управления и развитие гражданского общества.

Работу над Стратегией возглавил Экономический совет при Губернаторе Санкт-Петербурга. Были привлечены известные ученые-экономисты, представители предприятий, органов го-

сударственной власти. Объединение усилий позволило в максимальной степени учесть интересы всех заинтересованных сторон.

Работа над этим важным документом также показала, что применение составляющих экономики качества – стандартизации, метрологии, управления качеством – повышает эффективность и качество планирования. Об этом также свидетельствует многолетний опыт их применения на уровне предприятий и отраслей.

Стандартизация

Стандарты способствуют установлению единого (т. е. принятого всеми) понимания проблемы и способов ее решения, и в этом их неоспоримое преимущество. Применение стандартов обеспечивает единое понимание смысла и задач развития, что позволяет гарантировать повышение качества планирования развития территории. Принятие управленческих решений на основе единого подхода существенно снизит риск ошибок.

Документы по стандартизации являются и продуктом, и инструментом. Они разрабатываются на основе консенсуса, учитывают мнения всех заинтересованных сторон, которые ориентированы на существующие потребности общества. Но разработка стандартов зависит от возможностей общества, т. е. от уровня развития науки и знаний. Таким образом, стандарты являются продуктом общества (рис. 2).

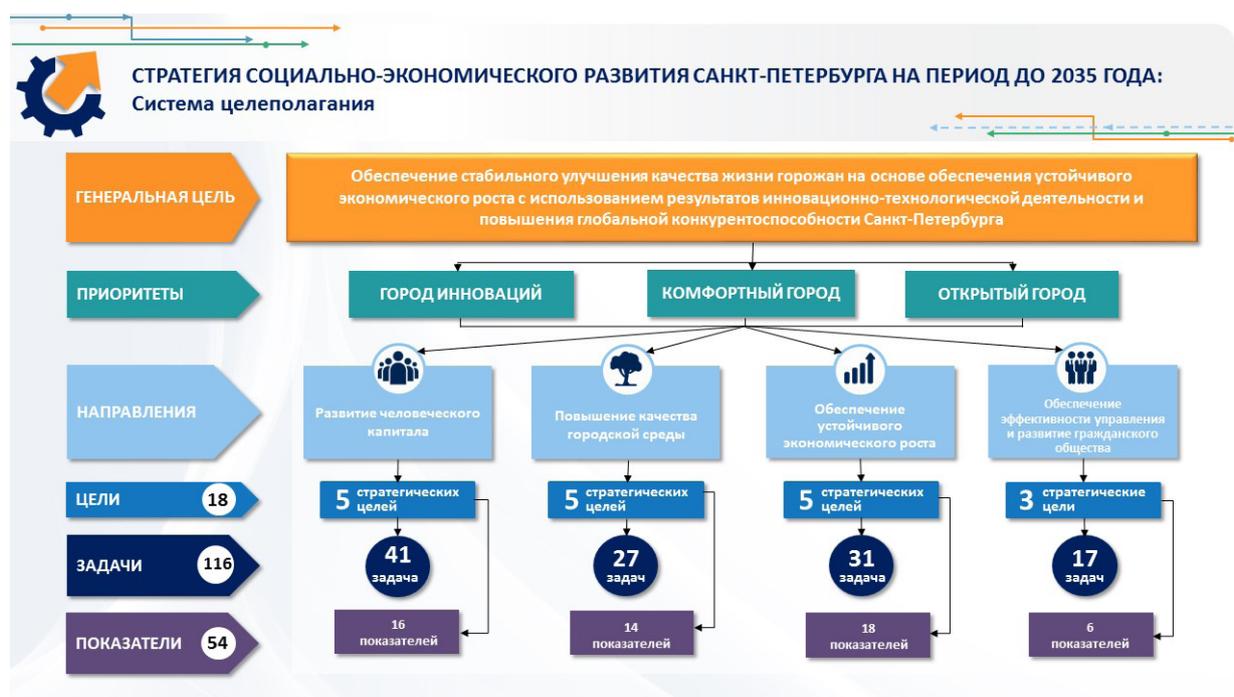

Рис. 1. Система целей Стратегии 2035 [3]

Рис. 2. Взаимосвязь стандартизации и общества

Но при этом стандарты воздействуют на общество, способствуя повышению качества жизни, они вызывают появление новых потребностей. Иными словами, стандарты служат также инструментом развития общества.

К настоящему времени Международной организацией по стандартизации опубликовано более 22 тыс. стандартов и иных документов, призванных обеспечить достижение целей устойчивого развития, цели и принципы которого сегодня должны стать «отправной точкой» любого планирования развития территории.

Что же касается механизма разработки стандартов, то одной из эффективных форм сотрудничества представителей государства, профессионального и бизнес-сообщества, экспертов и общества в целом при проведении работ в области стандартизации являются технические комите-

ты (ТК). В работе того или иного ТК могут принять участие все заинтересованные стороны. ТК, по сути, и является тем местом, где на консенсусной основе вырабатываются нормативно-технические документы, необходимые для развития той или иной отрасли или сегмента рынка.

Разработкой стандартов в области устойчивого развития занимается созданный в 2012 г. международный ТК ISO/TC 268 «Устойчивые города и сообщества» (до 13.06.2016 г. называвшийся «Устойчивое развитие сообществ»). Основная задача ТК – разработка требований, структур, руководящих указаний, поддерживающих методов и инструментов, связанных с достижением устойчивого развития с учетом интеллектуальности и адаптивности (рис. 3). Эти документы способствуют развитию и реализации целостных и комплексных подходов к устойчивому развитию и устойчивости.

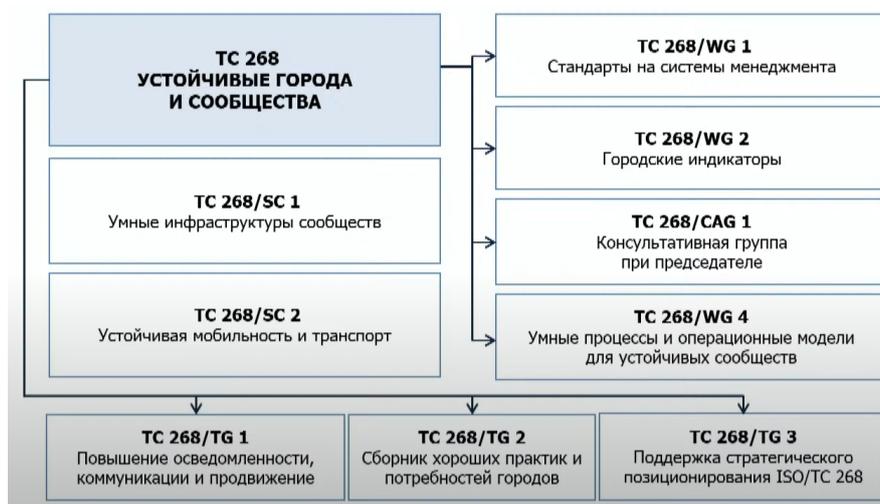

Рис. 3. Структура ТК 268 ИСО

Применяя в своей деятельности принципы менеджмента качества, ТК активно взаимодействуют со всеми заинтересованными сторонами. В частности, ТК 268 сотрудни-

чает с другими техническими комитетами ИСО и организациями, активно формирующими условия устойчивого развития (рис. 4).

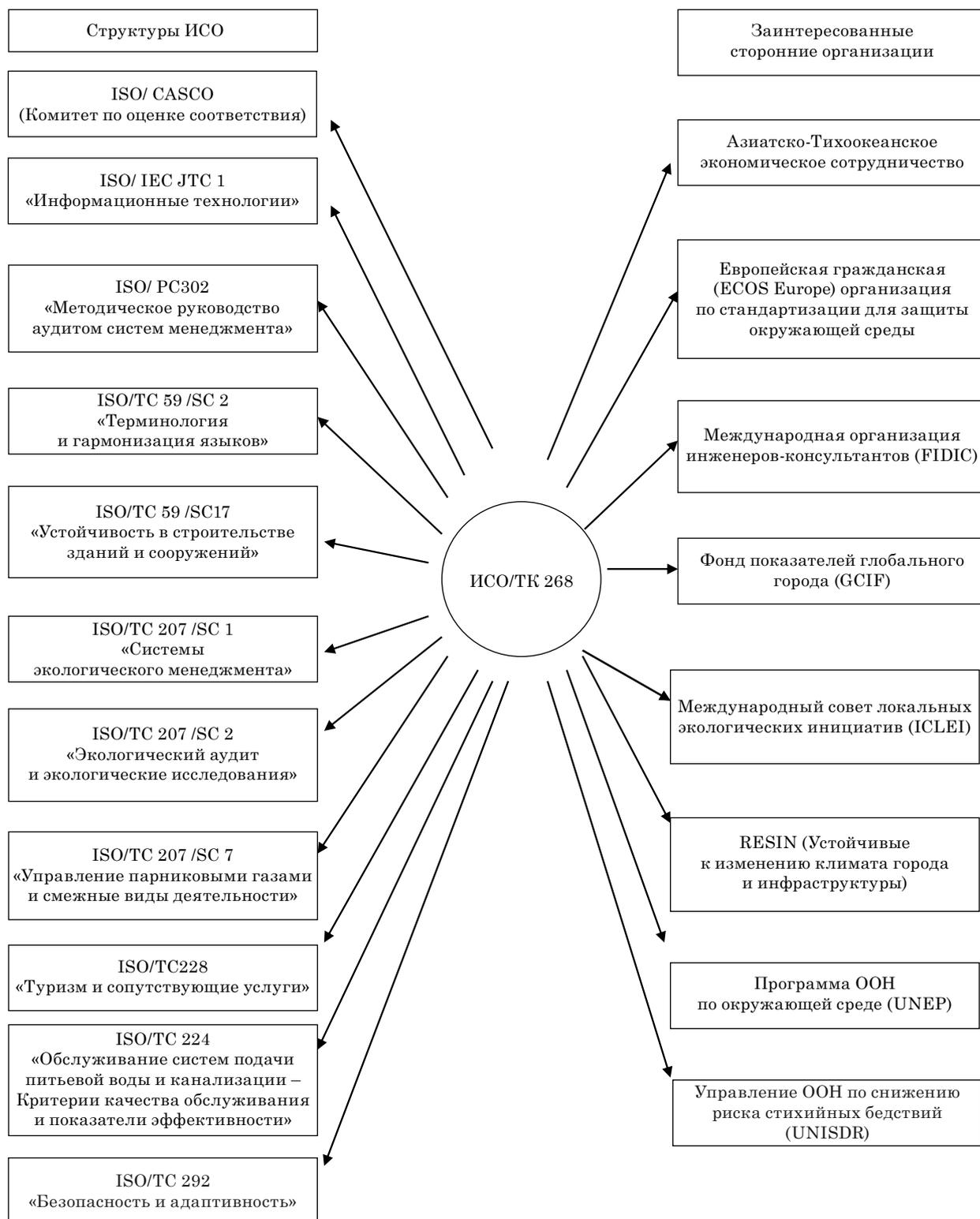

Рис. 4. Партнеры ТК 268

В России для этих целей создан национальный ТК 115 (рис. 5), «зеркальный» по отношению к ТК ИСО 268, т. е. его задачи аналогичны. Цель работы ТК 115 – создание экспертной площадки, позволяющей объединить усилия по совершенствованию работ в области стандартизации для устойчивого научно-технологического и социально-экономического развития.

При помощи стандартов, разрабатываемых ТК, можно осуществлять планирование, взяв в качестве исходной точки положения устойчивого развития.

Единый подход к управлению устойчивым развитием территорий сформирован в стандарте ГОСТ Р ИСО 37101–2018 «Устойчивое развитие в сообществах. Система менеджмента. Общие принципы и требования». Этот стандарт имеет ярко выраженную инновационную составляющую, так как ориентирован на управление в интеллектуальном или «умном» городе. Можно выделить 6 целей, установленных данным стандартом, которые могут стать основой планов и программ развития территорий. Их достижение означает, что сообщество имеет положительный имидж, инвестиционно привлекательно, в нем ведется активная работа по сохранению окружающей среды, оно устойчиво к стихийным бедствиям, разумно потребляет ресурсы, в нем налажен общественный диалог и обеспечено благосостояние граждан. Предлагается и необходимое условие достижения этих целей – решение 12 задач, соответствующих направлениям развития сообщества. Задачи (или направления) касаются практически всех сторон деятельности сообщества, в том числе вовлечения граждан в процесс управления, развития образования, здравоохранения, культуры, социального взаимодействия, инфраструктуры со-

общества, транспорта, повышения инновационной активности, безопасности, экономического роста, охраны природы.

Стандартизация способствует установлению единого подхода при сборе, обработке и представлении информации. Например, при помощи набора показателей, установленных в ГОСТ Р ИСО 37120–15 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни», можно произвести количественную оценку состояния городской территории.

Стандарт ГОСТ Р ИСО 37120–15 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни» устанавливает методы применения набора показателей (100 показателей, распределенных по 17 группам) для управления и измерения эффективности городских услуг и качества жизни. Он распространяется на любой город, муниципальный округ или органы местного самоуправления, которые обязуются измерять свою эффективность сопоставимым и поддающимся контролю способом независимо от размеров и местоположения.

Практика применения стандарта ГОСТ Р ИСО 37120–15 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни» ограничена, так как список его показателей не вполне отвечает требованию адекватности. В категории «Экономический рост» представлены 14 индикаторов, в категории «Социальное развитие» – 51, в категории «Экологическое развитие» – 27 индикаторов. Налицо явный перекосяк. Количество критериев в категории «Социальное развитие» в разы превышает количество критериев в категории «Экономическое развитие». Кроме того, 6 показателей составляют отдельную категорию

Рис. 5. Структура ТК 115

«Институциональное развитие», которая формально не входит в составляющие устойчивого развития.

Тем не менее стандарт ГОСТ Р ИСО 37120–15 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни» дает возможность не только формализовать исходную ситуацию, но и описать цели развития. Ведь в таком случае возможно осуществлять планирование на основе установления целевых показателей, которые могут наглядно отображать и приоритеты развития города, так как предполагается, что информация будет собираться в первую очередь именно по ним.

Метрология

Роль метрологии в планировании и реализации различных направлений развития территорий сегодня объективно возрастает. Это связано со стремительным увеличением параметров развития городов, по которым необходимо получать точную и регулярную информацию в результате объективных измерений. Особенно важен такой подход при реализации инновационного направления «Умный город». В Петербурге это направление является составной частью Стратегии экономического и социального развития города на период до 2035 года, которое среди основных задач включает цифровую трансформацию всех городских служб и коммуникаций.

При помощи метрологии мы имеем возможность измерять планируемые показатели развития территории по единым методикам. Для измерения показателей, характеризу-

ющих состояние города, в стандарте ГОСТ Р ИСО 37120–15 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни» предложен набор самых разных показателей: от физических (концентрация вредных веществ в воздухе) до социально-экономических (обеспеченность жильем, уровень безработицы). В связи с этим требуются и разные методы измерений: от снятия показаний станций контроля воздуха до сбора статистической информации. Большое значение при этом имеют их сопоставимость и единый подход к проведению измерений.

Важнейшим показателем развития отечественной метрологии служит тот факт, что по количеству позиций, включенных в базу данных Международного бюро мер и весов и характеризующих признанные мировым метрологическим сообществом измерительные и калибровочные возможности (СМС), Российская Федерация в 2020 г. вышла на первое место в мире, опередив Китай, США, Германию и другие страны (рис. 6).

Нарастающая цифровизация не может не оказывать влияния на развитие метрологии, ибо информация, в том числе измерения, как раз и является основой новой экономики. Несомненно, вскоре мы станем свидетелями создания цифровых «двойников» объектов управления, т. е. их цифровых моделей. Первые шаги в этом направлении уже предпринимаются. Например, экономисты и программисты из восьми научно-исследовательских центров в Италии, Франции, Германии, Великобритании и Турции вовлечены в проект по разработке крупномасштабной модели европейской экономики.

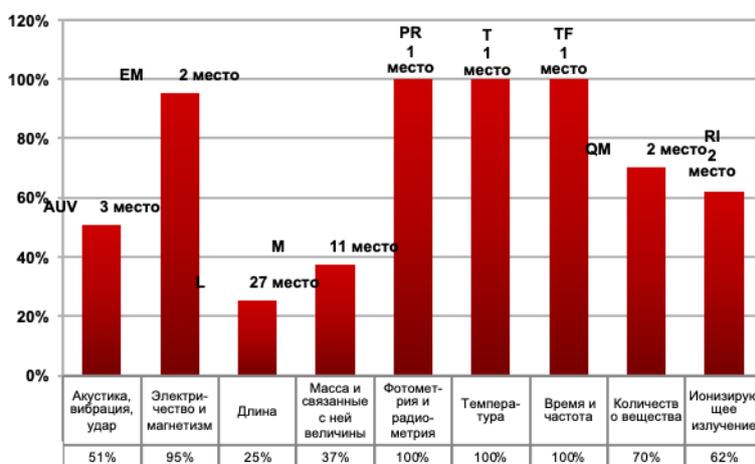

Рис. 6. Современное состояние калибровочных и измерительных возможностей национальных метрологических институтов России в сравнении с национальными метрологическими институтами ведущих стран мира

Специалисты Университета им. Иоганна Кеплера (Линц, Австрия), Лондонского университета, Высшей технической школы в Ингольштадте (Германия) совместно с Университетом Бахри (Исламабад, Пакистан) проводят исследования в области моделирования городской мобильности. В Китае в Национальном суперкомпьютерном центре в г. Гуанчжоу разрабатывается симулятор для прогнозирования социально-экономической динамики. Схожие работы проводятся в Индии в Национальном технологическом институте (г. Дургапур) и в Джадавпурском университете (г. Калькутта).

Создание цифровых моделей управления в России имеет многолетний опыт. В Санкт-Петербурге ведутся работы по созданию цифрового профиля города. Это составляющая комплексной системы управления Санкт-Петербурга, которая позволяет инвентаризировать объекты управления и предоставлять необходимую информацию об их состоянии в режиме онлайн. Иными словами, Цифровой профиль города позволяет отслеживать состояние объектов управления и делать прогнозы о том, как это состояние может измениться в результате внутренних возмущений или внешних воздействий [4].

Введение цифровых моделей территории в практику планирования как основы для социально-экономического моделирования значительно расширит возможности прогнозирования и создания сценариев развития, позволит гораздо быстрее выявлять неблагоприятные тенденции развития. На практике это создает условия для перехода от «кризисного» планирования (исправления уже свершившихся ошибок) к профилактическому, превентивному, нацеленному на раннее устранение «узких» мест.

Управление качеством

Управление качеством как элемент экономики качества ориентировано на вопросы методов управления. Проще говоря, на то, каким способом мы будем принимать решения на основе полученной информации. Основу принятия решений (в том числе по планированию) составляет системный подход к управлению.

Системный подход в управлении качеством реализуется через внедрение систем менеджмента качества, в том числе в органах государственной власти, которые в большинстве случаев решают задачи планирования в привязке к определенной территории. Она рас-

сматривается как единая система, в которой действует множество влияющих друг на друга факторов. Исходя из всей совокупности социальных, экономических, хозяйственных связей, анализируются состояние экономики региона, уровень социальной защиты, безопасность, климатические условия и т. д.

Отечественная и зарубежная практика такой деятельности показала рост ее эффективности. Например, системы менеджмента качества внедрены в большинстве муниципалитетов США. А для стимулирования их внедрения действует, начиная с 1988 г., специальная ежегодная Президентская программа премирования за достижения в области качества (President's Quality Award Program), которая вручается наиболее эффективным организациям Федерального правительства. В Польше системы менеджмента качества в органах власти активно внедряются с 1999 г. Исследования, проведенные в Израиле, показали, что при условии внедрения СМК все сотрудники органов местного управления, занимающие выборные должности, как правило, избираются на следующий срок.

По результатам оценки, проведенной STAMEQ (национальным органом по стандартизации Вьетнама), в результате внедрения систем менеджмента в соответствии с международным стандартом 9001 (национальным стандартом TCVN ISO 9001) ключевые преимущества наблюдаются почти в 91,0% министерствах и 98,4% регионах. Отмечена и эффективная поддержка административной реформы государственных органов. В условиях создания во Вьетнаме системы электронного правительства и дальнейшей оцифровки государственных административных процессов и процедур это имеет особенно большое значение [6].

На территории Российской Федерации также есть много примеров успешного применения систем управления качеством на региональном и федеральном уровне. Это администрация г. Шахты Ростовской области, органы исполнительной власти Чувашской республики, Ярославской области, Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральная антимонопольная служба (ФАС).

При внедрении системы менеджмента качества в ФАС были решены следующие задачи:

- актуализированы политика в области качества, кадровая политика;
- проведены экспертиза и актуализация целей, задач, показателей деятельности ФАС России;
- актуализированы описания процессов исполнения функций, взаимосвязи процессов;

- выявлены лишние и недостающие звенья в системе процессов исполнения функций;
- усовершенствована система оценки результативности структурных подразделений;
- усовершенствована система внутреннего аудита деятельности службы;
- проводятся ежегодные опросы заявителей о качестве оказываемых услуг и уровне коррупции;
- проведены мероприятия в сфере развития внутренних и внешних коммуникаций.

Внедрение требований стандарта ИСО 9001 в ФАС позволило:

- встроить в ФАС России систему управления качеством государственных услуг;
- создать условия для постоянного развития и улучшения системы менеджмента качества;
- обеспечить ориентацию ведомства на требования потребителей государственных услуг;
- повысить стимулы сотрудников ФАС России и гарантировать высокое качество оказываемых услуг.

Отметим также необходимость подготовки и переподготовки кадров для успешного внедрения систем менеджмента качества в органах власти и образовательных, научных и производственных организациях. Такая практика, например, сложилась в деятельности Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга. Ежегодно в соответствии с государственной программой «Экономика знаний в Санкт-Петербурге» на основе конкурсного отбора его победители направляются на обучение по программе «Разработка и сертификация систем менеджмента качества на базе стандартов ИСО серии 9000». В 2021 г. такое обучение пройдут 50 представителей из 32 ведущих вузов и научных организаций города. Тем самым формируется и ежегодно пополняется база специалистов, обладающих углубленными знаниями в сфере управления качеством.

Таким образом, обширная теоретико-методологическая база экономики качества дает основания утверждать, что метрология, стандартизация и управление качеством и далее могут успешно применяться в целях повышения качества планирования развития территории.

Особое внимание в повышении качества планирования развития территории стоит уделить человеческому фактору. Человек является центральным элементом любой экономической системы. Именно его потребности, требующие удовлетворения, «запускают мотор» экономики, а расширение и возрастание потребностей – одна из движущих сил разви-

тия. Учет присутствия человека в модели, возможных последствий его деятельности и взаимодействий придает разрабатываемым экономическим прогнозам и моделям вероятностный характер.

В обществе сформирован запрос на государственное управление и государственное планирование высокого качества, которое должно стать мощным позитивным фактором. Как заявил Президент РФ Владимир Путин на встрече с выпускниками третьего потока программы развития кадрового управленческого резерва Высшей школы государственного управления РАНХиГС, «главное качество для любого управленца – умение слышать людей, чувствовать и понимать проблемы страны и ее граждан» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Смирнов Е.** Рейтинг регионов по инвестиционной привлекательности // Delen.ru: онлайн-журнал для малого и среднего бизнеса России. URL: <https://delen.ru/investicii/rejting-regionov-po-investicionnoj-privlekatelnosti.html> (дата обращения: 15.11.2021).
2. **Данилов Д.** Рейтинг регионов России по качеству жизни 2021. URL: <https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html> (дата обращения: 15.11.2021).
3. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года // Администрация Санкт-Петербурга: офиц. сайт. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/ (дата обращения: 15.11.2021).
4. **Окрепилов В. В., Чудиновских И. В.** Процесс цифровизации Санкт-Петербурга как социально-экономической системы // Цифровизация экономических систем: теория и практика: монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 251–273.
5. **Лару Д.** Годное обучение: Президент оценил подготовку управленцев в РФ // Известия. 2020. 20 авг.
6. Международная организация по стандартизации: офиц. сайт. URL: <https://www.iso.org/> (дата обращения: 15.11.2021).

REFERENCES

1. **Smirnov E.** Reiting regionov po investitsionnoi privlekatelnosti. Delen.ru: onlain-zhurnal dlya malogo i srednego biznesa Rossii. Available at: <https://delen.ru/investicii/rejting-regionov-po-investicionnoj-privlekatelnosti.html> (accessed: 15.11.2021).

2. **Danilov D.** Reiting regionov Rossii po kachestvu zhizni 2021. Available at: <https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html> (accessed: 15.11.2021).
3. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sankt Peterburga do 2035 goda. Administratsiya Sankt-Peterburga: ofits. sait. Available at: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/ (accessed: 15.11.2021).
4. **Okrepilov V. V., Chudinovskikh I. V.** Protsess tsifrovizatsii Sankt-Peterburga kak sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy. Tsifrovizatsiya ekonomicheskikh sistem: teoriya i praktika: monografiya / pod red. d-ra ekon. nauk, prof. A. V. Babkina. SPb.: POLITEKH-PRESS, 2020:251–273. (In Russ.).
5. **Laru D.** Godnoe obuchenie: Prezident otsenil podgotovku upravlentsev v RF. Izvestiya. 2020. 20 avg. (In Russ.).
6. Mezhdunarodnaya organizatsiya po standartizatsii: ofits. sait. Available at: <https://www.iso.org/> (accessed: 15.11.2021).

УДК 330.59(470.23–25)

DOI: 10.52897/2411-4588-2021-3-61-69

Наталья Львовна Гагулина

кандидат физико-математических наук, доцент
Институт проблем региональной экономики РАН
Санкт-Петербург, Россия

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация. Проблема оценки качества жизни – одна из самых актуальных и масштабных проблем современности, решение которой вызывает интерес у населения, общественности, властей и бизнес-сообщества и является предметом дискуссий на самых разных уровнях экономики. Известно много рейтингов, в которых Санкт-Петербург занимает ведущие позиции по качеству жизни среди регионов Российской Федерации и сопоставим по данному показателю с лучшими городами мира. Однако рейтингов, нацеленных на оценку качества жизни по районам Санкт-Петербурга, мало, они не отличаются точностью оценок и не систематизированы. Для того чтобы более предметно подойти к моделированию оценки качества жизни населения Санкт-Петербурга, автор задается вопросом «Что молодое поколение петербуржцев понимает под качеством жизни?» Ответы, полученные с применением методов экспертной оценки, заставили сделать попытку оценить показатель качества жизни в разрезе районов города.

Методологическую базу исследования составил общенаучный философский подход с применением методов междисциплинарного исследования, таких как моделирование, методы системного анализа и др. Моделирование оценки качества жизни проведено с применением методов эконометрического анализа данных, а также методики оценки качества жизни, разработанной в Институте проблем региональной экономики РАН. Информационная база исследования – электронные ресурсы Росстата, содержащие официальную статистическую информацию об основных показателях, характеризующих качество жизни субъектов РФ.

По итогам исследования автор приходит к выводу, что условием достижения лучшего качества жизни является четкое понимание его сути и текущего состояния. Результаты моделирования оценки качества жизни в пределах районов Санкт-Петербурга дают основание считать, что между городскими районами дифференциация по данному показателю незначительная, а качество жизни устойчиво возрастает. Для выявления путей повышения качества жизни в отдельно взятых районах необходимо более детальное исследование, направленное на выявление особенностей их экономики и управления.

Ключевые слова: качество жизни, экономика региона, модель, показатель, экономика качества.

Natalya L. Gagulina

PhD in Physico-Mathematical Sciences, Associate Professor
Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

MODELING AN ASSESSMENT OF QUALITY OF LIFE OF SAINT PETERSBURG POPULATION

Abstract. The problem of assessment of the quality of life is one of the most important and major problems of modernity. Solving this problem concerns population, public, authorities and business communities. Moreover, it is a subject for discussion on the different levels of economy. There are a lot of ratings in which Saint Petersburg takes leading places by quality of life among regions of Russian Federation criteria. It is necessary to compare this indicator with the best cities in the world. However, there are few ratings target an assessment of the quality of life in the regions of Russia and these ratings are not systematized and can be inaccurate. In order to more clearly approach the modeling an assessment of Saint Petersburg's quality of life, an author wonders: How do young people of Saint Petersburg city understand a term "quality of life"? The answers obtained with the use of the methods of expert evaluation, made an author to attempt to assess the quality of life indicator in the context of city regions.

The methodological basis of the research was made up of a general scientific philosophical approach using methods of interdisciplinary research, such as modeling, methods of system analysis, etc. Modeling quality of life assessment was carried out using methods of econometric data analysis, as well as a Methodology for assessing the quality of life developed at the Institute of Regional Economics of the Russian Academy of Sciences. The information base of the study was made up of Rosstat digital resources containing official statistical information on the main indicators characterizing the quality of life of the subjects of the Russian Federation.

Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that the condition for achieving a better quality of life is a clear understanding of its essence and current state. The results of modeling quality of life assessment within the regions of Saint Petersburg give reason to believe that there is little differentiation between urban areas according to this indicator, and

the quality of life is steadily increasing. In order to identify ways to improve the quality of life in individual regions, a more detailed study is needed to identify the features of their economy and management.

Keywords: quality of life, regional economy, model, indicator, quality economy.

Введение

Качество жизни – это оценочная категория, которая обобщенно характеризует параметры всех составляющих жизни человека – его потенциала, жизнедеятельности и условий жизнедеятельности – по отношению к стандарту или эталону, который выработан и институционализирован обществом и (или) существует в индивидуальном сознании человека [1]. Это социально-экономическая категория, представляющая обобщение понятия «уровень жизни», она включает не только уровень потребления материальных благ и услуг, но и удовлетворение духовных потребностей, здоровье, продолжительность жизни, условия среды, окружающей человека, морально-психологический климат, душевный комфорт [2].

В Санкт-Петербурге проживает более 5 млн чел., и для каждого из них важно качество жизни как совокупность условий жизнедеятельности [3]. Содержание понятия «качество жизни» очень емкое и при более детальном рассмотрении показывает высокий уровень субъективизма. Повышение качества жизни населения крайне важно для реализации социально-экономической политики города, ведь от этого зависят желание людей трудиться, отношение к власти, уровень преступности.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что качеством жизни населения обусловлены экономика и состояние внутренней политики государства в целом, мы можем указать на проблемы от лица жителей, а также предложить возможные пути их решения.

Цель данного исследования – поиск возможных проблемных областей качества жизни, их анализ и сопоставление. Будут задействованы эмпирические и теоретические методы познания, системный анализ и теоретико-методологический подход экономики качества.

Что современное поколение понимает под качеством жизни?

Несмотря на значительное количество определений понятия «качество жизни», единая дефиниция, которая была бы у всех на слуху, отсутствует. На то есть много причин: различия в содержании понятия, в подходах

к определению качества жизни и т. д., вплоть до мировоззренческой позиции. Это объяснимо: каждый человек хочет проживать свою жизнь качественно. Государство также заинтересовано в том, чтобы народ жил хорошо, поскольку от качества жизни населения зависят уровень развития экономики и отношение людей к власти. Достижение согласия по поводу определения качества жизни возможно при условии, что само это понятие имеет одинаковый смысл, не содержит разногласий между различными субъектами экономики.

Одна из проблем понятийного характера, на которую нам хотелось бы обратить внимание в данном исследовании, – различия в понимании качества жизни, которые могут существовать между поколениями, а также внутри одного и того же поколения. Для исследования данной проблемы был проведен опрос среди учеников выпускного класса. Обобщив и проанализировав полученные от респондентов ответы, можно заметить, что они отличаются большим разнообразием (табл. 1).

Анализ полученных ответов позволил выделить три основные особенности. Первая – степень конкретизации ответа на поставленный вопрос. Чем более развернутым является ответ, тем лучше прослеживается степень заинтересованности человека в том или ином вопросе. В нашем случае определить явную заинтересованность нам удалось лишь для 36% из общего числа респондентов.

Вторая особенность – трудности понятийного характера. Задавая вопрос о точке зрения на понятие «качество жизни», практически каждому второму респонденту приходилось дополнительно пояснять, что речь идет о характеристике качества как оценочной категории. Получается, около 45% опрошенных не имели точного понимания для этого определения. Ассоциации словосочетания «качество жизни» у них связаны лишь с высоким уровнем жизни, т. е. слово «качество» несет для них смысл словосочетания «качественная жизнь».

Мнения еще больше разнятся, если проанализировать ответы не с понятийной, а с содержательной точки зрения. Данная особенность позволяет разделить полученные от респондентов ответы на следующие группы:

1) качество жизни – показатель лишь материального мира (благ);

Таблица 1

Точки зрения на понятие «качество жизни»

№ п/п	Вариант ответа
1	Совокупность социально значимых критериев, показателей, таких как уровень бедности, средний доход на душу населения, границы разделения слоев населения, уровень цен, средний возраст граждан, уровень преступности, количество людей на единицу земли (плотность населения), количество безработных, количество граждан, которые относятся к незащищенным слоям населения, а также тех, кто относится к неблагополучным (лица, ведущие асоциальный образ жизни)
2	Уровень, который показывает, насколько ты хорошо или плохо живешь
3	Степень того, насколько человек чувствует себя гармонично с самим собой в обществе и природе
4	Показатель того, как мы живем, что мы едим; хорошее качество жизни – это когда у вас существует хороший стабильный заработок, стабильность, неизменность хороших условий, плохое качество жизни – перепады, взлеты и падения ваших условий
5	Проживание каждого дня с разным КПД
6	Зависимость/независимость от жизненных условий, уровень вашего благосостояния
7	Показатель общего благосостояния людей, их удовлетворенности
8	1. Продуктивность каждой части жизнедеятельности человека. 2. Степень удовлетворения материальных, социальных потребностей. 3. Уровень развития интеллекта, культуры, физической силы. 4. Степень обеспечения безопасности жизни. 5. Характеристика человека, выражающая уровень свободы, возможность развития, полноту культурных и духовных ценностей, здоровье, потребности, смысл жизни, стремление к счастью, экологически благополучная окружающая среда
9	Уровень обеспечения всем необходимым каждого человека, его личная удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью, из этого и следует выделить плохое качество жизни или хорошее. Чаще всего это напрямую зависит от личности, так как я верю, что сознание определяет бытие и тем самым мы получаем, что плохое качество жизни – это личный выбор. Есть, конечно, безвыходные ситуации, но я сейчас о тех, когда человек имеет власть над своей жизнью и собственно из этого и складываются возможности для обеспечения ее высокого уровня
10	Показатель, оценивающий жизненные факторы: еду, медицину, жилье, удобства, безопасность
11	Самореализация и ее доступность

2) качество жизни – показатель духовного, культурного и материального мира;

3) качество жизни – показатель общего уровня жизни (без акцентов на материальном или культурном развитии) (рис. 1).

По результатам анкетирования можно сделать выводы о том, что молодое поколение петербуржцев понимает под качеством жизни. Несомненно, положительный момент, что всего 18% из опрошенных отождествляют качество жизни с миром материальных благ. Большинство респондентов осознают всю глубину понятия и сводят его не только к общему уровню жизни, но соотносят его с духовным благополучием, учитывают в его содержании культурную составляющую. Некоторую настороженность вызывает тот факт, что заинтересованность в понимании качества жизни есть всего у трети опрошенных. Тогда как размышления на эту тему свидетельствуют и о позиционировании себя в этом мире, и о планах на ближайшее и отдаленное будущее, и, возможно, даже о желании сделать этот мир лучше. Получается, что значительная часть молодого поколения либо во-

Рис. 1. Смысловая нагрузка понятия «качество жизни» в ответах респондентов

обще не задумывается о качестве жизни, либо проявляет пассивность в этом вопросе. Возможно, причина состоит в размытости рассматриваемого понятия у респондентов. Практически половина из опрашиваемых не сразу поняла, что «качество жизни» нетождественно понятию «качественная жизнь», которое свидетельствует лишь о ее высоком материальном уровне.

Проведенное исследование позволило более предметно подойти к моделированию оценки качества жизни населения Санкт-Петербурга, заставило сделать попытку оценить показатель качества жизни в разрезе районов города.

Оценки качества жизни населения для районов Санкт-Петербурга

Основу оценки качества жизни населения составила Методика измерения качества жизни, которая разработана в Институте проблем региональной экономики РАН на концептуальной основе экономики качества под руководством академика РАН В. В. Окрепилова [4]. Придерживаясь определения, которое приведено во введении и согласно которому качество жизни – оценочная категория, которая обобщенно характеризует параметры всех составляющих жизни человека по отношению к эталону, выработанному и институционализированному обществом, будем также исходить из понимания качества жизни как важнейшего индикатора эффективности экономики региона.

Исходную базу моделирования составляет пространственная социально-экономическая система Санкт-Петербурга, которая рассматривается как совокупность районов города и представлена в заданный период времени: 2015–2019 гг.

В качестве основного инструмента оценки в модели выступает интегральный показатель качества жизни. Принципиальное значение для его расчета имеет формирование системы показателей, заложенных в основу расчета. Система целевых показателей для измерения качества жизни сформирована нами ранее на теоретико-методологической основе экономики качества, неоднократно была представлена вниманию научного сообщества на семинарах, которые проводит ИПРЭ РАН, а также в научных публикациях [например, 1]. Данная система дополнена несколькими показателями, которые позволяют детализировать социальную и экологическую составляющие в районах города:

- численность населения по районам на начало года, тыс. чел.;
- отпущено воды потребителям в расчете на одного жителя, м³;
- ввод в действие жилых домов, в расчете на одного жителя, общей площади м²;
- количество семей, состоящих на учете на получение жилья, получивших жилые поме-

щения и улучшивших жилищные условия, по районам;

- число приватизированных жилых помещений, ед.;
- среднемесячный размер социальной поддержки на одного пользователя, руб.;
- оборот розничной торговли на душу населения, тыс. руб.;
- объем платных услуг на душу населения, в том числе бытовых, руб.;
- объем инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения, тыс. руб.;
- число амбулаторно-поликлинических организаций, ед.;
- численность среднего медицинского персонала, на 10000 чел. населения;
- показатель суммарной загрязненности почвы (среднее значение);
- суммарный показатель загрязнения атмосферного воздуха ($K_{\text{сум}}$) по административным районам Санкт-Петербурга;
- выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников в расчете на одного жителя по районам, кг.

Система целевых показателей для измерения качества жизни в модели основана на использовании информации, представленной в базе данных российской государственной статистики, отчетах региональных служб, других статистических данных, полученных из официальных источников информации [5–9]. Статистические данные точны и объективны и, с точки зрения сопоставимости, представляют собой идеальный источник, однако современное состояние статистики ограничивает набор показателей, которые можно было бы использовать. В проведенном исследовании в качестве источника данных использовался электронный ресурс Росстата (<https://showdata.gks.ru/finder/>), содержащий официальную статистическую информацию об основных показателях, характеризующих качество жизни субъектов РФ. Информация из других источников (результаты выборочных обследований объектов статистического наблюдения и пр.) верифицирована с позиций официальной статистической методологии.

Для трансформации целевых единичных показателей в интегральный показатель качества жизни в модели проведена их стандартизация. Выборка единичных показателей содержит в ряду данных переменные, существенно превышающие остальные. Поэтому для сокращения разброса между значениями показателей применено логарифмирование их значений:

$$k_{i,j} = \frac{\log a_{ij} - \log a_{ij \min}}{\log a_{ij \max} - \log a_{ij \min}}, \quad (1)$$

$$k_{i,j} = 1 - \frac{\log a_{ij} - \log a_{ij \min}}{\log a_{ij \max} - \log a_{ij \min}}, \quad (2)$$

где a_{ij} – статистические значения показателей региона по годам; $i = 1, 2, \dots, n$ – число показателей; $j = 1, 2, \dots, m$ – число лет; $a_{ij \max}$ – наибольшие значения i -го показателя среди всех районов города за весь период; $a_{ij \min}$ – наименьшие значения i -го показателя среди всех районов города за весь период.

Для показателей, которые априори вносят положительный вклад в качество жизни, применялась формула (1), для отрицательно связанных с обобщающим показателем качества жизни показателей – формула (2). Для получения значений интегрального показателя качества жизни применена линейная модель:

$$k_{j \text{ инт}} = \sum_{i=1}^n k_{ij},$$

где k_{ij} – значения интегрального показателя района города по годам; $i = 1, 2, \dots, n$ – число показателей; $j = 1, 2, \dots, m$ – число лет.

Полученные результаты интегральных оценок моделирования качества жизни по районам Санкт-Петербурга по данным 2015 и 2019 гг. (рис. 2) позволяют сделать следующие выводы:

– качество жизни в Санкт-Петербурге в 2019 г. стало существенно выше по сравнению с таковым в 2015 г.;

– качество жизни в районах Санкт-Петербурга в 2015–2019 гг. изменялось неравномерно.

Хотя полученные значения показателя дифференцированы по районам несущественно, можно выделить районы, в которых наблюдались более высокие значения интегральных оценок качества жизни. В 2015 г. в первую тройку районов с наивысшими значениями оценок качества жизни населения вошли Калининский, Пушкинский и Фрунзенский, а в 2019 г. – Калининский, Выборгский, Красносельский (рис. 3).

Была сделана попытка применить простейшую методику сравнительного анализа – ранжирование районов на основе интегральных оценок качества жизни с последующим выделением нескольких групп с близкими величинами показателя. Для этого область изменения значений полученных интегральных оценок качества жизни мы приводим к шкале от 0 до 1 с разными коэффициентами:

1) высокое качество жизни, коэффициент приведения $0,8 \leq t_{ij} \leq 1,0$;

2) среднее качество жизни, коэффициент приведения $0,6 \leq t_{ij} \leq 0,79$;

3) невысокое качество жизни, коэффициент приведения $0 \leq t_{ij} \leq 0,59$.

Для вычисления границ интервалов выбираем наибольшее значение из полученных интегральных оценок качества жизни по всем

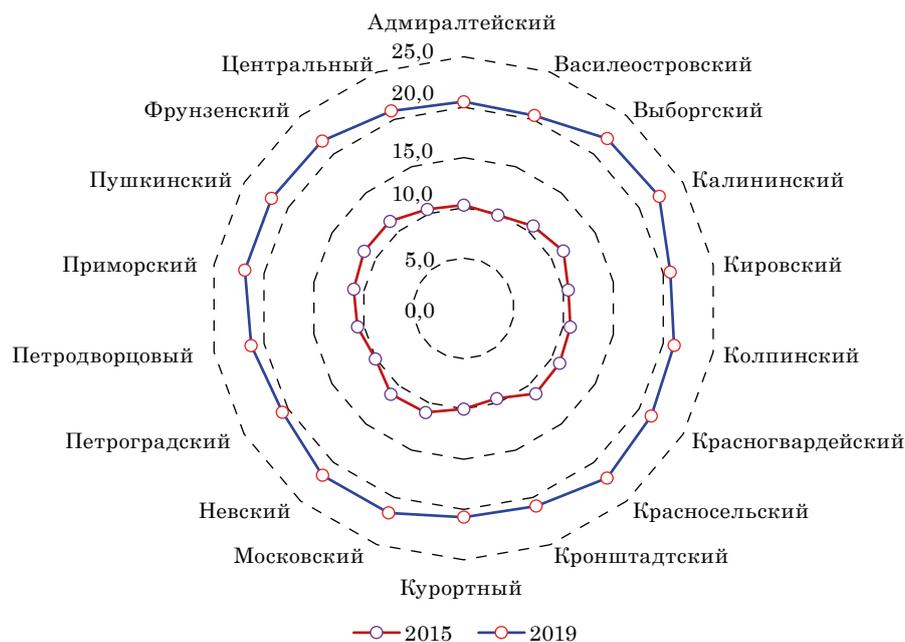

Рис. 2. Интегральные оценки качества жизни населения по районам Санкт-Петербурга

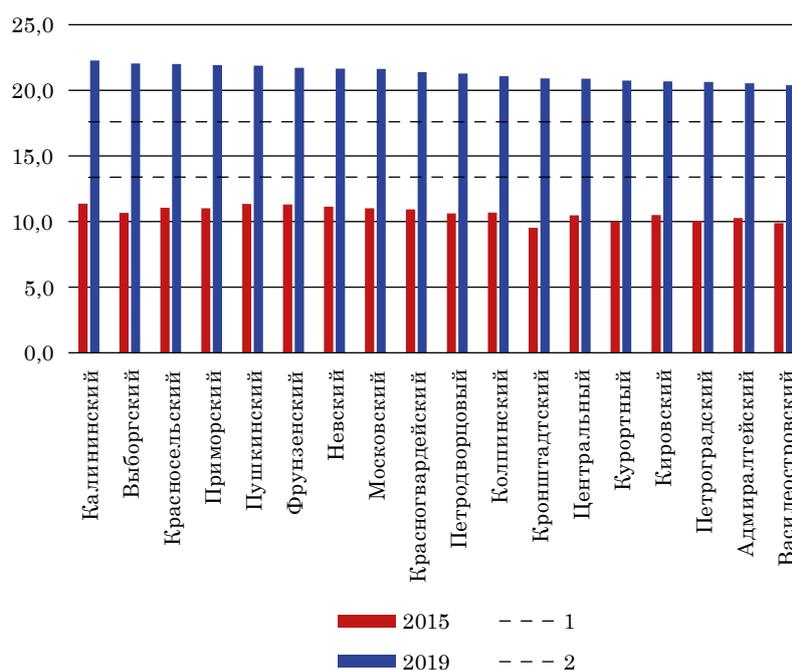

Рис. 3. Ранжирование интегральных оценок качества жизни населения по районам Санкт-Петербурга

районам на протяжении 2015–2019 гг. и умножаем на него соответствующий коэффициент приведения. Пунктирные линии на рис. 3 ограничивают область значений со средним качеством жизни для всего периода. Как видно из рисунка, качество жизни в 2019 г. во всех районах Санкт-Петербурга можно охарактеризовать как высокое.

Интересным фактом являются неизменно лидирующие позиции Калининского района на протяжении всего анализируемого периода, в то время как другие районы обладали большей подвижностью в пределах рассматриваемой области. На наш взгляд, это объясняется набором показателей модели, которые были доступны в разрезе районов города. Калининский район характеризуется сочетанием большой численности населения с высокими темпами ввода в действие жилых домов и относительно благополучным состоянием окружающей природной среды. Это вполне оправданно, если учесть, что Санкт-Петербург оказался лидером среди регионов по числу жителей, недовольных своими жилищными условиями, о чем свидетельствуют результаты исследования качества жизни россиян, проведенного СК «Росгосстрах Жизнь» и банком «Открытие» [10].

В целом полученные оценки качества жизни населения нуждаются в дополнительном уточнении в связи с тем, что интеграль-

ный показатель нечувствителен к деталям, не учитывает территориальную расположенность районов, например по отношению к центру или, наоборот, к выезду из города. Тем не менее результаты оригинальны, интересны и могут быть использованы при проведении дальнейших исследований качества жизни в Санкт-Петербурге. В пользу необходимости подобных исследований говорит факт практически полного их отсутствия в разрезе районов города. Как правило, отдельные изыскания проводятся в коммерческих целях риелтерскими компаниями.

В целях проведения сравнительного анализа использованы результаты рейтинга, который проводила компания ООО «ЯНДЕКС» в феврале 2017 г. [11]. Это одно из наиболее масштабных исследований качества жизни в Санкт-Петербурге, осуществленных в коммерческих целях. Основная его идея заключалась в оценке качества жизни с точки зрения удобства инфраструктуры городских районов для жизни и развлечений. Учитывалась территория Санкт-Петербурга, ограниченная кольцевой автодорогой, т. е. не анализировались Курортный, Пушкинский и Кронштадтский районы. Основной массив исходных данных был сформирован на основе статистики пользовательских запросов из служб «Яндекс.Навигатор» и «Яндекс.Карты». Критерием удобства инфраструктуры района для жизни стала ша-

говая (10–15 мин) доступность магазина, аптеки, садика, школы, поликлиники, ветеринарной клиники и т. п., а также минимального набора развлекательных мест. Шаговая доступность досуговых организаций – ресторанов, баров, кафе, боулинга и т. п., а также учреждений культуры – театров, музеев и т. д. была выбрана за критерий удобства инфраструктуры для развлечений.

Несмотря на существенные различия в исходной теоретико-методологической базе, сопоставим полученные нами результаты оценки качества жизни с результатами, полученными и обобщенными ООО «ЯНДЕКС» (табл. 2).

Сопоставление данных за 2017 г. показывает, что совпадений в рейтингах практически нет. Анализ данных других рейтингов дает примерно такие же результаты. Рейтинги, проводимые на коммерческой основе, не отличаются системностью, так как имеют эпизодический характер, неодинаковую территориальную широту охвата, а также различия в показателях, составляющих основу рейтинга. Например, они не учитывают состояние окружающей природной среды, которое оказывает существенное влияние на условия жизнедеятельности, здоровье людей [12]. Или, например, обеспеченность образовательного процесса высококвалифицированными учи-

телями, которая также воздействует на формирование содержания понятия «качество жизни» у обучающихся и на качество жизни как таковое [13].

Модель, в рамках которой проведены расчеты, отраженные в данном исследовании, отличается основательностью теоретико-методологической базы, тщательным подбором единичных индикаторов качества жизни, системным подходом к построению интегрального показателя, большими возможностями перспективного развития при использовании инструментов экономики качества.

Выводы

По итогам исследования можно прийти к выводу, что условием достижения лучшего качества жизни является четкое понимание содержания этого понятия и его текущего состояния всеми участниками социально-экономических взаимодействий и процессов, протекающих в регионе.

Результаты моделирования оценки качества жизни в пределах районов Санкт-Петербурга дают основание считать, что между городскими районами дифференциация по данному показателю незначительна, а качество жизни устойчиво возрастает. Для выявления путей его повышения в отдельно взятых районах необходимо более детальное исследование, направленное на выявление особенностей их экономики и управления.

Санкт-Петербург известен как город с богатейшим культурно-историческим наследием, глобальный центр создания и внедрения инноваций, науки, мировой культуры, межрегионального и международного сотрудничества. Качество жизни в Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года (Стратегия 2035) [14] определено как генеральная цель на ближайшие годы, что обуславливает повышенный интерес к его измерению и оценке, открывает новые горизонты в его исследовании. С учетом приоритетов Стратегии 2035 полученные в работе результаты моделирования могут представлять значительный практический интерес для оценки реализации стратегических приоритетов города в целом, а также отдельных районов Санкт-Петербурга. Отсутствие оценок качества жизни, сопоставимых с полученными в работе результатами, является неоспоримым аргументом в пользу продолжения подобных исследований на благо жителей Санкт-Петербурга.

Таблица 2

Ранжирование районов Санкт-Петербурга по показателю качества жизни, 2017 г.

Район Санкт-Петербурга	Рейтинг по интегральной оценке	Рейтинг Яндекса
Адмиралтейский	17	2
Василеостровский	13	5
Выборгский	6	10
Калининский	1	11
Кировский	14	6
Колпинский	11	н/д
Красногвардейский	4	13
Красносельский	8	12
Кронштадтский	16	н/д
Курортный	15	н/д
Московский	10	9
Невский	3	8
Петроградский	18	3
Петродворцовый	5	н/д
Приморский	2	7
Пушкинский	9	н/д
Фрунзенский	7	4
Центральный	12	1

ЛИТЕРАТУРА

1. **Окрепилов В. В., Гагулина Н. Л.** Развитие оценки качества жизни населения региона // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 3. С. 318–330.
2. **Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.** Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/18075 (дата обращения: 02.11.2021).
3. Численность и миграция населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2020 году: стат. бюлл. СПб.: Петростат, 2021. 114 с.
4. **Окрепилов В. В.** Перспективы создания многоуровневой системы управления качеством // Стандарты и качество. 2009. № 1. С. 58–65.
5. Северо-Западное управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды: офиц. сайт. URL: <http://www.meteo.nw.ru/articles/index.php?id=1180> (дата обращения: 02.11.2021).
6. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области: офиц. сайт. URL: <https://petrostat.gks.ru/folder/132851> (дата обращения: 02.11.2021).
7. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/plan/ (дата обращения: 02.11.2021).
8. Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/plan/ (дата обращения: 02.11.2021).
9. Основные показатели охраны окружающей среды // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/plan/ (дата обращения: 02.11.2021).
10. Каждый восьмой петербуржец недоволен своими жилищными условиями // Эксперт Северо-Запад. 2020. 4 дек. URL: https://expertnw.com/news/kazhdy-vosmoy-peterburzhets-nedovolen-svoimi-zhilishchnymi-usloviyami/?sphrase_id=87634 (дата обращения: 02.11.2021).
11. Санкт-Петербург для жизни и развлечений // Яндекс. 2017. 4 мая. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2017/spb/districts> (дата обращения: 02.11.2021).
12. **Persico C. L., Venator J.** The Effects of Local Industrial Pollution on Students and Schools // J. Human Resources. 2021. № 56. С. 406–445.
13. **Hanushek E. A., Piopiunik M., Wiederhold S.** The Value of Smarter Teachers: International

Evidence on Teacher Cognitive Skills and Student Performance // J. Human Resources. 2019. № 54 (4). С. 857–899.

14. О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года: Закон Санкт-Петербурга от 19.12.2018 г. № 771–164 (ред. от 26.11.2020 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/551979680> (дата обращения: 02.11.2021).

REFERENCES

1. **Okrepilov V. V., Gagulina N. L.** Razvitie otsenki kachestva zhizni naseleniya regiona. Zhurnal ekonomicheskoi teorii. 2019;(16(3)):318–330. (In Russ.).
2. **Raizberg B. A., Lozovskii L. Sh., Starodubtseva E. B.** Sovremennyy ekonomicheskii slovar'. 2-e izd., ispr. M.: INFRA-M, 1999. 479 s. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/18075 (accessed: 02.11.2021).
3. Chislennost' i migratsiya naseleniya Sankt-Peterburga i Leningradskoi oblasti v 2020 godu: stat. byull. SPb.: Petrostat, 2021. 114 s. (In Russ.).
4. **Okrepilov V. V.** Perspektivy sozdaniya mnogourovnevoi sistemy upravleniya kachestvom. Standarty i kachestvo. 2009;(1):58–65. (In Russ.).
5. Severo-Zapadnoe upravlenie po gidrometeorologii i monitoringu okruzhayushchei sredy: ofits. sait. Available at: <http://www.meteo.nw.ru/articles/index.php?id=1180> (accessed: 02.11.2021).
6. Upravlenie Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po g. Sankt-Peterburgu i Leningradskoi oblasti: ofits. sait. Available at: <https://petrostat.gks.ru/folder/132851> (accessed: 02.11.2021).
7. Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub'ektov Rossiiskoi Federatsii. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki: ofits. sait. Available at: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/plan/ (accessed: 02.11.2021).
8. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki: ofits. sait. Available at: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/plan/ (accessed: 02.11.2021).
9. Osnovnye pokazateli okhrany okruzhayushchei sredy. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki: ofits. sait. Available at: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/plan/ (accessed: 02.11.2021).
10. Kazhdyi vos'moi peterburzhets nedovolen svoimi zhilishchnymi usloviyami. Ekspert Severo-Zapad. 2020. 4 dek. Available at: https://expertnw.com/news/kazhdy-vosmoy-peterburzhets-nedovolen-svoimi-zhilishchnymi-usloviyami/?sphrase_id=87634 (accessed: 02.11.2021).

11. Sankt-Peterburg dlya zhizni i razvlechenii // Yandex. 2017. 4 maya. Available at: <https://yandex.ru/company/researches/2017/spb/districts> (accessed: 02.11.2021).
12. **Persico C. L., Venator J.** The Effects of Local Industrial Pollution on Students and Schools. *J. Human Resources*. 2021;(56):406–445.
13. **Hanushek E. A., Piopiunik M., Wiederhold S.** The Value of Smarter Teachers: International Evidence on Teacher Cognitive Skills and Student Performance. *J. Human Resources*. 2019;(54(4)):857–899.
14. О Стратегии социального-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года: Закон Санкт-Петербурга от 19.12.2018 г. № 771–164 (ред. от 26.11.2020 г.). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/551979680> (accessed: 02.11.2021).

УДК 332.1:338.28

DOI: 10.52897/2411-4588-2021-3-70-75

Людмила Владимировна Дорофеева*

кандидат экономических наук

Анна Николаевна Леонтьева*

кандидат экономических наук

*Институт проблем региональной экономики РАН

Санкт-Петербург, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ¹

Аннотация. Рассматривается процесс интеграции принципов устойчивого развития в документы стратегического планирования федерального, регионального и муниципального уровней. Произведено сопоставление ключевых для городского развития национальных проектов и определена степень их сопряженности с целями устойчивого развития. Представлены стратегические инициативы по устойчивому развитию городов в контексте формирования управленческой основы для использования преимуществ урбанизации и смягчения ее негативных последствий.

Ключевые слова: устойчивое развитие, города, урбанизация, национальные проекты.

Lyudmila V. Dorofeeva*

PhD in Economic Sciences

Anna N. Leont'eva *

PhD in Economics Sciences

*Institute for Regional Economy Studies Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN STRATEGIC PLANNING OF URBAN DEVELOPMENT

Abstract. The article considers the process of integrating the principles of sustainable development into the strategic planning documents of the federal, regional and municipal levels. The comparison of key national projects for urban development was made and the degree of their correlation with the sustainable development goals was determined. Strategic initiatives for sustainable urban development are presented in the context of the formation of a governing framework for using the advantages of urbanization and mitigating its negative consequences.

Keywords: sustainable development, cities, urbanization, national projects.

Концепция устойчивого развития (рисунок) была принята в 1992 г. в рамках Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. 179 стран в лице лидеров государств и глав правительств признали необходимость решения проблемы сохранения окружающей среды.

Большинство целей и задач устойчивого развития, определенных Повесткой 2030 [1], в той или иной степени нашли отражение в системе стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации.

Основополагающие принципы перехода к устойчивому развитию были заложены в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, принятой Указом Президента Российской Федерации в 1996 г. [2]. Концепция была ориентирована на обеспечение сбалансированного решения социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей [3].

В 2018 г. майскими указами [4] были определены национальные цели и стратегические

¹В статье приведены результаты фундаментальных научных исследований, выполненных в ФГБУН ИПРЭ РАН в соответствии с программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

Концепция устойчивого развития (составлено авторами)

задачи развития Российской Федерации. Всего было сформулировано 9 национальных целей, включая обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан; снижение в два раза уровня бедности; улучшение жилищных условий; ускорение технологического развития Российской Федерации; обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности и др. Охват целей устойчивого развития (далее – ЦУР) на уровне национальных проектов значительно шире, чем на уровне национальных целей. Целевой и индикативные блоки национальных проектов сопряжены со всеми 17 ЦУР и затрагивают в том числе экологические аспекты.

Вместе с тем, согласно отчету Счетной палаты Российской Федерации [5], не установлено прямого соответствия показателей национальных и федеральных проектов перечню глобальных показателей ЦУР.

Система государственного управления Российской Федерации в целом способствует реализации Повестки устойчивого развития, но существует ряд сложностей, имеющих принципиальное значение с точки зрения эффективности реализации соответствующих мер и мероприятий. Одна из них – отсутствие механизмов распределения сфер ответственности. По 25% показателей ЦУР (58 из 232) не определен ответственный, а непосредственно за комплексную реализацию целей фор-

мально никто не отвечает. Для того чтобы повысить эффективность работы по внедрению Повестки, по мнению экспертов Счетной палаты, нужно в первую очередь определить ответственный орган и наладить эффективное межведомственное взаимодействие.

Также одна из ключевых проблем для реализации Повестки – недостаточность данных и несовершенство статистического сопровождения. Без надлежащей статистической базы планирование и управление устойчивым развитием территориальной единицы окажется нерезультативным, поскольку будет опираться на недостоверные инструменты мониторинга и оценки. Также отсутствие объективных количественных данных для оценки устойчивости российских городов затрудняет их участие в международных инициативах в области мониторинга и оценки [6].

Новыми флагманами продвижения устойчивого развития как новой парадигмы общественной и экономической жизни становятся города в силу активного и ускоряющегося процесса урбанизации. Доля городского населения в мире по отношению к сельскому населению растет из года в год: за последние 100 лет она возросла с 13% до 55%. Таким образом, большая часть населения Земли сегодня живет в городах. Они являются центрами интеллектуальной деятельности, торговли, культуры, науки, производительного труда и социального развития. При том что концепция

устойчивого развития рассматривается как глобальная повестка, ее интенсивное внедрение в реальность хозяйственной жизни происходит в городской среде, мы можем наблюдать уже сегодня ряд городов, полностью ориентированных на устойчивость, например Копенгаген или Стокгольм. В этом смысле у городов есть преимущества перед регионами и странами, ключевыми из которых можно отметить небольшую площадь, концентрацию ресурсов и плотность инфраструктуры.

Перед руководством многих городов по всему миру стоят сложные задачи, возникающие в связи с автомобилизацией, включая обеспечение наличия надлежащего жилья и инфраструктуры для удовлетворения потребностей растущего населения, борьбу с экологическими последствиями разрастания городов и минимизацией издержек с целью увеличения эффективности производительности, а также снижения уязвимости.

Таким образом, стоящие перед городами проблемы требуется решать комплексно за счет более эффективного использования ресурсов, уменьшения уровня загрязнения окружающей среды и масштабов износа инфраструктуры. Также следует задумываться о вопросах, которые не носят острый характер сегодня, но могут стать проблемой в будущем, например массовая застройка прилегающих к городу территорий. При использовании предлагаемого подхода, основанного на устойчивом развитии обращение к решению второстепенных задач, позволяет перестроить и снять острые проблемы, требующие внимания сегодня.

Действующие в данный момент стратегии социально-экономического развития и другие нормативные акты долгосрочного характера не в полной мере отражают потребности городов к переходу на новый этап развития, так как не включают мероприятия, позволяющие реализовывать устойчивую повестку. Это требует выработки нового подхода к работе над стратегическими документами. Если на федеральном уровне концепция устойчивого развития находит свое отражение, то, обращаясь к стратегическим документам регионального и муниципального уровня, мы можем встретить лишь отдельные ее части или отсылки к нескольким ЦУР [7]. При этом ряд положений системы стратегического планирования Российской Федерации совпадает с повесткой устойчивого развития, а следовательно, их реализация способствует переходу на устойчивый трек, и, как уже отмечалось, при переходе на региональный и муниципальный уровень наблюдается

снижение эффективности инструментов, отвечающих за имплементацию ЦУР.

Требуется системная работа по созданию устойчивых планов развития территорий. Этот процесс особенно актуален для небольших населенных пунктов, зависимых от дотаций вышестоящих бюджетов. Формирование таких планов позволит выработать комплексную стратегию развития и повысить эффективность государственных вложений. При этом результатом реализации устойчивых планов будет повышение конкурентоспособности небольших городов и рост их привлекательности для населения и инвесторов.

В настоящее время уже имеются примеры работы в данном направлении, в частности план устойчивого развития был разработан для города Пскова [8]. Согласно представленной концепции, городу следует опираться на три ключевые стратегии, позволяющие за счет концентрации ресурсов решить не только основные задачи, но и способствовать комплексному развитию города. К первой стратегии относится развитие комфортной городской среды, что фактически соответствует уже действующему национальному проекту «Формирование комфортной городской среды». Вторая стратегия направлена на создание устойчивой мобильности и транспортной доступности. Она предполагает создание устойчивой мультимодальной транспортной системы, развитие которой позволит трансформировать перегруженные автомобилями улицы города в безопасные, привлекательные и комфортные для жизни пространства. Третья стратегия связана с вовлечением жителей в процессы принятия решений. Важная задача органов власти – формирование чувства сопричастности к жизни города и повышение эффективности и прозрачности управленческих и планировочных решений в рамках поддержки активного участия гражданского населения, включая молодежь, в реализации проектов комплексного благоустройства городской среды.

Устойчивость городов также определяет, насколько легко получить доступ к другим ключевым услугам, таким как образование и занятость, что обеспечивает косвенную связь с ЦУР 1 (ликвидация нищеты) и ЦУР 4 (обеспечение качественного образования). Для достижения данных целей необходимо объединить усилия трех секторов – экономического, социально-политического и экологического.

В 2018–2024 гг. в Российской Федерации реализуется национальный проект «Жилье и городская среда» [9], ключевыми целями которо-

го к 2024 г. являются, в частности, сокращение до 7,9% среднего уровня ставки по ипотечному кредиту, рост доли городов с благоприятной средой до 60,0%. Данный национальный проект также направлен на увеличение объема жилищного строительства, создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды, а также обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда. Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды», реализуемый в рамках национального проекта «Жилье и городская среда», предполагает, что еще в 2019 г. были разработаны методические основы «Стандарта комплексного развития территорий» с учетом лучших мировых практик в области городского планирования, а также утверждена методика формирования индекса качества городской среды. На улучшение экологической обстановки в городах и населенных пунктах в России направлен в том числе национальный проект «Экология» [14].

Развитие городов является глобальным вызовом в следующих аспектах.

1. Инфраструктура. Новые технологии требуют принципиально иной организации городского пространства, сегодня большая часть инфраструктуры требует модернизации, для чего в свою очередь нужны не только финансовые вложения, но и идеи, проекты по развитию. Сегодня города во многом фрагментированы, их планировка не позволяет генерировать экономические и прочие эффекты, затрудняет быстрое формирование современной инфраструктуры закрытость технологий, большинство компаний, таких как Яндекс или Google, не дают доступа для малых и средних фирм к собственным технологиям, поскольку это закрытая информация [10].

2. Люди. «Умный город» задает два тренда: первый – город для человека, второй – человек для города. В рамках первого тренда важной становится вовлеченность населения в трансформацию и развитие городского пространства, поскольку никто лучше городских жителей не представляет, каким именно образом и через какие проекты следует развивать город.

Преодоление имеющихся сложностей заложено во втором глобальном тренде «человек для города». Меняется не только пространство, в котором живет человек, но и тот набор навыков и компетенций, который ему требуется для жизни. Формирование новых компетенций необходимо и органам власти, и населению. Для первых это возможность реагиро-

вать на запросы общества и повышать за счет этого эффективность расходования бюджетных средств, для вторых – возможность использовать все имеющиеся и вновь создаваемые инфраструктурные возможности и самим включаться в экономическую деятельность. Современные технологии позволяют людям трудиться более осознанно. Большой проблемой становится вопрос занятости и безработицы, данная проблема особенно остро стоит перед молодыми людьми, только начинающими свой трудовой путь, этот тренд характерен для всех стран. Органы государственного управления используют широкий спектр инструментов для преодоления этой проблемы, в частности в России сегодня разрабатываются профессиональные стандарты, призванные подтвердить квалификацию человека для потенциального работодателя при отсутствии реального опыта работы.

3. Экология. Экологические проблемы, особенно в больших городах, сегодня регулярно обсуждаются в экспертном сообществе и в органах власти. Важным элементом борьбы за экологизацию городов становятся возможности использования передового опыта стран и городов во всем мире. Для этого формируются различные площадки, в том числе на основе BRICS. Укрупнение городов и миграция населения в мегаполисы приводят к обострению экологической ситуации и увеличению антропогенной нагрузки на территорию, что требует усиления работы с накопленным экологическим ущербом.

4. Безопасность. С развитием цифровых технологий и переходом к формированию больших данных встает вопрос возможностей обработки и защиты информации и систем, делающих города уязвимыми. «Умные города» работают с огромным количеством данных, часть их которых носит закрытый характер и требует защиты от неправомерного использования. Жителям следует помнить, что они также способны влиять на характер использования их данных, особенно в области персональной информации.

В целом урбанизация и сопряженный с ней процесс депопуляции сельских территорий во многом определяют параметры разработки социальной, демографической, экономической политики и являются предметом расширенной дискуссии наднационального уровня. Риски неуправляемой урбанизации, актуализация которых способна привести к формированию точек напряженности, криминализации отдельных районов, транспортному коллапсу,

критическому снижению доступности социальных услуг и пр., нуждаются в тщательной проработке с целью определения системы мер и мероприятий по их предупреждению.

Цифровизация системы управления социально-экономическим развитием обеспечила новые возможности для моделирования процессов урбанизации и их последствий, что позволяет апробировать управленческие решения в безопасных условиях и переносить в реальную управленческую практику лишь наиболее эффективные из них. Ярким примером подобного подхода служит цифровой двойник города – цифровая копия социально-экономической системы города, являющаяся плацдармом для виртуальных опытов по внедрению новых планировочных решений, регулированию миграционных потоков, последствий изменений тех или иных законодательных инициатив. Для обеспечения максимальной достоверности полученных результатов сама система моделирования нуждается в значительной доработке, и в настоящее время на федеральном уровне идет работа в данном направлении. Одна из важнейших системных проблем – несоответствие статистических форм учета потребностям в данных при разработке цифровых моделей управления, особенно на муниципальном уровне. При этом скорость развития и абсорбции цифровых продуктов экономикой и управленческим сектором настолько велика, что можно с уверенностью прогнозировать полноценный запуск цифровых копий регионов, городов, отдельных населенных пунктов уже в ближайшем будущем.

Отдельной задачей в данном контексте становится согласованность цифровых практик управления городским развитием, в большей степени ориентированных на решение локальных или отраслевых задач, и стратегических рамок развития, обозначенных в соответствующих документах, в том числе целей устойчивого развития.

Один из инструментов стратегического планирования в переходном к цифровой эпохе периоде – национальная программа развития городов [11], которая обеспечивает благоприятную институциональную среду в условиях взаимодействия и сотрудничества. Национальная программа развития городов не заменяет региональные и местные политики и планы развития, но обеспечивает взаимосвязку действующих стратегических инициатив и практик, в том числе для решения трансграничных проблем, таких как устойчи-

вое управление ресурсами, развитие инфраструктуры, адаптация к изменению климата и смягчение его последствий, или связи между городом и деревней.

Национальная программа развития городов является всеобъемлющей рамочной основой, которая формулирует и согласовывает субнациональные и местные программы и политику в рамках общего видения урбанизации, что также делает ее особенно подходящей для рассмотрения континуума «город – пригород – сельские районы». Значение связей между городом и деревней (через потоки людей, природные ресурсы, капитал, товары, экосистемные услуги, информацию, технологии, идеи и инновации) все в большей степени признается важным для устойчивого и комплексного территориального развития.

Переход к парадигме устойчивого развития – необходимое условие сокращения издержек от процесса урбанизации, который стал ключевым глобальным вызовом XXI в. Эффективное планирование и управление реализуются в настоящее время в условиях цифровой трансформации, что как обеспечивает новые возможности, так и ставит новые задачи в части статистического, методического нормативного сопровождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Повестка дня в области устойчивого развития ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 28.05.2021).
2. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента Российской Федерации № 440 от 01.04.1996 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/9120> (дата обращения: 28.05.2021).
3. **Дорофеева Л. В.** Инфраструктурный потенциал как фактор конкурентоспособности регионов России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2016. 18 с.
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (дата обращения: 11.05.2021).
5. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ системы государственного управления по внедрению повестки устойчивого развития за период 2019 года, истекший

период 2020 года». URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/761/76119231ce487594c1301b38be450c96.pdf> (дата обращения: 19.04.2021).

6. **Ускова Т. В.** Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
7. **Дорофеева Л. В.** Сущность и особенности инфраструктурного потенциала регионов // Региональная экономика и развитие территорий: сб. науч. ст. / под ред. Л. П. Совершаевой. СПб.: ГУАП, 2017. Т. 1 (11). С. 183–189.
8. План устойчивого развития города Пскова до 2030 года. URL: [http://pskovadmin.ru/uploaded_files/files/sumpbro-publication9-2%20\(2\).pdf](http://pskovadmin.ru/uploaded_files/files/sumpbro-publication9-2%20(2).pdf) (дата обращения: 20.05.2021).
9. Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда»: утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24.12.2018 г. № 16, по сост. на 24.12.2018 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/i3AT3wjDNyEgFywnDrernK7Az55RyRuk.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).
10. **Дорофеева Л. В.** Инфраструктурный потенциал как основа устойчивого развития регионов России // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6–1 (59). С. 213–215.
11. О целях устойчивого развития // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg> (дата обращения: 18.04.2021).

REFERENCES

1. Povestka dnya v oblasti ustoichivogo razvitiya OON. Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (accessed: 28.05.2021).
2. О Kontseptsii perekhoda Rossiiskoi Federatsii k ustoichivomu razvitiyu: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii № 440 ot 01.04.1996 g. Available at:

<http://kremlin.ru/acts/bank/9120> (accessed: 28.05.2021).

3. **Dorofeeva L. V.** Infrastrukturnyi potentsial kak faktor konkurentosposobnosti regionov Rossii: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. SPb., 2016. 18 s. (In Russ.).
4. O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 07.05.2018 g. № 204. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (accessed: 11.05.2021).
5. Otchet o rezul'tatakh ekspertno-analiticheskogo mero-priyatiya «Analiz sistemy gosudarstvennogo upravleniya po vnedreniyu povestki ustoichivogo razvitiya za period 2019 goda, istekshii period 2020 goda». Available at: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/761/76119231ce487594c1301b38be450c96.pdf> (accessed: 19.04.2021).
6. **Uskova T. V.** Upravlenie ustoichivym razvitiem regiona: monografiya. Vologda: ISERT RAN, 2009. 355 s. (In Russ.).
7. **Dorofeeva L. V.** Sushchnost' i osobennosti infrastruktornogo potentsiala regionov // Regional'naya ekonomika i razvitie territorii: sb. nauch. st. / pod red. L. P. Sovershaevoi. SPb.: GUAP, 2017;(1(11)):183–189. (In Russ.).
8. Plan ustoichivogo razvitiya goroda Pskova do 2030 goda. Available at: [http://pskovadmin.ru/uploaded_files/files/sumpbro-publication9-2%20\(2\).pdf](http://pskovadmin.ru/uploaded_files/files/sumpbro-publication9-2%20(2).pdf) (accessed: 20.05.2021).
9. Pasport natsional'nogo proekta «Zhil'e i gorodskaya sreda»: utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po strategicheskemu razvitiyu i natsional'nyim proektam ot 24.12.2018 g. № 16, po sost. na 24.12.2018 g. Available at: <http://static.government.ru/media/files/i3AT3wjDNyEgFywnDrernK7Az55RyRuk.pdf> (accessed: 15.05.2021).
10. **Dorofeeva L. V.** Infrastrukturnyi potentsial kak osnova ustoichivogo razvitiya regionov Rossii. Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2015;(6–1(59)):213–215. (In Russ.).
11. O tselyakh ustoichivogo razvitiya. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki: ofits. sait Available at: <https://rosstat.gov.ru/sdg> (accessed: 18.04.2021).

УДК 332.14

DOI: 10.52897/2411-4588-2021-3-76-84

Тарас Кириллович Прибышин

научный сотрудник

МЦСЭИ «Леонтьевский центр»

Санкт-Петербург, Россия

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ; ПРИМЕНЕНИЕ И СПЕЦИФИКА НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ¹

Аннотация. Дается оценка степени охвата применением инструмента стратегического планирования социально-экономического развития в муниципальных образованиях Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ). В открытых источниках был произведен поиск документов, в результате которого были обнаружены 76 стратегических документов в 70 муниципалитетах, входящих в АЗРФ. Кроме того, была предпринята попытка выявить степень учета в документах арктической специфики, для анализа которой были определены девять арктических сюжетов. Для этого были проанализированы тексты 20 стратегических документов и на основе усредненных значений сюжеты были разделены на три группы. Наибольшая частота упоминания была выявлена для транспортного, социального и экологического сюжетов; средняя – для сюжета коренных народов, демографического и климатического; наименьшая частота упоминания – для культурного сюжета, сюжетов здравоохранения и размещения.

Ключевые слова: Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, арктические сюжеты, стратегическое планирование, стратегия, государственное и муниципальное управление, долгосрочное планирование, социально-экономическое развитие, муниципальное развитие, контент-анализ.

Taras K. Pribyshin

Researcher

Leontief Center

St. Petersburg, Russia

MUNICIPAL STRATEGIC PLANNING IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: SCOPE AND SPECIFICATIONS

Abstract. This article provides an assessment of the extent to which the strategic planning tools cover the socio-economic development of the municipalities of the Arctic zone of the Russian Federation. As a result of the search for documents, 76 strategic documents were found in 70 municipalities that are part of the Russian Arctic. In addition, an attempt was made to identify how deeply the Arctic specifics are considered in the documents, for the analysis of which nine Arctic topics were appointed. For this, the texts of 20 strategic documents were analyzed and, based on the average numbers, the topics were divided into 3 groups. The highest frequency of mention was found for: transport, society and environment; Average frequency of mention for: Indigenous peoples, demographics and climate; Lowest frequency of mention: culture, healthcare and stationing. This study was carried out as part of the preparatory stage of the strategy competition «Best Currently Implemented Strategy in the Arctic» held in 2021.

Keywords: Arctic, Arctic zone of the Russian Federation, Arctic topics, strategic planning, strategy, state and municipal management, long-term planning, socio-economic development, municipal development, content analysis.

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) – это геостратегическая территория [1], обладающая рядом специфических особенностей, оказывающих влияние на устойчивое социально-экономическое и сбалансированное пространственное развитие входящих в нее территорий. Эти особенности должны нахо-

дить отражение в различных аспектах государственного и муниципального управления, в том числе при разработке стратегий социально-экономического развития.

В 2021 г. в рамках XIX Общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России» в целях выявления

¹Исследование проведено в рамках подготовительного этапа конкурса стратегий «Лучшая реализующаяся стратегия в Арктике» (<https://forumstrategov.ru/rus/239.html>).

успешного опыта претворения в жизнь стратегий в муниципалитетах Арктической зоны было принято решение провести конкурс стратегий «Лучшая реализующаяся стратегия в Арктике». Анализ результатов подобных конкурсов может рассматриваться как инструмент для поиска ответа на вопрос о том, какими качествами должны обладать хорошие муниципальные стратегии [2].

На подготовительном этапе конкурса было принято решение найти все стратегические документы муниципалитетов АЗРФ в открытых источниках, чтобы изучить количество потенциальных участников. Кроме того, интерес представляло наличие в текстах документов арктической специфики. Для ее анализа были определены девять арктических сюжетов и проанализирован массив из 20 стратегических документов на предмет степени учета этих сюжетов.

Целью исследования была оценка того, насколько в Арктической зоне развито применение стратегического планирования социально-экономического развития на муниципальном уровне и обладает ли оно арктической спецификой. Актуальность работы обусловле-

на, во-первых, поиском инструментов для эффективного социально-экономического развития арктических территорий, во-вторых, тем, что планирование на муниципальном уровне изучено слабо, так как оно находится под менее пристальным вниманием исследователей, чем региональные стратегии.

Первой задачей было установление границ объекта исследования – Арктической зоны, так как существует несколько подходов к определению перечня муниципальных образований, входящих в ее состав [3–8]. Подходы к пониманию границ АЗРФ в соответствии с различными нормативно-правовыми актами представлены на рис. 1.

Было решено пригласить к участию в конкурсе муниципальные образования, которые входят в границы АЗРФ в соответствии с Федеральным законом № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в АЗРФ» [8]. Стратегии данных МО проанализированы в данном исследовании.

На 2021 г. на макрорегиональном уровне действуют сразу несколько документов, определяющих долгосрочное развитие АЗРФ. В план реализации Стратегии развития Ар-

Рис. 1. Муниципальные образования, входящие в АЗРФ в соответствии с различными нормативно-правовыми документами (подготовлено автором)

ктической зоны [9] и Основ государственной политики в Арктике («Арктика-35») [10] вошли мероприятия по таким направлениям, как: решение социальных проблем, создание комфортной среды для жизни, привлечение новых инвесторов, стимулирование промышленного производства и обеспечение государственной безопасности.

В. Ф. Богачев и А. С. Микуленок делают вывод, что существующая система управления таким специфическим объектом, как АЗРФ, недостаточно эффективна и требует серьезной реструктуризации в связи с теми задачами, которые ставятся в Стратегии развития «Арктика-35». В первую очередь это касается усиливающейся тенденции ослабления связей между регионами АЗРФ [11]. Это может подтверждаться тем, что в большинстве субъектов Федерации, входящих в АЗРФ, система стратегического планирования сформирована самостоятельно и еще до принятия макрорегиональных программ, хотя и в разной степени. Во всех регионах есть региональные стратегии и почти во всех – региональные законы о стратегическом планировании (табл. 1.).

Самой старой из ныне действующих региональных стратегий является стратегия Мурманской области, разработанная в 2013 г. Большинство других документов создавались в 2018–2019 гг. Самая новая – стратегия Ямало-Ненецкого АО, которая была утверждена в июне 2021 г. Горизонтом планирования

большинства стратегий определен 2030 г., у некоторых – 2035-й. Самой «живой», т. е. подвергшейся уже нескольким актуализациям, является стратегия Республики Карелия, в которую трижды законодательными актами вносились обновления.

При анализе региональных законов о стратегическом планировании, дополняющих ФЗ-172 «О стратегическом планировании в РФ» [12], было выявлено, что в восьми из девяти регионов (кроме Чукотского АО) есть такие документы. В четырех из них упоминаются стратегии муниципального уровня и особенности их реализации, а в четырех – нет. Кроме того, в четырех регионах существуют отдельные, выходящие за рамки региональных законов методические рекомендации по разработке муниципальных стратегий (Красноярский край, Республики Саха, Карелия и Коми).

Отсутствие соответствующих рекомендаций может приводить к нарушению принципа согласованности стратегического планирования и принципа социальной и экономической сбалансированности региональных ресурсов, что имеет исключительную важность в условиях ограниченности этих ресурсов в Арктике [13]. Проблема отсутствия методических рекомендаций поднималась достаточно давно, но, несмотря на отсутствие установки «сверху», уже в начале 2000-х гг. муниципалитеты, входящие в состав АЗРФ, сами включились в освоение методов стратегического планиро-

Таблица 1

Действующие стратегии социально-экономического развития регионов, полностью или частично входящих в АЗРФ (подготовлено автором)

Субъект Федерации	Стратегия социально-экономического развития		Региональные законы о стратегическом планировании		
	Год утверждения (годы актуализации)	Горизонт планирования (горизонт после актуализации)	Год утверждения	Муниципальный уровень	Методические рекомендации
Архангельская область	2019	2035	2015 (2017, 2018, 2018, 2019, 2019, 2020, 2020)	Да	Нет
Ненецкий АО	2019	2030	2015	Нет	Нет
Красноярский край	2018	2030	2015 (2018)	Да	Да
Мурманская область	2013 (2017)	2020 (2025)	2014 (2018, 2019, 2021)	Да	Нет
Республика Карелия	2018 (2019, 2020, 2021)	2030	2015 (2019)	Нет	Да
Республика Коми	2019	2035	2015 (2016, 2018)	Нет	Да
Республика Саха (Якутия)	2018 (2020)	2032 (2050)	2016 (2019)	Да	Да
Чукотский АО	2014	2030	Нет	Нет	Нет
Ямало-Ненецкий АО	2021	2035	2015 (2016, 2017, 2019)	Нет	Нет

вания социально-экономического развития. К 2010 г. охват использования этого инструмента достиг трети от общего числа городов Севера и Арктики РФ, что соответствовало ситуации в среднем по России. Исследователи В. В. Дидык и Л. А. Рябова отмечали, что содержание и процесс разработки муниципальных стратегий этого периода периодически не соответствовали принципам стратегического управления [14].

Сплошной анализ стратегий муниципального уровня сложен в связи с большим количеством объектов, а также с фактическим отсутствием всего массива стратегий в единой базе стратегических документов. В связи с этим приходится проводить поиск по открытым источникам, таким как официальные сайты органов исполнительной или законодательной власти муниципальных образований.

Подобный поиск проводился в исследовании Н. А. Серовой, где был рассмотрен опыт стратегирования в муниципалитетах российского Севера и Арктики за период 2000–2012 гг. [15]. Было исследовано 108 муниципальных образований с численностью населения от 20 тыс. до 100 тыс. чел., расположенных на территориях, относящихся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям. Выяснилось, что за этот период местными властями были приняты стратегические документы в 44 муниципалитетах. В части содержания стратегических документов был выявлен ряд проблем: низкое качество разработанных стратегий, оптимистичный, непубличный характер и др.

По итогам подобного поиска, проведенного в 2021 г. силами студентов Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ ВШЭ и Института наук о Земле СПбГУ, были найдены 76 стратегических документов муниципалитетов, входящих в АЗРФ. Примечательно, что в базе стратегических документов в реестре государственной автоматизированной системы управления удалось найти только 37 документов. Отсутствие более половины из найденных нами документов подтверждает неполноту реестра.

При анализе количества муниципальных образований – стратегов, т. е. разработавших хотя бы одну стратегию, было выяснено, что их 70: в Ямало-Ненецком АО – 18, Мурманской области – 13, Якутии – 10, Ненецком АО – 9, Архангельской области – 6, Красноярском крае – 5, Республике Коми и Республике Карелия – по 4 и в Чукотском АО – 1. Стратегических документов оказалось больше, так как часть страте-

гий являются устаревшими и в 6 муниципалитетах – в городских округах Костомукша, Апатиты¹, Инта, Муравленко, Губкинский и городском поселении Дудинка – были приняты новые.

При анализе доли МО-стратегов среди всех муниципалитетов соответствующего Субъекта Федерации было зафиксировано, что наибольшая их доля в Ненецком АО – 42,9%, Ямало-Ненецком АО – 32,7, в Мурманской области – 32,5%.

При анализе распределения по численности населения было выявлено, что в МО с населением менее 10 тыс. чел. – 33 стратегии, от 10 тыс. до 50 тыс. чел. – 25. Наиболее примечательно, что МО-стратегами являются все 12 муниципальных образований АЗРФ с населением более 50 тыс. чел., что, безусловно, выше среднего показателя по Российской Федерации.

По типам все муниципальные образования распределились следующим образом: муниципальные районы – 27, городские округа – 25, сельские поселения – 11, городские поселения – 5, муниципальные округа – 2.

При анализе выявленных стратегий по дате утверждения было обнаружено, что большинство из них принималось в 2019 г. (19 стратегий). Относительным пиком активности принятий стратегий на муниципальном уровне в целом по стране был 2018 г. [16], так что в данном случае фиксируется некоторое запоздание.

Из найденных 76 стратегий были отобраны 20 документов из различных субъектов Федерации (рис. 2), которые были проанализированы на предмет упоминания тех или иных арктических сюжетов, т. е. специфических для Арктической зоны параметров, которые оказывают значительное влияние на жизнь общества и муниципальное управление.

В результате анализа на предмет представленности в них арктических сюжетов по каждому из них была оценена представленность по 3-балльной шкале, где 3 балла означало «сюжет полностью учитывается», 2 – «сюжет учитывается фрагментарно», 1 балл – «сюжет не учитывается или практически не учитывается». Далее был рассчитан индекс представленности арктических сюжетов как среднее значение всех оценок представленности сюжета по 20 стратегиям. Соответственно, значение индекса, равное 3, означает, что сюжет учиты-

¹С 1 января 2021 г. в статусе муниципального округа «город Апатиты с подведомственной территорией».

Рис. 2. Муниципальные образования, стратегии которых были проанализированы на предмет наличия арктической специфики (подготовлено автором)

вается во всех стратегиях, а 1 – ни в одной из них. Результаты представлены в табл. 2.

Наибольшее значение индекса отмечено у транспортного сюжета (2,65), наименьшее – у сюжета здравоохранения (1,8). Разница между значениями существенна и составляет 0,85 пунктов индекса. Данные результаты носят субъективный характер, так как объясняются наличием арктической специфики как таковой в различных муниципальных образованиях и полномочиями органов местного самоуправления. Несмотря на это, можно утверждать, что арктическая специфика в стратегиях присутствует, но со значительной дифференциацией.

Развитие транспортной инфраструктуры в Арктике имеет ряд особенностей, связанных с климатом, географией, нормами строительства и эксплуатации. Комплексный план развития поселка Тикси до 2025 г. предусматривает изменение схемы завоза с максимальным отказом от автомобильного транспорта в пользу водного. Стратегия развития МО Надымский район до 2030 г. учитывает реализацию регионального проекта «Северный широтный ход», а в Стратегии развития МО город Дудин-

ка до 2030 г. в качестве слабых сторон обозначено «Отсутствие железных и автомобильных дорог круглогодичного действия, связывающих Дудинку и поселки».

Социальный сюжет также достаточно широко представлен в исследуемых стратегиях развития. Он связан в основном с миграцией населения, сложными условиями жизни на Севере и поиском конкурентных преимуществ для привлечения человеческого капитала. В Стратегии развития Архангельска говорится об усилении неравенства между работниками горнодобывающих производств и других секторов экономики, также описывается влияние вахтового метода работы на социальную напряженность в городе. В Стратегии Норильска упоминаются программы для оптимизации социальной обстановки и демографической структуры города путем мероприятий по содействию переселению лиц пенсионного возраста в регионы России с более благоприятным климатом и экологическими условиями.

Экстремальные погодные условия, объединенные в климатический сюжет, влияют на все сферы жизнедеятельности местного населения. О том, что этот фактор является огра-

Таблица 2

Характеристика арктических сюжетов и среднее значение индекса по итогам анализа стратегий 20 муниципальных образований (подготовлено автором)

Сюжет	Характеристика сюжета	Значение индекса
Транспортный	Сложность перемещения между населенными пунктами и зависимость деятельности и жизнеобеспечения населения от поставок из других регионов	2,65
Социальный	Особенные требования к качеству жизни при осложненных условиях для его повышения	2,3
Климатический	Экстремальные климатические условия, влияющие на все сферы жизнедеятельности местного сообщества	2,25
Коренных народов	Учет условий культуры и специфики проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС)	2,15
Культурный	Использование специфики Арктической зоны для развития самобытной культуры и туризма	2,15
Экологический	Низкая устойчивость экологических систем Арктики и их уязвимость к антропогенным воздействиям	2,1
Демографический	Низкая плотность населения и специфическая половозрастная структура, пребывание населения вахтовым методом	2
Размещения	Точечный характер освоения арктических территорий, низкая плотность населения, замкнутость местных сообществ	1,85
Здравоохранения	Обеспечение граждан проживающих в дискомфортной среде, доступным, современным и качественным здравоохранением	1,8

ничающим, говорится, например, в Стратегии развития МО ГО «Усинск» на период до 2035 г.: неблагоприятные природно-климатические особенности территории обуславливают «неравные условия хозяйствования товаропроизводителей и жизнедеятельности населения», а, согласно Стратегии развития муниципального образования «Шоинский сельсовет» Ненецкого АО, «экстремальные природно-климатические условия, включая низкие температуры воздуха, сильные ветры и наличие ледяного покрова на акватории арктических морей» отнесены к числу основных ключевых факторов, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие территории.

Следующим по степени представленности идет сюжет коренных народов. В оценке достижения целей развития в Стратегии развития МО город Салехард до 2030 г. учитывается создание оптимальных условий для развития КМНС, а также производство и распределение товаров национального потребления. В Стратегии развития села Катравож до 2030 г. говорится об актуализации проблем, связанных с ведением традиционного хозяйства КМНС из-за увеличения их доли в численности населения села. Такое же значение представленности по индексу (2,15) имеет культурный сюжет. В Стратегии развития МО город Дудинка на период до 2030 г. говорится о местных и региональных культурных событиях как о брендах

Дудинки и Таймыра: «День оленевода», «День рыбака», праздники встречи солнца «Хэйро» и др. В стратегии Анадырского муниципального района упоминаются детские народные ансамбли и конкурсы для детей по местной культуре, родным языкам и краеведению.

Экологический сюжет связан с проблемой низкой устойчивости экологических систем Арктики и предполагает наличие согласованных усилий разработчиков на всех административных уровнях, так как многие экологические системы выходят за пределы отдельного муниципального образования. Значение индекса 2,1 показывает, что экологические сюжеты представлены в исследуемых стратегиях фрагментарно. Тем не менее есть положительные примеры. Стратегия Надымского района предусматривает строительство в Надyme газоперерабатывающего завода «для обеспечения Арктического транспорта незамерзающим экологичным топливом, сокращающим Северный завоз». В качестве другого примера можно назвать развитие Мурманской территориальной автоматизированной системы комплексного мониторинга атмосферного воздуха в городе Апатиты. В этом же документе особое внимание уделено описанию действующих в городе экологических и медико-биологических НИИ, таких как Научно-исследовательский центр медико-биологических проблем адаптации человека в Арктике (НИЦ МБП КНЦ РАН).

Оставшиеся три арктических сюжета – демографический, сюжет размещения и сюжет здравоохранения имеют значение индекса 2 и меньше, что говорит об ограниченном учете сюжетов или фактическом неучете в среднем по всем стратегиям. Но и здесь есть примеры, на которые можно обратить внимание. Демографический сюжет: в комплексном плане развития поселка Тикси в качестве слабой стороны назван режим смены дня и ночи, «требующий отдельных мер по адаптации и биологической акклиматизации для приезжего населения». Сюжет размещения: в Стратегии развития МО ГО «Усинск» до 2035 г. упоминаются значительные территориальные диспропорции в муниципальном образовании и внутримunicipальные разрывы связанности территории, а в Стратегии Шоинского сельсовета в качестве ключевого фактора социально-экономического развития обозначены очаговый характер промышленно-хозяйственного освоения территорий и низкая плотность населения.

Наименьшее значение индекса получил сюжет здравоохранения (1,8). Обеспечение граждан доступным, современным и качественным здравоохранением в АЗРФ невозможно без учета арктической специфики, характера расселения, особенностей транспортной инфраструктуры, суровости климата и т. д. Однако во многих стратегиях это не раскрывается, что предположительно связано с тем, что в арктической зоне этот вопрос решается на уровне субъектов Федерации. В комплексном плане развития поселка Тикси названы требования по приобретению особой медицинской техники и транспортных средств – портативного УЗ-сканера, портативного ФЛГ-аппарата, снегоболотоходов, специального медицинского вертолета и др. В Стратегии социально-экономического развития Оленекского эвенкийского национального района обозначен блок мероприятий по медицинскому обслуживанию КМНС, включая профилактику алкоголизма и оказание медицинской помощи передвижными диагностическими отрядами.

Дополнительно был рассмотрен вопрос о том, в каких из исследованных стратегиях оказались наиболее учтены арктические сюжеты, а в каких нет. Оценки по каждому сюжету были суммированы по муниципальным образованиям, на основе чего был составлен рейтинг. Максимально возможный результат был достигнут поселком Тикси (27 баллов), следом идут городские округа Северодвинск (23) и Воркута (22 балла). Наихудшие

результаты оказались у МО Аллаиховский улус Республики Саха (15 баллов), Канда-лакшского муниципального района и городского округа Усинск (по 16 баллов). В результатах не прослеживается какой-либо значимой географической дифференциации или дифференциации в зависимости от типов муниципальных образований.

Проведенный анализ, несмотря на некоторые проблемы верифицируемости, позволил выявить дифференциацию в представленности разных арктических сюжетов в стратегиях.

По итогам исследования было обнаружено, что во всех субъектах Федерации, входящих в АЗРФ, а также во многих муниципальных образованиях действуют стратегии социально-экономического развития. Такие документы приняты как во всех крупнейших муниципальных образованиях макрорегиона с численностью населения больше 50 тыс. чел., так и в части небольших по численности населения городских и сельских поселений.

В текстах многих стратегий наблюдается арктическая специфика, хотя существует значительная дифференциация в частоте упоминания тех или иных сюжетов. Отмечены муниципальные образования, в стратегиях которых наиболее выражена арктическая специфика: Тикси, Северодвинск и Воркута.

Анализ арктической специфики позволяет сделать предложения для разработчиков стратегических документов в АЗРФ по релевантному отражению арктической специфики в стратегиях развития. В первую очередь рекомендуется обратить внимание на демографический сюжет, сюжеты размещения и здравоохранения. Кроме того, важно не забывать о том, что даже транспортный сюжет, получивший наибольшее значение индекса, представлен не во всех стратегиях.

Таким образом, в Арктической зоне РФ на местном уровне долгосрочное планирование используется активнее, чем в целом по стране, и, несмотря на пандемию, стратегирование продолжается: в 2020–2021 гг. разрабатываются и утверждаются новые стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р // Министерство экономического развития Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://>

www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p.pdf (дата обращения: 20.10.2021).

2. **Жихаревич Б. С., Прибышин Т. К.** Конкурс стратегий как экспертная процедура // Регион: экономика и социология. 2016. № 2 (90). С. 181–200.
3. **Чистобаев А. И., Малинин П. Ю.** Арктическая зона Российской Федерации как особый объект государственного управления // Региональные исследования. 2016. № 2 (52). С. 122–128.
4. Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 05.03.2020 г. № 164 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (дата обращения: 20.10.2021).
5. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Правительство России: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/info/18359/> (дата обращения: 21.01.2022).
6. Об объявлении территорией СССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане: Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15.04.1926 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2885.htm (дата обращения: 20.10.2021).
7. **Меламед И. И., Павленко В. И.** Правовые основы и методические особенности разработки проекта государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации до 2020 года» // Арктика: экология и экономика. 2014. № 2 (14). С. 6–15.
8. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45677> (дата обращения: 20.10.2021).
9. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года // Правительство Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).
10. Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 05.03.2020 г. № 164 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (дата обращения: 20.10.2021).
11. **Богачев В. Ф., Микуленок А. С.** Реструктуризация системы управления арктическими региона-

ми // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 2–3 (61–62). С. 84–93.

12. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федер. закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ // Законодательство Российской Федерации. URL: <https://fzrf.su/zakon/o-strategicheskom-planirovanii-172-fz/> (дата обращения: 20.10.2021).
13. **Микуленок А. С., Николова Л. В.** Анализ интеграционных процессов в управлении экономикой Арктики // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 1 (60). С. 94–100.
14. **Дидык В. В., Рябова Л. А.** Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в муниципалитетах российского севера и Арктики // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2013. № 5. С. 54–63.
15. **Серова Н. А.** Стратегическое планирование в северных муниципалитетах России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 4. С. 203–214.
16. **Прибышин Т. К., Жихаревич Б. С.** «Города-страсти» на современной карте России // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 1. С. 16–25.

REFERENCES

1. Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya RF na period do 2025 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 13.02.2019 g. № 207-r. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: ofits. sait. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p.pdf (accessed: 20.10.2021).
2. **Zhikharevich B. S., Pribyshin T. K.** Konkurs strategii kak ekspertnaya protsedura. Region: ekonomika i sotsiologiya. 2016;(2(90)):181–200. (In Russ.).
3. **Chistobaev A. I., Malinin P. Yu.** Arkticheskaya zona Rossiiskoi Federatsii kak osobyi ob'ekt gosudarstvennogo upravleniya. Regional'nye issledovaniya. 2016;(2(52)):122–128. (In Russ.).
4. Ob Osnovakh gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v Arktike na period do 2035 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 05.03.2020 g. № 164. Prezident Rossii: ofits. sait. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (accessed: 20.10.2021).
5. Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v Arktike na period do 2020 goda i dal'neishuyu perspektivu. Pravitel'stvo Rossii: ofits. sait. Available at: <http://government.ru/info/18359/> (accessed: 21.01.2022).
6. Ob ob'yavlenii territoriei SSSR zemel' i ostrovov, raspolozhennykh v Severnom Ledovitom okeane: Postanovlenie Prezidiuma Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta SSSR ot 15.04.1926 g. Biblioteka normativ-

- no-pravovykh aktov Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2885.htm (accessed: 20.10.2021).
7. **Melamed I. I., Pavlenko V. I.** Pravovye osnovy i metodicheskie osobennosti razrabotki proekta gosudarstvennoi programmy «Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda». *Arktika: ekologiya i ekonomika*. 2014;(2(14)):6–15. (In Russ.).
 8. O gosudarstvennoi podderzhke predprinimatel'skoi deyatel'nosti v Arkticheskoi zone Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 13.07.2020 g. № 193-FZ. Prezident Rossii: ofits. sait. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45677> (accessed: 20.10.2021).
 9. Strategiya razvitiya Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii i obespecheniya natsional'noi bezopasnosti na period do 2020 goda. Pravitel'stvo Rossiiskoi Federatsii: ofits. sait. Available at: <http://static.government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf> (accessed: 20.10.2021).
 10. Ob Osnovakh gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v Arktike na period do 2035 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 05.03.2020 g. № 164. Prezident Rossii: ofits. sait. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (accessed: 20.10.2021).
 11. **Bogachev V. F., Mikulenok A. S.** Restrukturizatsiya sistemy upravleniya arkticheskimi regionami. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*. 2020;(2–3(61–62)):84–93. (In Russ.).
 12. O strategicheskome planirovanii v Rossiiskoi Federatsii: Feder. zakon ot 28.06.2014 g. № 172-FZ. Zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii. Available at: <https://fzrf.su/zakon/o-strategicheskome-planirovanii-172-fz/> (accessed: 20.10.2021).
 13. **Mikulenok A. S., Nikolova L. V.** Analiz integratsionnykh protsessov v upravlenii ekonomikoi Arktiki. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*. 2020;(1(60)):94–100. (In Russ.).
 14. **Didyk V. V., Ryabova L. A.** Problemy i perspektivy razvitiya mestnogo samoupravleniya v munitsipalitetakh rossiiskogo severa i Arktiki. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 2013;(5):54–63. (In Russ.).
 15. **Serova N. A.** Strategicheskoe planirovanie v severnykh munitsipalitetakh Rossii. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2013;(4):203–214. (In Russ.).
 16. **Pribyshin T. K., Zhikharevich B. S.** «Gorodstrategi» na sovremennoi karte Rossii. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii*. 2020;(8(1)):16–25. (In Russ.).

УДК 338.26(211–17)

DOI: 10.52897/2411-4588-2021-3-85-93

Елена Васильевна Ялунер* **

доктор экономических наук, профессор

Дмитрий Валерьевич Гашко**

старший преподаватель

*Институт проблем региональной экономики РАН

**Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Санкт-Петербург, Россия

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена общим и специфическим проблемам развития предпринимательства в Арктической зоне, способам их преодоления и перспективам дальнейшего развития предпринимательства в этом регионе. Арктическая зона является для Российской Федерации зоной стратегического значения с точки зрения социально-экономической, политической, экологической и исторической. С Арктикой связано множество крупных проектов, имеющих большое значение как для региона, так и для страны в целом. В то же время сегодня наблюдается сокращение населения арктической зоны – необходимого ресурса реализации любого проекта. Причины кроются в отсутствии должного уровня социально-экономического развития, пути решения лежат в том числе в развитии предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательство, социально-экономическое развитие, Арктическая зона Российской Федерации.

Elena V. Yaluner* **

Grand PhD in Economic Sciences, Professor

Head of Department

Dmitrii V. Gashko**

Senior Lecturer

*Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences

**St. Petersburg State University of Economics

St. Petersburg, Russia

PRESENT STATE AND PROSPECTS OF BUSINESS DEVELOPMENT IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article is devoted to general and specific problems of entrepreneurship development in the Arctic zone, ways to overcome them and prospects for further development of entrepreneurship in this region. The Arctic zone is a zone of strategic importance for the Russian Federation from the point of view of socio-economic, political, environmental and historical significance. There are many major projects connected with the Arctic that are of great importance both for the region and for the country as a whole. At the same time, today there is a reduction in the population of the Arctic zone – a necessary resource for the implementation of any project. The reasons lie in the lack of a proper level of social and economic development, the solutions lie, among other things, in the development of entrepreneurship.

Keywords: entrepreneurship, socio-economic development, Arctic zone of the Russian Federation.

Границы Арктической зоны Российской Федерации на сегодняшний день установлены Федеральным законом от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». В соответствии с этим документом к Арктической зоне Российской Федерации относятся: Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукот-

ский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ и некоторые части еще пяти субъектов Российской Федерации (Республик Карелия, Коми и Саха, Красноярского края и Архангельской области) [1]. Общая площадь сухопутной части Российской Арктики около 5 млн кв. км, что составляет 29% территории страны. Население Арктической зоны – 2,5 млн чел., т. е. менее 2% населения страны.

В то же время в регионах Арктической зоны разрабатывается 83% всего добываемого в России газа и 17% всей добываемой в стране нефти. Запасы горючего природного газа на континентальном арктическом шельфе Российской Федерации составляют не менее 85 трлн куб. м (наибольшие запасы среди всех «игроков» мирового газового рынка), запасы нефти – более 17 млрд т (более половины запасов РФ). Объем грузоперевозок по Северному морскому пути (СМП) 31,5 млн т грузов [2], что, конечно, крайне мало по сравнению с Суэцким каналом, однако в последнее время коммерческое значение СМП неуклонно возрастает, сам он начинает рассматриваться в качестве реальной перспективной альтернативы Суэцкому каналу. Расширение нефте- и газодобычи в Арктике, активное использование Северного морского пути подразумевают реализацию крупных высокотехнологичных экономических проектов, которые создают спрос на высокотехнологичную, наукоемкую продукцию. Таким образом, развитие Арктической зоны Российской Федерации создает спрос на продукцию и услуги в различных отраслях во многих субъектах страны.

Помимо сугубо экономических интересов, Российская Федерация имеет в Арктической зоне стратегические политические, экологические, исторические интересы. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу указывают в качестве интересов: сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества, сбережение уникальных экологических систем Арктики. Кроме того, Россия является арктической державой исторически. Начало освоения русскими мореплавателями побережья Северного Ледовитого океана относится к XI в. В 1499 г. был основан первый русский заполярный город Пустозерск. Уже в XVI–XVII вв. начинается освоение части Северного морского пути. На протяжении XVIII–XIX вв. Российским государством организуются полярные экспедиции, составляются картографические описания Арктики, разрабатываются и осуществляются планы по освоению Крайнего Севера. Активное освоение продолжается в советское время, в 1920 г. создается Северная научно-промысловая экспедиция, преобразованная позднее в Арктический и антарктический научно-исследовательский институт. В это время в Арктике строятся новые города, формируются крупные предприятия. Таким образом, Арктика сегодня для Российской Федерации – это и экономика, и безопасность, и экология, и история.

В соответствии с принятым 13 июля 2020 г. Федеральным законом №193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» в практику развития предпринимательской деятельности в Арктическом регионе было введено понятие резидента Арктической зоны. Статус резидента доступен индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам, отвечающим установленным требованиям. К их числу относится намерение реализовать новый инвестиционный проект в Арктической зоне Российской Федерации, стоимость капитальных вложений в рамках которого составляет не менее одного миллиона рублей [1]. Формирование зоны находится пока в самом начале. По состоянию на весну 2021 г. в реестре резидентов Арктической зоны РФ состоят 74 субъекта предпринимательской деятельности. Однако уже сейчас подано 246 заявок, потенциальные рабочие места по проектам оцениваются в 10 тыс. чел. [2]. Для инфраструктурной поддержки инвестиционных проектов предусмотрены соответствующие проекты общей стоимостью 13 млрд руб. в течение ближайших трех лет.

Далеко не все инвестиционные проекты связаны с разработкой недр и добычей полезных ископаемых. Среди проектов резидентов Арктической зоны, зарегистрированных в реестре, можно обнаружить следующие виды деятельности:

- транспорт и транспортная обработка грузов;
- строительство;
- туристическая деятельность;
- производство древесины;
- производство текстиля;
- ремонт машин и оборудования;
- ресторанная деятельность и др.

Несколько инвестиционных проектов связаны с развитием рыболовства в регионе.

Определенные перспективы развития предпринимательства в Арктической зоне могут быть связаны с дальнейшим развитием Северного морского пути. Альтернативой ему являются переходы через Суэцкий или Панамский каналы, однако СМП существенно короче. Основное использование СМП сегодня – обслуживание добычи полезных ископаемых и Северный завоз. Однако с открытием СМП для международного судоходства в 1991-м, а еще более – с началом таяния льдов в Арктике в начале 2000-х гг. СМП становится привлекательным для международного коммерческого использования. Проблемы использования СМП в качестве элемента транспортно-логи-

стической системы Арктической зоны являются короткая навигация (в среднем с июля по ноябрь), неразвитость портовой инфраструктуры и (это важно для транзитных судов, имеющих в качестве альтернативы возможность перехода через южные транспортные коридоры) высокая стоимость страховки для судов, идущих Северным морским путем. В то же время объем перевозок по СМП ежегодно увеличивается, причем весьма впечатляющими темпами. Если в 2015 г. он составил 5392 тыс. т, то в 2020 г. – уже 32970 тыс. т. Растет и количество транзитных судов: в 2010 г. их за период навигации было четыре, в 2020-м – 40.

В планах Правительства развитие СМП с достижением показателей: 80 млн т грузов в 2024 г., 120 млн т – в 2030-м, 160 млн т – в 2035 г. Эти планы потребуют развития портовой инфраструктуры, обеспечения связи (в том числе Интернета), аварийно-спасательной инфраструктуры, безопасности мореплавания, навигации, инфраструктуры оперативного оказания медицинской помощи. Двух-, трехкратное увеличение объемов перевозок, значительная модернизация и расширение инфраструктуры – все это открывает возможности и для дополнительного развития предпринимательства в регионе.

Развитие Арктического региона, освоение природных ресурсов, осуществление промышленных, транспортных, экологических проектов требует не только финансовых ресурсов. Необходимы также человеческие. Причем реализация современных высокотехнологичных проектов требует привлечения достаточного количества человеческих ресурсов высокого качества. В то же время все последние годы наблюдается отток населения из Арктики, за последние двадцать лет он составил около 300 тыс. чел. В качестве причин можно назвать тяжелые природно-климатические условия, дефицит высокооплачиваемых рабочих мест, низкий уровень доступности качественных социальных услуг, неблагоустроенные коммунально-бытовые условия, низкое качество жилья. Несмотря на высокую заработную плату в регионах Арктической зоны, значительно превышающую среднероссийское значение, высокая стоимость жизни, социально-экономические проблемы делают жизнь здесь менее привлекательной по сравнению с другими регионами страны.

Таким образом, обеспечение стратегических интересов Российской Федерации в Арктической зоне [3, 4] требует решения и демографической проблемы, которое в свою очередь, как

представляется, невозможно без должного социально-экономического развития этих регионов. Существенную положительную роль в данном процессе может и должно сыграть малое предпринимательство. Развитие малых и средних предприятий в Арктической зоне – это одновременно формирование новых рабочих мест, развитие необходимой социальной, коммунально-бытовой инфраструктуры, повышение качества жизни населения регионов.

Анализ бизнес-структур, осуществляющих деятельность в Арктической зоне Российской Федерации, позволяет выделить несколько групп субъектов, характеризующихся своими особенностями. Во-первых, это крупные компании, работающие в Арктике, но не являющиеся собственно арктическими бизнес-структурами. Например, ПАО «Лукойл» – компания, зарегистрированная и имеющая головной офис в Москве, однако владеющая среди прочих активов месторождениями на территории Арктической зоны (половину запасов природного газа компании «Лукойл» составляют запасы Гыданского полуострова и пр.).

К числу таких компаний относятся также ПАО «Газпром», ПАО «НК „Роснефть“», государственная корпорация «Росатом» и пр. Это крупные вертикально интегрированные межрегиональные (трансрегиональные, панросийские) компании с основными видами деятельности в области добычи природных ресурсов. К ним тесно примыкает группа крупных компаний собственно Арктического региона, интегрированных в более крупные общероссийские объединения. Например, северодвинские АО «Производственное объединение „Севмаш“» и АО «Центр судоремонта „Звездочка“», входящие в АО «Объединенная судостроительная корпорация», или АО «Воркутауголь», находящееся в составе ПАО «Северсталь». Для таких предприятий характерна высокая социальная нагрузка в регионах осуществления деятельности. На балансе подобных компаний часто находится ряд учреждений медицинского, социального, образовательного характера, обеспечивающих социальное и культурно-бытовое обслуживание «подведомственного» населения.

По данным проекта «Перечень ведущих компаний-работодателей, осуществляющих деятельность на территории Арктической зоны РФ», разработанного Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М. В. Ломоносова [5], в регионе насчитывается 119 относительно крупных компаний. Спектр видов деятельности: добыча полезных ископаемых, нефтедобываю-

щая промышленность, химическая промышленность, металлургия, судостроение и пр.

Ко второй группе компаний можно отнести локальные относительно крупные предприятия, как не являющиеся субъектами МСП, так и относящиеся к ним, но имеющие граничные значения критериев. Примеры: АО «Северодвинский завод строительных материалов» с оборотом около 200 млн руб. в год (по данным портала «Прозрачный бизнес» ФНС РФ, данные за 2019 г.), численностью работников 100 чел. (субъект малого предпринимательства); АО «Северодвинск-Молоко» с оборотом около 1 млрд руб., численностью работников 199 чел. (субъект среднего предпринимательства); АО «Северодвинский хлебокомбинат» с оборотом около 500 млн руб. и численностью работников 356 чел. (не является субъектом МСП, так как не удовлетворяет критерию численности работников) [6]. Это преимущественно предприятия традиционного предпринимательства, для которых характерно наличие сформировавшихся стабильных рынков сбыта.

Проблемы указанных предприятий – в повышенных издержках. В частности, особенностью предпринимательства в Арктической зоне является необходимость в силу действия закона «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» [7] оплачивать дополнительные льготы работникам. Законодательство России предусматривает для трудящихся региона дополнительный ежегодный оплачиваемый отпуск, оплату стоимости проезда работника и членов его семьи к месту отпуска и обратно за счет работодателя и пр. Действительно, по данным Росстата, среднемесячная заработная плата сотрудников организаций, осуществляющих свою деятельность в Арктической зоне Российской Федерации, существенно выше средней по РФ в целом, и составила в 2020 г. 90776 руб. (по РФ в целом – 57982 руб.) [8, 9]. Несмотря на то, что в последние три года среднемесячная заработная плата в регионах Арктической зоны несколько снижается по отношению к среднемесячной заработной плате по РФ в целом, она более чем в полтора раза ее превышает (табл. 1).

Затраты на одно рабочее место по малому и среднему предпринимательству в Арктике оцениваются в среднем в 285 тыс. руб. на одного работника, в то время как в целом по России эта цифра всего 16 тыс. [10]. Кроме того, необходимо учесть более продолжительный отопи-

Таблица 1

Среднемесячная заработная плата работников организаций, осуществляющих деятельность в Арктической зоне Российской Федерации, руб. (по данным [8, 9])

Регион	2017	2018	2019
Арктическая зона Российской Федерации	72493	78668	83512
Российская Федерация в целом	44907	49895	53918
Отношение средней заработной платы в АЗРФ к РФ в целом, %	161,4	157,7	154,9

тельный сезон, удаленность от некоторых ресурсных рынков, повышенные издержки в области логистики и пр. Все это вместе делает развитие производства в Арктике неконкурентоспособным. Как отмечают некоторые региональные эксперты, «при одинаковых условиях ведения бизнеса и заработной плате валовый продукт компании в Архангельске (со штатом в 20 чел.) будет на два миллиона рублей меньше, чем в Вологде» [11].

Высоким заработным платам работников предприятий Арктической зоны сопутствует высокий уровень просроченной задолженности по заработной плате. При этом ее сумма в последние три года резко выросла по сравнению с данными 2018 г. Если сравнивать показатель с общероссийским значением, то в расчете на 1 млн руб. оборота организаций по состоянию на начало 2021 г. ситуация в Арктической зоне близка к среднему по РФ, а в расчете на 1000 чел. населения – втрое превышает среднее (табл. 2).

Наконец, к третьей группе (самой многочисленной и, тем не менее, самой незащищенной перед лицом рыночной стихии) относятся предприятия собственно малого бизнеса и микробизнеса. В отличие от предприятий предыдущей группы, здесь наблюдаются те же

Таблица 2

Просроченная задолженность по заработной плате на начало года (по данным [8, 9])

Показатель	2018	2019	2020	2021
Просроченная задолженность в расчете на 1000 чел. населения, руб.:				
АЗРФ	11300,1	35654,6	66455,7	30022,4
РФ в целом	16938,7	16473,1	14401,9	11099,5

проблемы, но многократно усугубленные отсутствием устойчивых рынков сбыта и других механизмов и инструментов, обеспечивающих дополнительный запас устойчивости более крупным хозяйствующим субъектам. В настоящее время в арктических регионах функционирует менее 2% российских предприятий МСП (табл. 3, рис. 1), и эта цифра неуклонно сокращается: «за последние три года число субъектов МСП в Арктической зоне сократилось на 11 тысяч, а количество рабочих мест в них уменьшилось на 103 тысячи» [10].

Таким образом, первоочередным на сегодня является вопрос о том, как можно переломить эту негативную тенденцию. Необходимо существенно корректировать действующую государственную программу, более ориентированную на точечные, локальные воздействия, нежели на серьезные сущностные институциональные изменения – формирование благоприятной институциональной среды осуществления предпринимательской деятельности. Улучшение общих условий ведения предпринимательской деятельности в стране, очевидно, послужит основой развития предпринимательства и в Арктической зоне Российской Федерации.

Однако, помимо общих проблем развития предпринимательства, для регионов Арктической зоны характерны специфические проблемы. С учетом сложных условий жизни и хозяйственной деятельности в Арктике необходимы дополнительные льготы и преференции, дополнительные механизмы и инструменты воздействия на предпринимательскую среду в этом регионе. Все это обусловило принятие в июле 2020 г. отдельного Федерального закона «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». Закон предусмотрел дополнительные меры поддержки предпринимательской деятельности в регионе. Среди них [1]:

- ограничения в отношении органов государственной и муниципальной власти, осуществляющих контроль деятельности предпринимателей;

- налоговые льготы резидентам Арктической зоны (по федеральным налогам, по региональным и местным налогам, возмещение части расходов по уплате страховых взносов в государственные внебюджетные фонды);

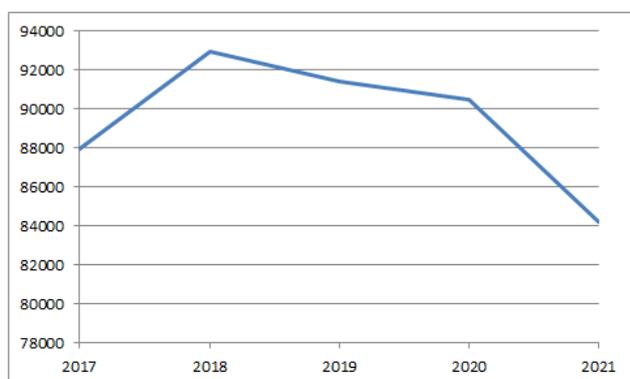
- предоставление субсидий на возмещение процентной ставки по кредитам; возмещение затрат на выплату купонного дохода по обли-

Таблица 3

Динамика численности субъектов МСП в Арктической зоне РФ (по данным [12])

Субъекты МСП	2017	2018	2019	2020	2021
Юридические лица	33145	34067	32404	30779	28387
Индивидуальные предприниматели	54819	58893	59022	59721	55849
Всего субъектов МСП в Арктической зоне Российской Федерации	87964	92960	91426	90500	84236
Всего субъектов МСП в РФ	5978335	6104467	6107774	5960356	5731570

По всему кругу субъектов МСП Российской Федерации

По регионам Арктической зоны Российской Федерации

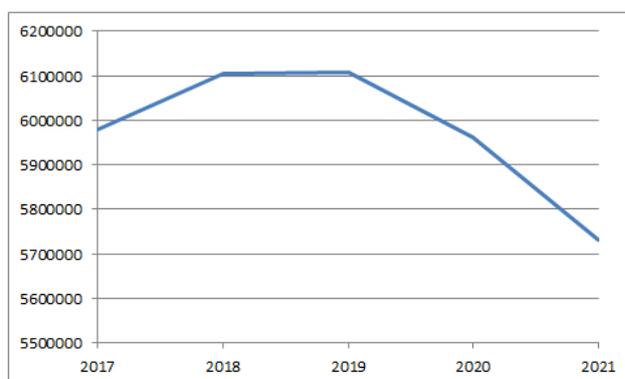

Рис. 1. Динамика числа субъектов МСП в 2018–2021 гг. в Российской Федерации в целом и по регионам Арктической зоны РФ

гациям, выпущенным в целях финансирования реализации инвестиционных проектов;

- особые условия предоставления земельных участков;

- особые условия осуществления градостроительного зонирования, планировки территории, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции объектов капитального строительства в Арктической зоне;

- применение таможенной процедуры особой экономической зоны.

Как видим, меры поддержки имеют самый разный характер: от целевых, точечных до институциональных. Однако и исследователи Арктического региона, и предприниматели отмечают необходимость формирования дополнительных механизмов поддержки и развития предпринимательства в регионе. В частности, требуется целенаправленная поддержка усилий предпринимателей в сфере энергоэффективности и энергосбережения, развития бездорожного транспорта и пр. Требуют решения специфические проблемы моногородов. Где-то наблюдается разрушительная конкуренция со стороны «неарктических» предпринимательских структур (г. Заполярный, зависящий от обслуживания дислоцированных в нем воинских частей, лишился части заказов – многие статьи обслуживания отданы на аутсорсинг в другие города; стирку постельного белья осуществляет предпринимательская структура г. Санкт-Петербурга), где-то не решены вопросы трансграничного сотрудничества и пр.

Таким образом, сама специфика арктического предпринимательства требует решений в следующих сферах:

- повышение жизнестойкости предприятий Арктической зоны за счет новых технологий в области энергоэффективности и энергосбережения;

- повышение доступности инфраструктуры и институтов поддержки предпринимательских структур региональными и местными институтами, в том числе структур, расположенных на периферийных северных территориях;

- применение механизмов компенсации северных удорожаний ведения предпринимательской деятельности (льготы и преференции работникам предприятий, доплаты и северные коэффициенты и пр.);

- ограждение от разрушительной конкуренции местных, локальных предпринимательских структур со стороны «неарктических» конкурентов, избавленных от «львиной

доли» издержек, свойственных арктическим предпринимателям;

- развитие этнического предпринимательства в традиционных промыслах, туризме, сельском хозяйстве;

- стимулирование производства уникальной местной продукции, имеющей при поддержке экспортный потенциал.

Дальнейшее развитие предпринимательства в Арктической зоне видится авторам в нескольких основных направлениях.

Безусловно, Арктика сегодня – благоприятный регион для инвестирования в разработку полезных ископаемых, в частности нефте-, газодобычу. Статус свободной экономической зоны – дополнительный стимул для крупных компаний. Но не только. Когда речь заходит о разработке нефтегазовых месторождений, в первую очередь представляется крупная транснациональная корпорация. Однако, по оценкам экспертов, до 80% работ при реализации нефтегазовых месторождений приходится на поставщиков, среди которых могут быть малые и средние предприятия. Таким образом, один из механизмов развития предпринимательства в Арктической зоне может заключаться в закреплении участия субъектов МСП в поставках при реализации крупных инвестиционных проектов.

Но главной задачей и одновременно основным ресурсом развития малого предпринимательства в Арктической зоне является повышение уровня жизни населения. В Арктике проживает 2,5 млн чел., у которых такие же потребности в товарах и услугах, как и у жителей других регионов России. С ростом доходов населения растут и потребности, что в свою очередь выступает двигателем развития малого и среднего предпринимательства в сфере торговли и услуг.

В настоящее время динамика оборота розничной торговли в Арктической зоне в целом соответствует общероссийской, хотя в 2018 и 2019 гг. имелось небольшое отставание (табл. 4). Доля розничного оборота в Арктической зоне в торговом обороте по Российской Федерации в целом в 2019 г. равнялась 1,77%, т. е. превышала долю населения АЗРФ в населении РФ (1,66%). Однако с учетом более высокого уровня розничных цен в Арктическом регионе (от 11,3% до 91,5%) эта цифра означает более низкую обеспеченность розничным оборотом.

В целом, в Арктической зоне РФ наблюдается несколько более низкая обеспеченность объектами розничной торговли, существенно более низкая обеспеченность торговыми пло-

щадями (см. табл. 4). Таким образом, мы имеем здесь дело с более низким уровнем конкуренции в розничной торговле и более низким качеством торгового обслуживания.

Особенность структуры объектов общественного питания Арктической зоны – значительно меньшая среднего значения по России обеспеченность общедоступными столовыми и большая обеспеченность ресторанами, кафе, барами (см. табл. 4). Обеспеченность столовыми в учебных заведениях, организациях и промышленных предприятиях в целом соответствует среднероссийскому уровню. Большая популярность объектов общественного питания более высокого ценового сегмента вполне соответствует как более высокому уровню жизни населения, так и его представлению о своем уровне жизни.

Несмотря на более высокий уровень стоимости жизни в Арктической зоне, население

здесь более высоко оценивает свой уровень жизни (табл. 5).

Учитывая более высокую стоимость жизни населения, более высокий уровень оптимизма относительно своего уровня жизни, рост заработной платы, можно ожидать дальнейшего развития торговли, общественного питания и бытового обслуживания в АЗРФ [15].

Есть перспективы и у социального предпринимательства. В июле 2019 г. в Российской Федерации было законодательно закреплено данное понятие. С целью оказания поддержки социальным предпринимателям в апреле 2020 г. было начато формирование реестра социального предпринимательства. Лидерами по количеству социальных предприятий в общем количестве субъектов МСП, зарегистрированных в регионе, оказались Арктические территории: Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Общее коли-

Таблица 4

Показатели розничной торговли, общественного питания и бытового обслуживания в регионах Арктической зоны РФ (по данным [8, 9, 13, 14])

Показатель	2016	2017	2018	2019
Доля розничного оборота в Арктической зоне в розничном обороте РФ в целом, %	1,80	1,81	1,79	1,77
Доля количества объектов торговли в АЗРФ в общем количестве торговых объектов в РФ, %	1,54	1,58	1,53	1,52
Доля торговой площади объектов торговли в АЗРФ в общей торговой площади РФ, %	0,39	0,38	0,37	0,36
Количество общедоступных столовых, закусочных	0,99	1,08	1,18	1,27
Количество мест в них	0,85	0,91	0,95	0,97
Площадь зала обслуживания посетителей, кв. м	1,04	0,77	1,04	1,07
Рестораны, кафе, бары	2,01	2,04	2,06	2,13
Количество мест в них	1,68	1,71	2,03	2,10
Площадь зала обслуживания посетителей, кв. м	1,75	1,74	1,80	1,86
Число объектов бытового обслуживания населения	1,90	1,99	1,80	1,98
Число приемных пунктов бытового обслуживания населения	1,99	2,08	1,93	2,09

Таблица 5

Распределение домашних хозяйств по оценке своего финансового положения, 2019 г. (по данным [8, 9, 13, 14])

Показатель	Арктическая зона Российской Федерации	Российская Федерация
Число обследуемых домохозяйств, всего	100	100
Домохозяйства, оценившие свое финансовое положение следующим образом:		
не хватает денег даже на еду	0,1	0,5
денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно	3,1	13,4
денег хватает на еду и одежду, но не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования	30,5	50,3
денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования, но не могут позволить себе покупку автомобиля, квартиры, дачи	50,9	31,8
средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным	12,8	3,5
затруднились ответить	2,6	0,5

чество социальных предприятий в Арктической зоне на сегодня составляет 135, что относительно численности населения практически втрое больше общероссийского показателя. Возможно, как отмечают некоторые исследователи, вследствие экстремальных условий жизни и деятельности, «то, что в средней полосе является обычной коммерческой деятельностью, в Арктике приобретает социальную направленность» [16]. Спектр видов деятельности социальных предпринимателей региона весьма широк: уход за престарелыми и инвалидами (г. Калевала), физкультурно-оздоровительная деятельность (г. Инта, г. Усинск), дополнительное образование для детей и взрослых (г. Усинск), ремонт компьютеров и периферийных устройств и деятельность легкового такси (г. Инта), торговля лекарствами (п. Батагай), производство безалкогольных напитков (с. Оленек), множество образовательных и оздоровительных организаций в Ямало-Ненецком автономном округе и др. Большие перспективы развития социального предпринимательства связаны с развитием народных промыслов, экотуризмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федер. закон от 13 июля 2020 г. №193-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ (дата обращения: 15.05.21).
2. Инвестиционный портал Арктической зоны России. URL: <https://arctic-russia.ru/about/> (дата обращения: 14.05.21).
3. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Портал законодательных актов Правительства России. URL: <http://government.ru/info/18359/> (дата обращения: 30.04.21).
4. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны российской Федерации». URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 15.05.21).
5. Перечень ведущих компаний-работодателей, осуществляющих деятельность на территории Арктической зоны РФ // Национальный арктический научно-образовательный консорциум. URL: <http://arctic-union.ru/napravleniya/kompanii-rabotodateli/> (дата обращения: 12.05.21).
6. Прозрачный бизнес: портал ФНС России. URL: <https://pb.nalog.ru> (дата обращения: 11.05.21).
7. О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах крайнего Севера и приравненных к ним местностях: Закон РФ от 19.02.1993 № 4520–1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1786/ (дата обращения: 10.05.21).
8. Арктическая зона Российской Федерации. Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации // Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/arc_zona.html (дата обращения: 11.05.21).
9. Российский статистический ежегодник 2020. Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm (дата обращения: 10.05.21).
10. Штраус О. Бизнес в Арктике – не миф. Эксперты обсудили возможности развития малого бизнеса на Севере // Российская газета – Экономика Северо-Запада. 2020. № 111 (8165). URL: <https://rg.ru/2020/05/26/reg-szfo/eksperty-obsudili-vozmozhnosti-razvitiia-malogo-biznesa-na-severe.html> (дата обращения: 16.05.21).
11. Коробов С. Бизнес в Арктике: перспективно и масштабно // Регион 29: информ. агентство. URL: <https://region29.ru/2018/08/21/5b7a5fff12f17b89c34c6ff2.html> (дата обращения: 12.05.21).
12. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru> (дата обращения: 11.05.21).
13. Малое и среднее предпринимательство в России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 87 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Malpred_2019.pdf (дата обращения: 10.05.21).
14. Торговля в России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 228 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Torgov_2019.pdf (дата обращения: 10.05.21).
15. Зленко Е. Г. Особенности условий формирования денежных доходов населения и стоимости жизни в Арктической зоне России // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1 (203). С. 65–75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-usloviy-formirovaniya-denezhnyh-dohodov-naseleniya-i-stoimosti-zhizni-v-arkticheskoy-zone-rossii/viewer> (дата обращения: 07.05.21).
16. Башмакова Е. П., Торопушина Е. Е. Социальное предпринимательство как фактор саморазвития территорий российской Арктики // Экономика, предпринимательство и право. 2019. Т. 9, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-predprinimatelstvo-kak-faktor-samorazvitiya-territoriy-rossiyskoy-arktiki/viewer> (дата обращения: 15.05.21).

REFERENCES

1. O gosudarstvennoi podderzhke predprinimatel'skoi deyatel'nosti v Arkticheskoi zone Rossiiskoi Federatsii: Feder. zakon ot 13 iyulya 2020 g. №193-FZ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ (accessed: 15.05.21).
2. Investitsionnyi portal Arkticheskoi zony Rossii. Available at: <https://arctic-russia.ru/about/> (accessed: 14.05.21).
3. Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v Arktike na period do 2020 goda i dal'neishuyu perspektivu. Portal zakonodatel'nykh aktov Pravitel'stva Rossii. Available at: <http://government.ru/info/18359/> (accessed: 30.04.21).
4. Gosudarstvennaya programma Rossiiskoi Federatsii «Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Arkticheskoi zony rossiiskoi Federatsii». Available at: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (accessed: 15.05.21).
5. Perechen' vedushchikh kompanii-rabotodatelei, osushchestvlyayushchikh deyatel'nost' na territorii Arkticheskoi zony RF. Natsional'nyi arkticheskii nauchno-obrazovatel'nyi konsortsium. Available at: <http://arctic-union.ru/napravleniya/kompanii-rabotodatelei/> (accessed: 12.05.21).
6. Prozhivayushchik: portal FNS Rossii. Available at: <https://pb.nalog.ru> (accessed: 11.05.21).
7. O gosudarstvennykh garantiyakh i kompensatsiyakh dlya lits, rabotayushchikh i prozhivayushchikh v raionakh krainego Severa i priravnennykh k nim mestnostyakh: Zakon RF ot 19.02.1993 № 4520-1. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1786/ (accessed: 10.05.21).
8. Arkticheskaya zona Rossiiskoi Federatsii. Statisticheskaya informatsiya o sotsial'no-ekonomicheskom razvitii Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii. Rosstat. Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/arc_zona.html (accessed: 11.05.21).
9. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik 2020. Rosstat. Available at: https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm (accessed: 10.05.21).
10. **Shtraus O.** Biznes v Arktike – ne mif. Eksperty obsudili vozmozhnosti razvitiya malogo biznesa na Severe. Rossiiskaya gazeta – Ekonomika Severo-Zapada. 2020;(111(8165)). Available at: <https://rg.ru/2020/05/26/reg-szfo/eksperty-obsudili-vozmozhnosti-razvitiia-malogo-biznesa-na-severe.html> (accessed: 16.05.21).
11. **Korobov S.** Biznes v Arktike: perspektivno i masshtabno. Region 29: inform. agentstvo. Available at: <https://region29.ru/2018/08/21/5b7a5fff12f17b89c34c6ff2.html> (accessed: 12.05.21).
12. Edinyi reestr sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva. Available at: <https://rmsp.nalog.ru> (accessed: 11.05.21).
13. Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii. 2019: stat. sb. / Rosstat. M., 2019. 87 s. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Malpred_2019.pdf (accessed: 10.05.21).
14. Torgovlya v Rossii. 2019: stat. sb. / Rosstat. M., 2019. 228 s. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Torgov_2019.pdf (accessed: 10.05.21).
15. **Zlenko E. G.** Osobennosti uslovii formirovaniya denezhnykh dokhodov naseleniya i stoimosti zhizni v Arkticheskoi zone Rossii. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2017;(1(203)):65–75. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-usloviy-formirovaniya-denezhnyh-dohodov-naseleniya-i-stoimosti-zhizni-v-arkticheskoy-zone-rossii/viewer> (accessed: 07.05.21).
16. **Bashmakova E. P., Toropushina E. E.** Sotsial'noe predprinimatel'stvo kak faktor samorazvitiya territorii rossiiskoi Arktiki. Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. 2019;(9(4)). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-predprinimatelstvo-kak-faktor-samorazvitiya-territoriy-rossiyskoy-arktiki/viewer> (accessed: 15.05.21).

УДК 314.04(470.2)

DOI: 10.52897/2411-4588-2021-3-94-102

Анна Арамовна Сафарова*

научный сотрудник

Гаянэ Леоновна Сафарова*

кандидат экономических наук, доктор биологических наук

*Институт проблем региональной экономики РАН

Санкт-Петербург, Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ И СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. Представлен анализ изменения возрастной структуры Северо-Западного федерального округа (СЗФО) Российской Федерации в 1990–2019 гг. Исследована, в частности, динамика численности агрегированных возрастных групп (детей, населения трудоспособного возраста, пожилых) и доли населения старшего возраста. Выявлены сходные черты и различия рассмотренных показателей для регионов СЗФО. Проанализированы индикаторы старения – демографическая нагрузка за счет пожилых, индекс старения, коэффициент поддержки родителей.

Ключевые слова: возрастная структура, старение населения, СЗФО, региональные различия, дети, трудоспособное население, пожилые.

Anna A. Safarova*

Researcher

Gaiane L. Safarova*

PhD in Economic Sciences, Grand PhD in Biological Sciences

*Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

AGE STRUCTURE TRANSFORMATION AND THE AGING OF THE POPULATION IN THE REGIONS OF THE NORTHWEST FEDERAL DISTRICT

Abstract. An analysis of changes in the population age structure of the Northwestern Federal District (Russian Federation) in 1990–2018 was presented. Dynamics of the sizes of aggregated age groups (children, working-age population, the elderly) and of the proportion of the older population were analyzed. Similarities and diversities in the considered indicators for the regions of the Northwestern Federal District were revealed. Old age dependency ratio, parent support ratio, ageing index were computed for Russian Federation, Northwestern Federal District and its constituent regions.

Keywords: age structure, population ageing, regional differences, children, working-age population, elderly.

В последние десятилетия большинство стран мира столкнулось с изменениями возрастной структуры населения. Старение населения – глобальное явление: практически во всех странах и регионах мира наблюдается рост как численности, так и доли пожилых людей в населении [1]. Для России эти изменения не менее актуальны. Вопросы старения населения России, крупнейших мегаполисов страны (Москвы и Санкт-Петербурга) были рассмотрены нами ранее в ряде работ [например, 2–5]). Россия имеет самую большую территорию в мире, и ее населяет более 180 на-

родов с разным демографическим поведением. Таким образом, рассмотрение развития процесса старения населения в России будет неполным без изучения его региональной неоднородности. Здесь будет рассмотрен Северо-Западный федеральный округ, центром которого является г. Санкт-Петербург.

Статья посвящена исследованию трансформации возрастной структуры и динамики традиционных показателей старения населения в регионах Северо-Западного федерального округа.

По численности населения на начало 2019 г. СЗФО входит в пятерку крупнейших феде-

ральных округов России; он состоит из 11 субъектов Российской Федерации: Архангельской области, Ненецкого АО (в рамках исследования включен в состав Архангельской области), Вологодской области, Калининградской области, Республики Карелия, Республики Коми, Ленинградской области, Мурманской области, Новгородской области, Псковской области, г. Санкт-Петербург. Состав самого СЗФО весьма неоднороден; наиболее значительное влияние на его демографические показатели оказывают значения показателей для Санкт-Петербурга, что вызвано существенной разницей в численности этих субъектов. На 01.02.2018 г. население Санкт-Петербурга составило 5352 тыс. чел. (38,4 % от общей численности СЗФО), что почти в 9 раз превосходит население самого малого по численности субъекта СЗФО Новгородской области – 606 тыс. чел. (4,4 % от общей численности СЗФО).

Как известно, на изменения возрастной структуры населения влияют изменения основных демографических процессов (рождаемости, смертности и миграции). Значения показателей основных демографических процессов для СЗФО и его регионов, а также для России в целом на 2018 г. представлены в табл. 5.1 п. 5.1 коллективной монографии «Междисциплинарное исследование процессов трансформации социально-экономического пространства и территориального развития регионов России» [6].

Наибольшие значения суммарного коэффициента рождаемости (СКР) в 2018 г. были

отмечены в Республике Коми (1,63 рождений на женщину) и Вологодской области (1,62), наименьшие – в Ленинградской области (1,12) и Санкт-Петербурге (1,47). Наибольшие значения ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ) и мужчин, и женщин наблюдались в Санкт-Петербурге (71,34 года для мужчин, 79,85 года для женщин), наименьшие – для мужчин в Псковской и Новгородской областях (соответственно 64,2 и 64,3 года), для женщин в Новгородской области и Республике Карелия (76,01 и 76,14 года соответственно). Миграционный прирост для СЗФО в целом положителен, однако для большинства его регионов сальдо миграции отрицательно (исключения составляют Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области), что существенно влияет на численность и возрастную структуру населения.

За период 1990–2018 гг. произошло сокращение численности населения России на 0,5% (относительно 1990 г.), его значительно опередило сокращение численности СЗФО, составившее 8,9%. Только в трех регионах СЗФО численность населения увеличилась: в Калининградской области (на 12,9%), Ленинградской области (на 8,8) и Санкт-Петербурге (на 7,0%), т. е. именно в тех регионах, в которых было отмечено положительное сальдо миграции. Наибольшее снижение численности произошло в Мурманской области и Республике Коми (на 36,8% и 32,7% соответственно). На рис. 1 представлена динамика (относительно 1990 г.) общей чис-

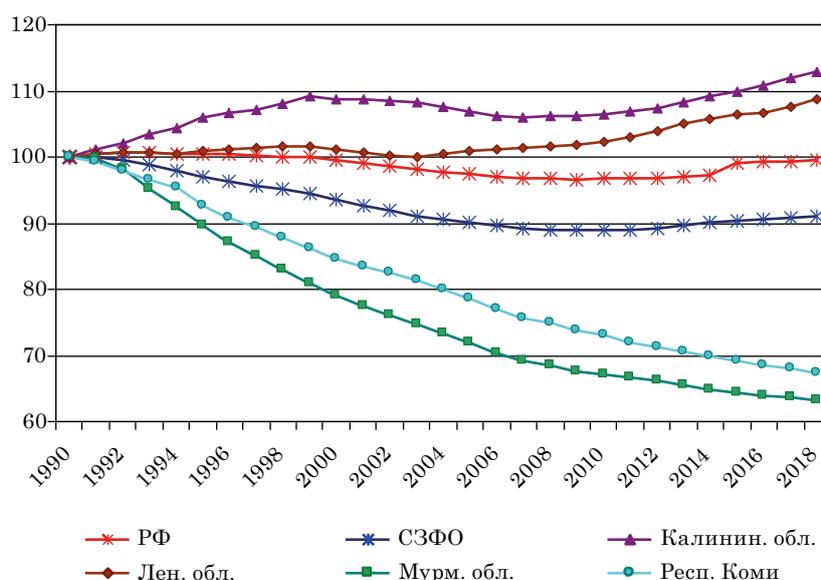

Рис. 1. Численность населения России, СЗФО, Калининградской, Ленинградской, Мурманской областей и Республики Коми, 1990–2018 гг. (по данным [7]), %, относительно 1990 г.

Таблица 1

Изменение общей численности населения и численности пожилых (65+) относительно 1990 г. и удельный вес пожилых (Prop 65+) в 2018 г. (%) Россия, СЗФО и регионы, входящие в состав СЗФО (по данным [7])

Регион	Показатель		
	Изменение общей численности населения	Изменение численности пожилых	Prop 65+
Россия	-0,5	47	14,6
СЗФО	-8,9	46	15,4
Архангельская обл. (включая Ненецкий АО)	-26,7	36	14,7
Вологодская обл.	-13,1	16	14,6
Калининградская обл.	12,9	116	14,4
Республика Карелия	-21,4	53	15,2
Республика Коми	-32,7	66	11,4
Ленинградская обл.	8,8	72	16,1
Мурманская обл.	-36,8	100	11,5
Новгородская обл.	-19,5	14	17,3
Псковская обл.	-24,6	-6	17,5
г. Санкт-Петербург	7,0	49	16,3

ленности населения России, СЗФО и его регионов с наибольшим ростом и наибольшим снижением общей численности за рассмотренный период.

В табл. 1 представлено изменение общей численности населения и численности пожилых (65+) относительно 1990 г., а также удельный вес пожилых (Prop 65+) в рассматриваемых населенных пунктах в 2018 г.

Изменение численности и удельного веса агрегированных возрастных групп

В работе рассмотрены агрегированные возрастные группы: дети (0–19 лет), население трудоспособного возраста (20–64 года) и пожилые (65 лет и старше). Такая модификация определения группы детей вызвана тем, что в возрасте от 15 до 19 лет в действительности мало кто работает, и в большинстве случаев население этой возрастной группы является зависимым в той же степени, что и «дети», традиционно понимаемые как население в возрасте от 0 до 14 лет включительно.

За рассмотренный период численность детей (0–19 лет) уменьшилась как в СЗФО (на 34,5% относительно 1990 г.), так и во всех его регионах: наименьшее снижение отмечено в Калининградской области (на 16,5%) и Санкт-Петербурге (на 20,6%), наибольшее – в Мурманской области (на 55,7%) и Республике Коми (на 51,6%); в то время как в России снижение составило 25,5%.

За период с 1990 по 2019 г. произошло снижение не только численности детей, но и их

удельного веса в общей численности населения. С 1990 по 2011 г. наблюдалось монотонное снижение этого показателя во всех рассмотренных регионах, а начиная с 2012 г. отмечен рост доли детей. Тем не менее значения этого показателя для всех регионов Северо-Западного федерального округа далеки от его показателей в 1990 г.

На рис. 2 представлено изменение удельного веса детей в общей численности населения в России, СЗФО и ряде регионов СЗФО, имеющих наибольшие и наименьшие значения, за 1990–2019 гг. Как и в 1990 г., наибольшие доли детей в 2019 г. отмечены в Республике Коми (24,2%) и Вологодской области (23,1%), а наименьшие – в Санкт-Петербурге (18,9%) и Ленинградской области (18,93%).

Численность населения трудоспособного возраста (20–64 года) в СЗФО сократилась на 5,9% (относительно 1990 г.). Снижение этого показателя произошло и в большинстве регионов СЗФО: максимально – в Мурманской области (на 36,0%) и Республике Коми (на 31,7%). Исключениями стали Ленинградская область (увеличение численности населения трудоспособного возраста составило 16,9%), Калининградская область (14,7%) и Санкт-Петербург (10,6%). В целом в России увеличение населения трудоспособного возраста составило 3,3%.

Доля населения трудоспособного возраста в населенных пунктах регионов СЗФО и России в целом, несмотря на незначительные флуктуации, увеличивалась вплоть до 2012 г., после чего начала снижаться. Динамика этого показателя имеет схожий характер для всех рас-

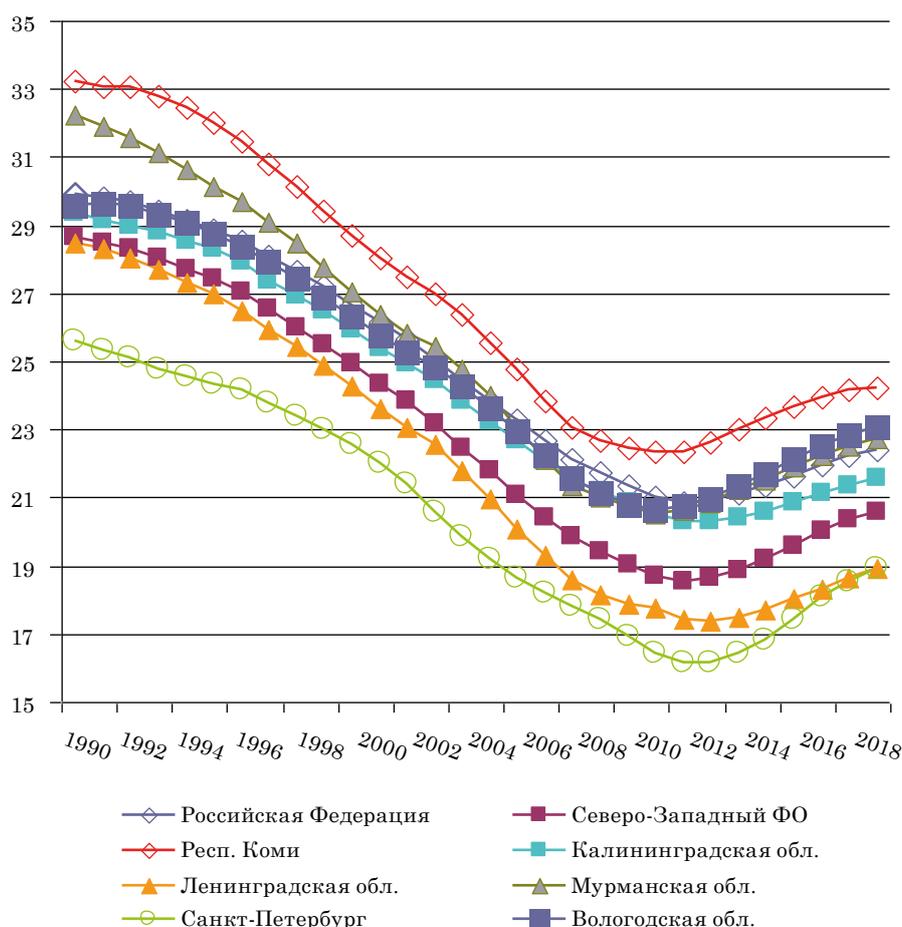

Рис. 2. Динамика доли детей (Проп.0–19) в общей численности населения России, СЗФО и ряда регионов СЗФО за 1990–2019 гг. (по данным [7]), %

смотренных регионов. Максимальные значения за весь рассмотренный период отмечены в Мурманской области (64,1% в 1990 г. и 65,3% в 2020 г.). Минимальные доли населения трудоспособного возраста в 1990 г. в Псковской (59,9%) и Новгородской областях (60,6%), а также в Российской Федерации (60,2%). В 2019 г. наименьшие значения отмечены также в Новгородской и Псковской областях (61,0% и 61,7% соответственно) и России (62,6%). Динамика доли населения трудоспособного возраста представлена на рис. 3.

Совершенно иную динамику демонстрирует численность старшего поколения (65+). За рассмотренный период она увеличилась как в СЗФО (на 50,2% относительно 1990 г.), так и практически во всех входящих в него регионах. Исключением стала только Псковская область, где численность пожилых сократилась на 4,3%. На рис. 4 представлена динамика численности населения в возрасте 65 лет и старше в России, СЗФО и ряде регионов с наиболь-

шим ростом, наименьшим ростом и снижением численности пожилых. Тренды показателя Prop.65+ очень схожи для России и СЗФО, близки к ним и значения для Санкт-Петербурга. На рис. 5 представлена динамика доли населения в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения в России, СЗФО и ряде регионов с наибольшим ростом, наименьшим ростом и снижением численности пожилых. Для всех рассмотренных регионов отмечен рост этого показателя за период 1990–2019 гг.

Таким образом, показано, что глобальный тренд развития старения населения характерен для СЗФО и практически всех его регионов. Ни одна из рассмотренных агрегированных возрастных групп не претерпела столь значительных изменений за рассмотренный период, как население старше трудоспособного возраста. В связи с этим был рассмотрен один из важнейших показателей старения населения – доля населения старше 65 лет в общей численности населения (Prop.65+).

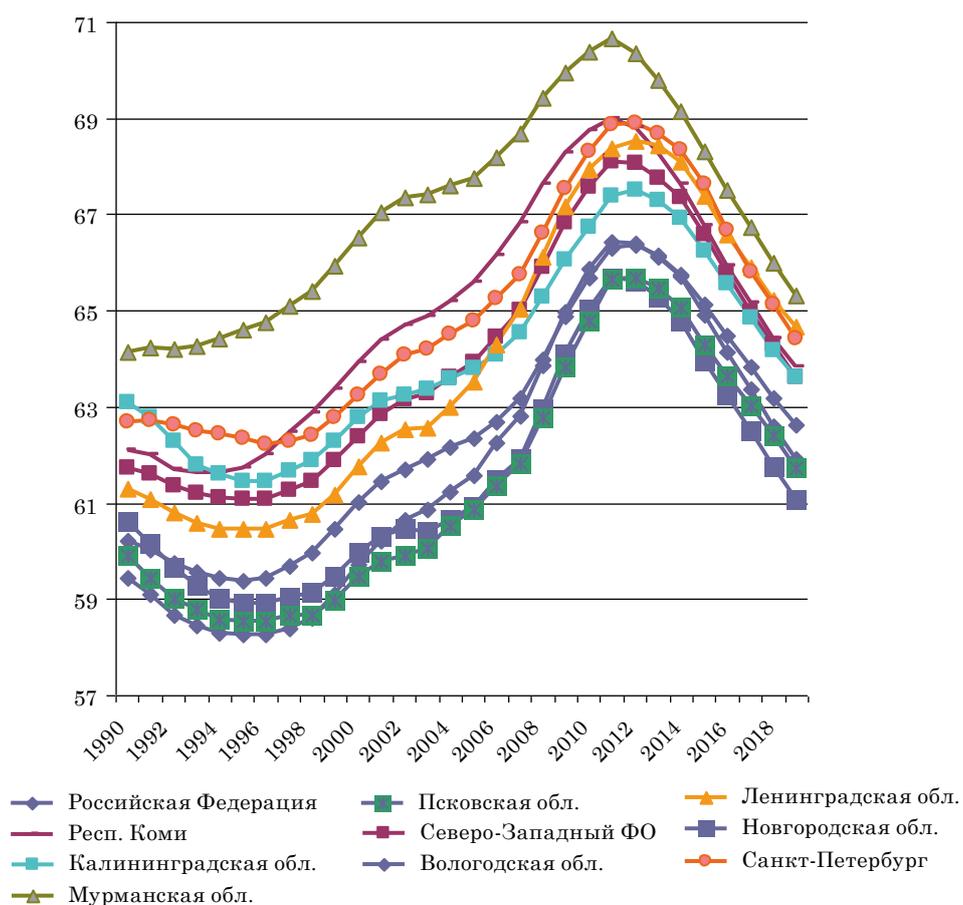

Рис. 3. Динамика доли населения трудоспособного возраста (Propr. 20–64) в общей численности населения России, СЗФО и ряда регионов СЗФО за 1990–2019 гг. (по данным [7]), %

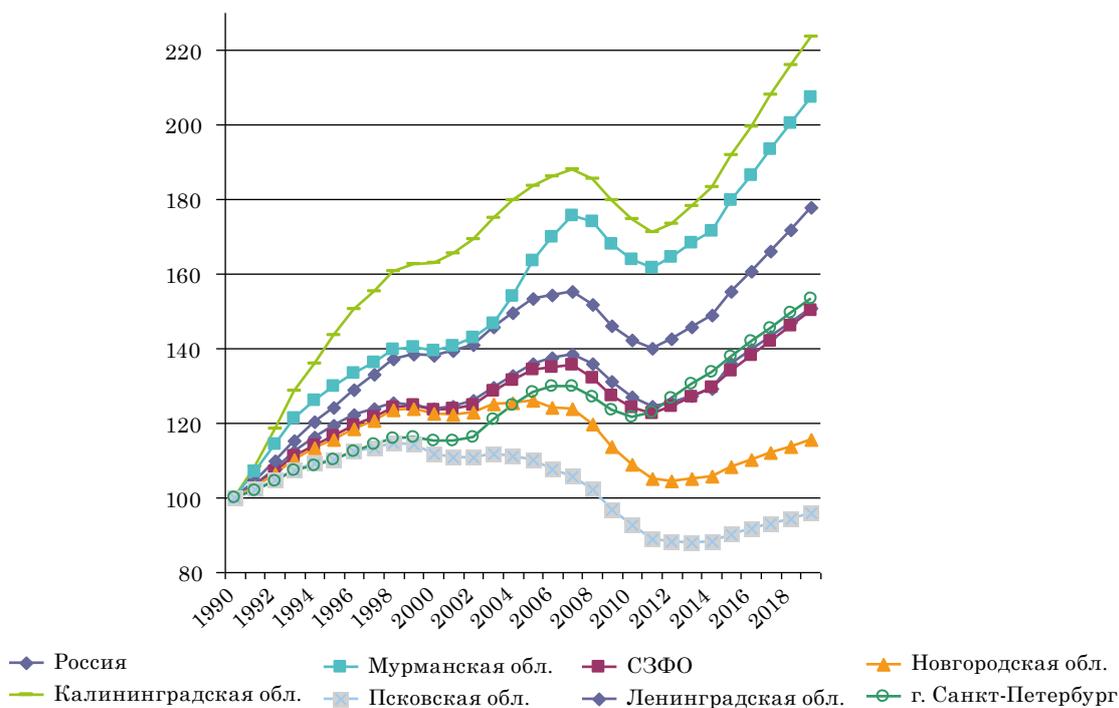

Рис. 4. Динамика численности населения в возрасте 65+, Россия, СЗФО, Калининградская, Мурманская, Новгородская и Псковская области, 1990–2019 гг. (по данным [7]), %, относительно 1990 г.

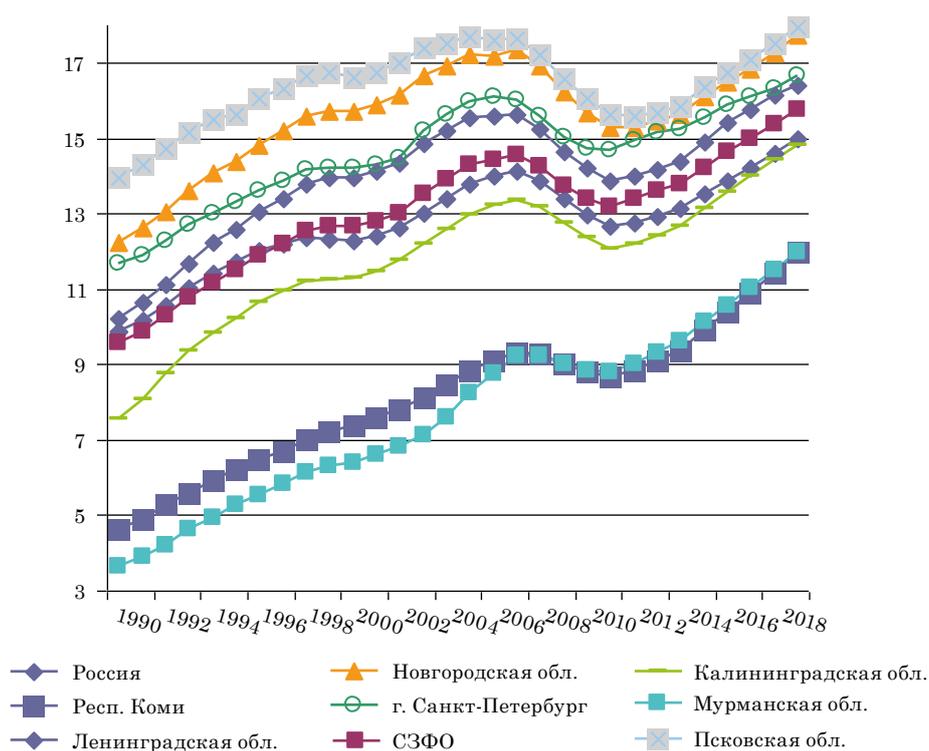

Рис. 5. Динамика удельного веса пожилых (Prop.65+), Россия, СЗФО, Ленинградская область, три региона с наибольшими значениями Prop.65+ (Псковская, Новгородская области и г. Санкт-Петербург) и три региона с наименьшими значениями Prop.65+ (Республика Коми, Мурманская и Калининградская области), 1990–2019 гг. (по данным [7]), %

Как показывают результаты расчетов, представленные на рис. 5, за 1990–2019 гг. удельный вес населения в возрасте 65+ в России, СЗФО и всех регионах, входящих в состав СЗФО, увеличился, и тренды изменения Prop.65+ для всех рассмотренных населений имеют схожий характер. Снижение значений этого показателя в начале 2010-х гг. является отголоском Великой Отечественной войны. Далее вплоть до настоящего времени отмечен его монотонный рост. В 2019 г. удельный вес пожилого населения (Prop.65+) в СЗФО составил 15,8%. Наибольшие значения Prop.65+ отмечены в Псковской и Новгородской областях (17,9% и 17,8% соответственно), наименьшие – в Республике Коми и Мурманской области (11,97% и 11,98%). Границы изменения значений Prop.65+ за рассматриваемый период уменьшились. В 1990 г. значения Prop.65+ изменялись в пределах 10,4 п. п., а в 2019 г. границы изменения сузились до 5,97 п. п. (см. рис. 5).

Динамика традиционных показателей старения населения

Для описания процесса старения используется ряд традиционных показателей старе-

ния населения. Среди них, помимо уже рассмотренной доли пожилых людей в общей численности населения (доля населения 60 лет и старше или доля населения старше 65 лет, Prop.60+ или Prop.65+), индекс старения (число людей 60 лет и старше на 100 детей до 15 лет, или число людей 65 лет и старше на 100 детей до 20 лет), коэффициент демографической нагрузки за счет пожилых OADR (old age dependency rate) (число пожилых на 100 лиц трудоспособного возраста); коэффициент поддержки родителей (число лиц 85 лет и старше на 100 лиц 50–64 лет).

В данной работе коэффициент демографической нагрузки за счет пожилых (OADR) был рассчитан как соотношение лиц старше 65 лет и лиц трудоспособного возраста (20–64 года). На рис. 6 представлена динамика OADR для России, СЗФО, Ленинградской обл., Санкт-Петербурга, регионов с наибольшими значениями этого показателя – Псковской и Новгородской областей – и регионов с наименьшими значениями – Мурманской области и Республики Коми. Несмотря на снижение значений в 2006–2011 гг., для всех регионов, входящих

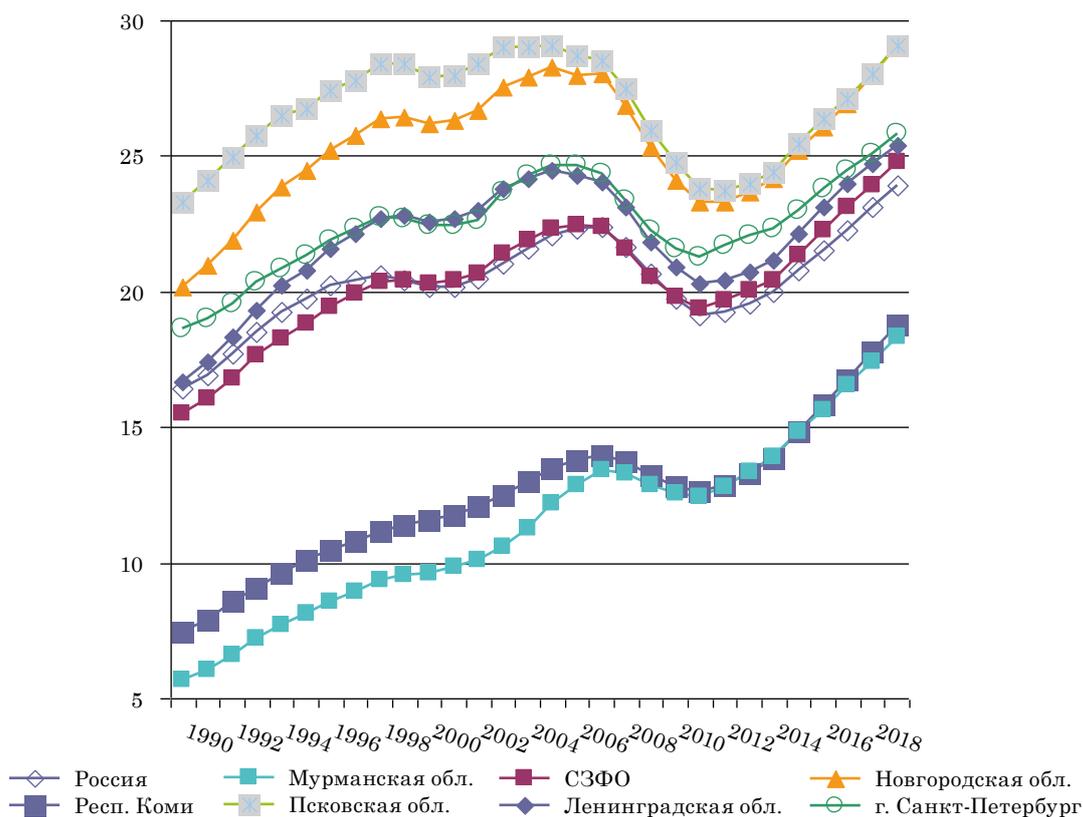

Рис. 6. Динамика демографической нагрузки за счет пожилых, 1990–2019 гг. (по данным [7])

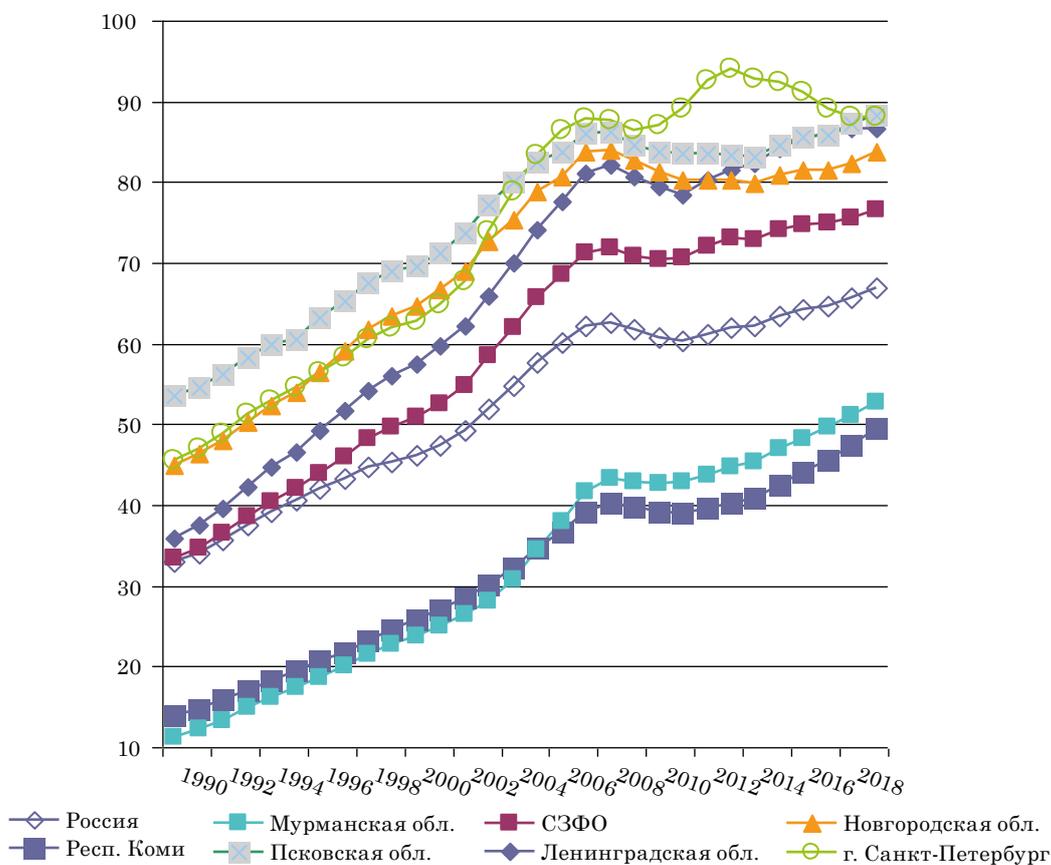

Рис. 7. Динамика индекса старения для России, СЗФО, Ленинградской обл., Санкт-Петербурга, Псковской, Мурманской и Новгородской областей и Республики Коми, 1990–2019 гг. (по данным [7])

в состав СЗФО, самого СЗФО и России наблюдается рост демографической нагрузки за счет пожилых. Минимальные значения OADR отмечены в Мурманской области и республике Коми: в 1990 г. они составили 5,65 и 7,47 пожилых человек на 100 лиц трудоспособного возраста; в 2019 г. – 18,34 и 18,76 соответственно. Но даже их значения в 2019 г. ниже, чем значения OADR в Псковской и Новгородской областях в 1990 г. – 23,3 и 20,2. В 2019 г. значения OADR в этих регионах составили 29,7 и 29,6 лиц старшего возраста на 100 лиц трудоспособного возраста. Тренды этого показателя схожи с трендами удельного веса пожилых в населении (см. рис. 5).

На рис. 7 представлена динамика индекса старения для России, СЗФО, Ленинградской области, Санкт-Петербурга, Псковской, Мурманской и Новгородской областей и Республики Коми. Несмотря на некоторое снижение в первой декаде XXI в., индекс старения увеличивается во всех рассмотренных регионах за период с 1990 по 2019 г., его тренды схожи для всех регионов. В 2019 г. наибольшее количество пожилых людей, приходящихся на 100 детей, зафиксировано в Псковской обла-

сти (88,33), Санкт-Петербурге (88,02) и Ленинградской области (86,67). Наименьшее значение индекса старения в 2019 г. – в Республике Коми (49,48) и Мурманской области (52,70). Значение индекса старения, превышающего 100, говорит о том, что в населении численность пожилых людей превышает численность детей.

Еще одной мерой старения служит коэффициент поддержки родителей, из всех рассмотренных это наиболее «социальная» мера. Он отражает необходимость в заботе и уходе, так как представляет собой соотношение самых старших пожилых (85 лет и старше) и лиц в возрасте 50–64 лет – возрастной группы, на которую, как правило, ложится забота о пожилых родственниках. В 1990 г. на 100 чел. в возрасте 50–64 лет приходилось 4,85 лица в возрасте 85 лет и старше в Псковской области и 3,49 в Санкт-Петербурге, в то время как значение коэффициента поддержки родителей в Мурманской области составляло 1,31. К 2019 г. коэффициент поддержки родителей в Мурманской области был равен 3,82, а в Псковской

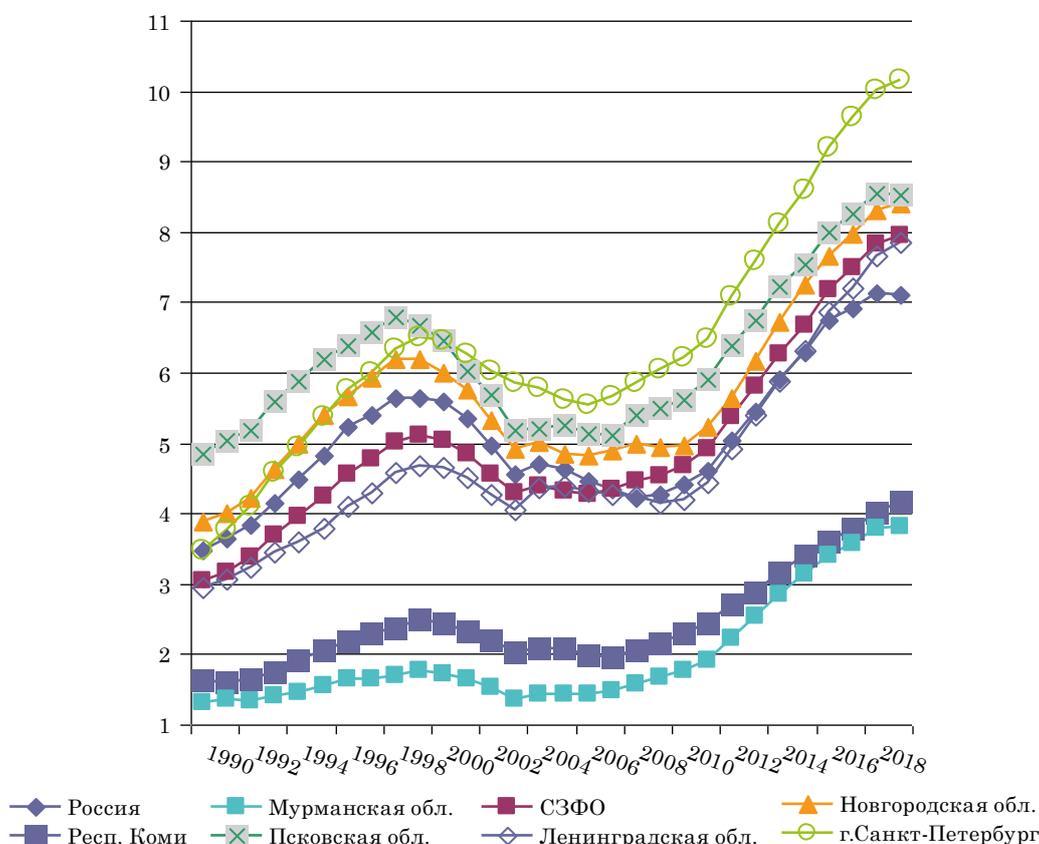

Рис. 8. Динамика коэффициента поддержки родителей для России, СЗФО, Ленинградской области, Санкт-Петербурга, Псковской, Мурманской и Новгородской областей и Республики Коми, 1990–2019 гг. (по данным [7])

области его значение достигло отметки 8,54, в Санкт-Петербурге – 10,15 (рис. 8).

Даже в рамках одного рассмотренного федерального округа регионы России обладают как рядом схожих черт в динамике возрастной структуры и показателей старения населения, так и рядом различий. Для выработки продуктивных общих стратегии и национальных проектов необходима разработка мер, учитывающих региональную специфику. С учетом развития процесса старения населения данная проблематика требует продолжения исследований, в частности рассмотрения мер старения, учитывающих продолжительность предстоящей жизни, а также перспектив изменения показателей старения населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Population Ageing: highlights / Department of Economic and Social Affairs Population Division. New York: United Nations, 2019. 46 p.
2. Сафарова Г. Л., Сафарова А. А., Косолапенко Н. Г., Арутюнов А. В. Демографические аспекты старения населения Санкт-Петербурга в конце XX – начале XXI века. Часть 1. Традиционные меры старения населения // Успехи геронтологии. 2015. Т. 28, № 4. С. 605–611.
3. Safarova A. A., Safarova G. L., Lisenenkov A. I. Demographic Aspects of Population Ageing in Saint-Petersburg at the End of XX–the beginning of XXI Century. Part II. Prospective Ageing Measures // Advances In Gerontology. 2018. Vol. 8, № 2. p. 96–103.
4. Старение населения Санкт-Петербурга: социально-демографические аспекты / под ред. Г. Л. Сафаровой. СПб.: Система, 2006. 112 с.
5. Сафарова Г. Косолапенко Н., Арутюнов В. Региональная дифференциация показателей старения населения России // Успехи геронтологии. 2005. Вып. 16. С. 7–13.
6. Сафарова Г. Л., Сафарова А. А., Косолапенко Н. Г. Возрастная структура регионов Северо-Западного федерального округа // Междисциплинарное исследование процессов трансфор-

мации социально-экономического пространства и территориального развития регионов России: монография / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф., акад. РАН В. В. Окрепилова, д-ра экон. наук, проф. С. В. Кузнецова. СПб.: ГУАП, 2021. С. 335–344.

7. Росстат: офиц. сайт. URL: www.gks.ru (дата обращения: 10.09.2021).

REFERENCES

1. World Population Ageing: highlights / Department of Economic and Social Affairs Population Division. New York: United Nations, 2019. 46 p.
2. Safarova G. L., Safarova A. A., Kosolapenko N. G., Arutyunov A. V. Demograficheskie aspekty stareniya naseleniya Sankt-Peterburga v kontse XX – nachale XXI veka. Chast' 1. Traditsionnye mery stareniya naseleniya // Uspekhi gerontologii. 2015;(28(4)):605–611. (In Russ.).
3. Safarova A. A., Safarova G. L., Lisenenkov A. I. Demographic Aspects of Population Ageing in Saint-Petersburg at the End of XX–the beginning of XXI Century. Part II. Prospective Ageing Measures // Advances In Gerontology. 2018;(8(2)):96–103.
4. Starenie naseleniya Sankt-Peterburga: sotsial'no-demograficheskie aspekty / pod red. G. L. Safarovoi. SPb.: Sistema, 2006. 112 s. (In Russ.).
5. Safarova G. Kosolapenko N., Arutyunov V. Regional'naya differentsiatsiya pokazatelei stareniya naseleniya Rossii // Uspekhi gerontologii. 2005;(16):7–13. (In Russ.).
6. Safarova G. L., Safarova A. A., Kosolapenko N. G. Vozrastnaya struktura regionov Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga // Mezhdistsiplinarnoe issledovanie protsessov transformatsii sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva i territorial'nogo razvitiya regionov Rossii: monografiya / pod nauch. red. d-ra ekon. nauk, prof., akad. RAN V. V. Okrepilova, d-ra ekon. nauk, prof. S. V. Kuznetsova. SPb.: GUAP, 2021:335–344. (In Russ.).
7. Rosstat: ofits. sait. Available at: www.gks.ru (accessed: 10.09.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Гагулина
Наталья
Львовна**

кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН
nata_c@bk.ru

**Гашко
Дмитрий
Валерьевич**

старший преподаватель кафедры экономики предпринимательства Санкт-Петербургского государственного экономического университета
dgashko@rambler.ru

**Дорофеева
Людмила
Владимировна**

кандидат экономических наук, научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН
dorofeevalucy@gmail.com

**Жихаревич
Борис
Савельевич**

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН, директор Ресурсного центра по стратегическому планированию при МЦСЭИ «Леонтьевский центр»
zhikh@leontief.ru

**Котов
Анатолий
Иванович**

кандидат экономических наук, специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития Администрации Губернатора Санкт-Петербурга
a.kotov@gov.spb.ru

**Кузнецов
Сергей
Валентинович**

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Института проблем региональной экономики РАН
info@iresras.ru

**Леонтьева
Анна
Николаевна**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН
an.leontieva@mail.ru

**Лукин
Евгений
Владимирович**

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом Вологодского научного центра РАН
lukin_ev@list.ru

**Окрепилов
Владимир
Валентинович**

доктор экономических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия
okrepilov@test-spb.ru

**Прибышин
Тарас
Кириллович**

научный сотрудник МЦСЭИ «Леонтьевский центр»
pribyshin@leontief.ru

**Сафарова
Анна
Арамовна**

научный сотрудник лаборатории анализа и моделирования социально-демографических процессов Института проблем региональной экономики РАН
safarova.a@gmail.com

**Сафарова
Гаянэ
Левоновна**

кандидат экономических наук, доктор биологических наук, заведующий лабораторией анализа и моделирования социально-демографических процессов Института проблем региональной экономики РАН
gaia-s@mail.ru

**Сидоров
Максим
Андреевич**

младший научный сотрудник Вологодского научного центра РАН
voleconmod@mail.ru

**Халитова
Амина
Камилевна**

специалист 1-й категории Аппарата вице-губернатора Санкт-Петербурга Администрации Губернатора Санкт-Петербурга
a.khalitova@gov.spb.ru

**Шматко
Алексей
Дмитриевич**

доктор экономических наук, профессор, профессор РАО, директор Института проблем региональной экономики РАН Санкт-Петербург, Россия
info@iresras.ru

**Якишин
Юрий
Владимирович**

доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН
leoni189@mail.ru

**Ялунер
Елена
Васильевна**

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН, заведующий кафедрой экономики предпринимательства Санкт-Петербургского государственного экономического университета
yaluner@yandex.ru

Требования к порядку представления рукописей для публикации в журнале «ЭКОНОМИКА СЕВЕРО-ЗАПАДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

Все направляемые для публикации в журнале авторские материалы должны быть оформлены в соответствии с указанными далее требованиями.

Статьи следует представлять в редакцию в напечатанном виде (в 2-х экземплярах) с приложением электронного носителя или присылать на электронный адрес: info@iresras.ru.

Материал на бумажном носителе должен строго соответствовать информации на электронном носителе. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант материала.

1. Редакция научного журнала (далее – редакция) принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи, соответствующие тематической направленности журнала и критериям научного качества, представляющие интерес для широкого круга читателей.

2. Статья должна быть написана на хорошем русском или английском языке. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (40 000 знаков), или 22–23 машинописных страниц. Распечатка статьи должна быть подписана всеми авторами с указанием даты ее отправки.

3. При оформлении рукописи необходимо придерживаться следующей структуры информации, представленной на русском и английском языках:

– фамилия, имя и отчество автора(ов); ученая степень, ученое звание, почетное звание (если имеются); должность, место работы; название организации; контактная информация: e-mail, город, страна проживания, контактные телефоны для связи с редакцией журнала;

– заглавие статьи;

– аннотация (100–150 слов);

– ключевые слова (8–12 слов).

4. В конце статьи размещается библиографический список на русском и на английском языках.

5. Рукописи проходят научное и литературное редактирование.

Технические требования к оформлению

Текстовый материал должен быть набран в Microsoft Office Word, шрифт основного текста – Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – полуторный, выравнивание по ширине; параметры страницы: верхнее поле – 2,5 см, нижнее поле – 2,5 см, левое – 2 см, правое – 2 см. Страницы должны быть пронумерованы.

Формулы необходимо набирать в формульных редакторах Mathtype или Equation; знаки препинания (точки, запятые) в конце формулы набираются, не выходя из программы.

Абзацы отделяются друг от друга одним нажатием на клавишу «Enter».

Недопустимо использовать принудительные переносы.

Материал статьи – текст, включая аннотацию, ключевые слова на русском и английском языках, рисунки, таблицы оформляются в одном файле.

Графические материалы (рисунки, схемы, иллюстрации) должны иметь подрисуночные подписи, обязательную ссылку.

Векторные рисунки должны быть представлены в векторных программах: Visio; Coreldraw (сохранить в более низшей версии не выше 15); Excel; Word; AdobeIllustrator; Mathcad; AutoCad (*.dxf); Компас; Matlab.

Фотографии и растровые – в формате *.tif, *.png с максимальным разрешением (не менее 300 pixels/inch при размере не менее 12×12 см).

При подготовке графических материалов и таблиц необходимо учитывать, что журнал черно-белый, поэтому не следует применять заливок цветом.

Условные обозначения, приведенные на рисунках, необходимо пояснять в основном или подрисуночных текстах.

Таблицы должны иметь последовательные порядковые номера и заголовки, ссылки в тексте.

Единицы измерений и буквенные обозначения физических величин должны отвечать требованиям ГОСТ 8.417-2002 «ГСИ. Единицы величин».

Список литературы составляется по порядку ссылок в тексте в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

Автор несет полную ответственность за точность и достоверность данных, приведенных в рукописи статьи, присылаемой в редакцию журнала.